Вопросы современного русского литературного языка

Выпуск II

ЧЕЛЯБИНСК—1967

МИНИСТЕРСТВО
ПРОСВЕЩЕНИЯ
РСФСР

●

ЧЕЛЯБИНСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ

●

Вопросы современного русского литературного языка

●

ЛЕКСИКА,
ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ,
СТИЛИСТИКА

●

Выпуск II

●

ЧЕЛЯБИНСК—1967

Настоящий сборник «Вопросы современного русского литературного языка» так же, как и предыдущий, посвящен исследованию ряда актуальных проблем русского языкознания. В отличие от первого выпуска, где основное внимание было уделено грамматическому строю русского языка, в этом сборнике преобладают статьи по фразеологии и лексикологии.

Детальный анализ категории числа в тавтологических сочетаниях дается в статье А. М. Чепасовой; в статьях В. А. Лебединской изучаются особенности употребления категории лица во фразеологических единицах. Отдельные вопросы лексикологии рассматриваются в работах Л. Н. Рынькова и Л. А. Шкатовой. В статье В. В. Земской обобщается многолетний опыт проведения спецсеминара по русскому языку. Новое понимание некоторых грамматических явлений выдвигается Г. Г. Кухтенковой и З. П. Петровой. Вопросам стилистики посвящены статьи С. Г. Шулежковой и Л. Н. Рынькова.

Сборник рассчитан на преподавателей вузов, педучилищ, учителей средних школ, аспирантов и студентов филологических факультетов.

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ — КОМПОНЕНТОВ ТАВТОЛОГИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ

А. М. ЧЕПАСОВА,
Челябинский пединститут

Вопрос о формах выражения числа существительных, о лексико-грамматической сущности этой категории в нашем языкознании разработан глубоко и разносторонне. Но все закономерности функционирования числа в трудах, посвященных исследованию этой категории существительных, применимы лишь к словам в их так называемом свободном употреблении и почти совершенно неприложимы к тем же самым существительным, находящимся в составе фразеологических сочетаний.

Существительные, образующие фразеологизм, определенным образом изменяют свое номинативное или переносное значение, создавая новое по качеству фразеологическое значение. Преобразование семантики существительных — компонентов фразеологических сочетаний влечет за собой определенные изменения в характере функционирования числа как лексико-грамматической категории. Какой характер носят эти изменения числа существительных — компонентов в составе фразеологизмов? Присуща ли вообще категория числа тем фразеологизмам, в состав которых входят существительные?

В настоящей работе мы попытаемся частично ответить на эти вопросы, анализируя категорию числа в одном, древнейшем, виде фразеологических сочетаний — в тавтологизмах, составленных из существительных типа «изо дня в день», «плечом к плечу», «с глазу на глаз», «из уст в уста» и др. подобных.

Существительные, образовавшие в русском языке тавтологические сочетания, обозначают разные и различные стороны реального объективного мира. Это, в первую очередь, названия частей человеческого тела — голова, нога, рука, лицо, глаз, уста, плечо, зуб и др.; обозначения отрезков пространства и времени — место, сторона, край, угол, начало, конец,

время, век, год, день, час, минута, секунда, заря; обозначения единиц и элементов человеческой речи — слово, буква, строка, точка; название общности людей в какой-то промежуток времени — поколение, род; название веществ — плоть, кровь; название пространственных отрезков как результата движения кого, чего-либо — шаг, след; обозначение понятий, выработанных человеком,— честь, чин и др. Подавляющее большинство существительных, образовавших тавтологические сочетания, многозначно. Словарь современного русского литературного языка приводит, например, под словом «рука» 8[1] значений, под словом «голова» — 5 значений, под словом «глаз» — 3 значения, под словом «год» — 4 значения, под словом «время» — 8 значений, под словом «слово» — 8 значений, под словом «век» — 5 значений и т. д.

По связи с категорией числа эти существительные делятся на две группы.

В первой, самой большой по количеству слов, группе оказываются существительные, которые могут иметь форму единственного и множественного числа.

Во второй, весьма малочисленной, — существительные, которые могут иметь форму только одного числа.

В свою очередь, существительные первой группы по характеру проявления числа могут быть разделены на две подгруппы.

В первой подгруппе объединяются слова, у которых во всех или некоторых значениях число обнаруживает себя как грамматическая категория. Такие существительные, называя предметы и явления окружающего нас мира, имеют соотносительные формы единственного и множественного числа, свободно сочетаются с количественными числительными. Ср.: шаг — шаги, 5 шагов; доска — доски, 7 досок; день — дни, 5 дней; угол — углы, 5 углов; нога — ноги, нос — носы, плечо — плечи, час — часы, слово — слова, буква — буквы и т. д.

Во второй подгруппе оказываются слова, в которых число является уже лексико-грамматической категорией. Ср.: время — времена, начало — начала, конец — концы, век — века и др.

Тавтологические сочетания, образованные из описанных выше существительных, представляют собой такие единицы языка, которые качественно отличаются по своему значению

---

[1] Причем, каждое из значений имеет большое количество разнообразных смысловых оттенков, которые не учитываются при подсчете количества значений.

от значений составивших их существительных. Это новое, фразеологическое, значение тавтологизмов всегда связано с определенной грамматической формой конституирующих оборот компонентов.

Так, по форме числа существительных-компонентов все русские тавтологизмы делятся на три группы:

I ед.+ед. (из стороны в сторону, с глазу на глаз, из конца в конец);

II мн.+мн. (во веки веков, из рук в руки, с рук на руки);

III ед.+мн. (в конце концов, начало начал, основа основ, суета сует).

Форма числа слова-компонента в каждом фразеологизме обусловлена определенной языковой причиной. Причин таких две. В абсолютном большинстве тавтологических сочетаний форма числа их компонентов определяется **фразеологическим значением целого.**

Большое количество тавтологизмов по характеру фразеологического значения делится на несколько семантических групп. Так, выделяется группа тавтологизмов, обозначающих последовательность, постепенность, направление в чем-нибудь: «изо дня в день», «из года в год», «из угла в угол», «с места на место».

Вторая группа фразеологизмов тоже обозначает последовательность во времени, но эта последовательность обязательно связывается со значением степени проявления действия или признака: «год от году», «день ото дня», «час от часу», «с часу на час».

В третьей — фразеологизмы обозначают близость кого- и чего-либо с кем-, чем-либо или совместность действий субъектов: «лицом к лицу», «плечом к плечу», «носом к носу», «рука об руку» и др.

В четвертой группе объединяются фразеологизмы, обозначающие точное воспроизведение объема, формы чего-либо с совпадением характерных структурных черт каждого из объектов: «слово в слово», «точка в точку», «минута в минуту», «шаг в шаг».

В пятой группе фразеологизмы обозначают охват всего объема чего-либо с учетом конечных пунктов, точек: «из края в край», «от точки до точки», «от зари до зари», «от доски до доски».

При анализе семантических и грамматических черт тавтологизмов названных пяти групп обнаруживаются закономерности, характерные только для фразеологических сочетаний

подобного типа. 1. Почти всегда в тавтологизмах используются слова в их номинативных, первичных значениях. Так, у существительного «год» первое значение — «период времени, соответствующий одному обороту земли вокруг солнца, содержащий 365 или 366 суток, или же 12 календарных месяцев, начиная с 1 января»[1]. С этим значением слова «год» образованы фразеологизмы «из года в год», «год за годом», «с году (с года) на год», «год от года(у)». Существительное «час» в своем первом значении называет «промежуток времени, равный шестидесяти минутам, одной двадцать четвертой части суток»[2]. С этим значением слова «час» известны фразеологизмы «с часу на час», «из часа в час», «час в час», «час от часу» и др.

Существительное «угол» обозначает «место, где сходятся две внутренние или внешние стороны предмета»[3]. С этим значением слова образованы фразеологизмы «из угла в угол», «с угла на угол», «угол об угол», «угол на угол».

Существительное «слово» в первом значении называет «единицу речи, представляющую собой звуковое выражение отдельного предмета мысли»[4]. С этим значением известны фразеологизмы «слово в слово», «слово за слово», «слово за словом». Та же самая закономерность наблюдается во фразеологизмах с компонентами «зуб», «лицо», «капля», «точка», «бок», «строка», «нога», «поколение», «нос» и мн. другими.

Но все вышеприведенные и им подобные сочетания становятся фразеологическими не только потому, что их составили слова с прямым номинативным значением. Существительные в составе тавтологического фразеологизма не только сохраняют[5] свое номинативное значение, но и образуют одновременно еще **значение целого сочетания**. Это значение целого господствует над значением слова-компонента. Такое своеобразное сосуществование значений компонента и целого характерно для тавтологических сочетаний.

Например, существительное «день» — «часть суток от восхода до захода солнца, от утра до вечера»[6] в составе фразео-

---

[1] Словарь современного русского литературного языка в 17 томах, т. 3. М.—Л., 1948—1965, стр. 200.

[2] Словарь современного русского литературного языка в 17 томах, т. 17, стр. 762.

[3] Там же, т. 16, стр. 232.

[4] Там же, т. 13, стр. 1231.

[5] О том, в какой степени сохраняется значение слов, образующих фразеологический тавтологизм, мы будем говорить дальше в связи с анализом различных тавтологизмов.

[6] Словарь современного русского литературного языка в 17 томах, т. 3, стр. 699.

логизма «изо дня в день» не утрачивает этого значения, оно и в сочетании значит «часть суток от восхода до захода солнца», но фразеологизм в целом имеет уже другое, новое значение—«ежедневно, беспрестанно»[1]. Беспрерывность действия во времени — вот что главное в значении этого сочетания. Для передачи именно этого значения оно и употребляется в устной или письменной речи.

> Он скоро ушел на службу, а мать задумалась об «этом деле», которое **изо дня в день** упрямо и спокойно делают люди. (М. Г.)
>
> Я живу в Москве и **изо дня в день** жду от тебя письма. (Ч.)
>
> Песчата утрачивают свой дикий нрав, **изо дня в день** ручнеют. (Л. Пас.)

Существительное «угол» — «место, где сходятся две внутренние стороны предмета»[2] в какой-то степени сохраняет это значение в тавтологизме «из угла в угол» — «по линии между двумя противоположными углами комнаты».

> Не имея возможности остаться со мною наедине, она начала ходить **из угла в угол** по длинной своей гостиной. (Акс.)
>
> Анисья присутствовала на кухне хозяйки и, из любви к делу, бросалась **из угла в угол.** (Гонч.)
>
> Иван Иванович прошелся в волнении **из угла в угол.** (Ч.)

2. Образовавшееся новое, фразеологическое значение тавтологизмов совершенно изменяет грамматические способности слов-компонентов: если в свободном употреблении существительные типа «шаг, год, день, угол, слово, плечо» и др. способны иметь соотносительные формы числа, сочетаться с количественными числительными (о чем было сказано при характеристике языковых свойств отдельных существительных), то в составе тавтологических сочетаний эти и им подобные слова полностью утрачивают такое свойство. Поэтому в нашем языке есть только сочетания «из угла в угол», но не «из углов в углы» или «из углов в угол»; «шаг за шагом», но не «шаги за шагами» или «шаги за шагом»; «год от года», но не «годы от годов» или «от годов (лет) год»; «от доски до доски», но не «от досок до досок» или «от доски до досок»; «слово в слово»,

---

[1] Словарь современного русского литературного языка в 17 томах, т. 3, стр. 699.

[2] Там же, т. 16, стр. 232.

но не «слова в слова» или «слова в слово»; «плечом к плечу», но не «плечами к плечам» или «плечами к плечу» и т. д.

Фразеологическое значение целого сочетания определяет также форму числа компонентов в каждой группе тавтологизмов. Так, в первой, самой многочисленной, группе тавтологизмов составляющие каждое сочетание существительные могут иметь форму только единственного числа потому, что последовательность, постепенность, направление в чем-нибудь могут быть осуществлены лишь при условии, **если будет при этом учитываться каждая единица.**

Необходимый **учет каждой единицы,** характерный для значения этой группы фразеологизмов, создает, с одной стороны, последовательность, постепенность, направление в движении, то есть основное значение всей группы, а с другой — требует, чтобы конституирующая тавтологизм словесная единица употреблялась **только в форме единственного числа.**

> **Из года в год** рожала она детей, заворачивая сосунков в истлевшие пеленки да в поношенный овчинный лоскут. (Шол.)
>
> **Из года в год** креп талант А. И. Шубина. (Из газ.)
>
> **Год за годом** священнодействовали остро отточенный карандаш и резинка, буква за буквой, строка за строкой рождалась эта книга. (В. Субб.)
>
> **Год за годом** в рейсе дальнем
> Так и рвусь я сердцем к ней. (Б. Руч.)
>
> **День за днем,** с рассвета до заката шла напряженная трудовая жизнь. (И. Ефр.)
>
> Все против нас — мы издыхаем всю нашу жизнь **день за днем** в работе. (М. Г.)
>
> ...Туманная полоса земли с красивыми горными пиками **изо дня в день** манит к себе. (Ч.)
>
> **Изо дня в день** мысль работает в одном направлении: что бы поесть, и чем бы покормить детей. (Ч.)
>
> Он... доискивался нормы жизни, такого существования, которое было бы исполнено содержания, и текло бы тихо, день за днем, **капля за каплей.** (Гонч.)
>
> Перемены эти (в ребятах) совершались не сразу, не вдруг, а постепенно, незаметно, **капля за каплей,** каждый день в суете ежедневных дел и забот. (Б. Горб.).
>
> Так **капля за каплей** В. В. Молчадский вливал яд искушения в разгоряченный мозг больного, и больного в конце концов охватила новая мания — частного предпринимательства. (С. Нар.)

С каждым взмахом косы **капля по капле** уходила черная тоска, давящая душу. (Медын.)

Определенное чередование нуклеотидов в ДНК обеспечивает передачу информации **из поколения в поколение.** (Из журн.)

Из поколения в поколение передаются абитуриентские легенды о сверхголоволомных, ультраэкзотичных вопросах, на которых «все срезаются». (Из газ.)

Могельницкие привыкли к нему (Юзефу) так же, как к двум средневековым рыцарям в латах, стоявшим у входа в вестибюль. Фигуры рыцарей, как и Юзефы, переходили по наследству **от поколения к поколению.** (Н. Остр.)

От поколения к поколению продолжался гражданский подвиг русского инженера. (Из газ.)

...ведь я нынче за полкового адъютанта, ... штурма ждем **с часу на час,** а по пять патронов в суме нет. (Л. Т.)

Холера уже в Москве и в Московском уезде. Надо ждать ее **с часу на час.** (Ч.)

Сейчас был у меня Суворин и со свойственною ему нервозностью, с хождением **из угла в угол** и (...) смотрением через очки стал мне слезно каяться. (Ч.)

Шляемся **из угла в угол** мелкими людишками, чужеядами, места своего не знаем. (Ч.)

...пока проезжала повозка, двигаясь **шаг за шагом,** все замечания солдат относились только к женщинам. (Л. Т.)

Теперь я буду следить за «Библиотекою» **шаг за шагом;** я обнаружу всю ее политику, изъясню подробнее причины ее могущества. (В. Бел.)

Их приговорили к расстрелу; им прочли приговор на площади, завязали глаза и, заставив таким образом изведать **шаг за шагом** все муки агонии, их помиловали... на каторжные работы. (Герц.)

Не найдя ничего подозрительного, он сдернул с Олега тужурку и **пядь за пядью** стал прощупывать ее. (Фад.)

Пядь за пядью, в великих трудах и лишеньях, отвоевал человек землю у леса. (С.-Мик.)

Слово за словом Уэллс восстанавливает беседу с Лениным. (Из газ.)

Она отчетливо, **слово за словом,** перекладывала из

своего ума в чужой все, что ее так долго грызло... (Гонч.)

А тут в это время дамы были,... между прочим, жена этой слюни-подпоручика Окурина... Окурин взбеленился... **Слово за слово...** знаешь, ведь, наших. (Ч.)

Слово за слово — Устиныч расспросил его, откуда и куда они идут, где покупали лошадей и почем покупали, и сам рассказывал о себе. (Тел.)

Анализ предложений с каждым фразеологизмом этой группы обнаруживает весьма отчетливо диалектику развития фразеологического значения: от сочетания, в большой степени сохраняющего прямое значение составляющих его компонентов, с неясно выраженным значением целого и потому менее фразеологичного, оно идет к сочетанию с ярко выраженным фразеологическим значением, в котором почти совсем утрачивается и потому не осознается прямое значение слов-компонентов.

Начальный и конечный моменты такого развития в какой-то степени можно наблюдать в каждой вышеприведенной группе предложений с одной и той же фразеологической единицей.

В описываемой группе фразеологизмов обращают на себя внимание следующие факты. Во-первых, тавтологизмы состоят из слов разных семантических групп: тут и названия частей человеческого тела и обозначения единиц времени или пространства, названия больших человеческих коллективов, объединенных в каком-то отношении, и слова, которые не объединяются в семантические группы — пола, капля, слово, шаг и др. Во-вторых, единицы этой группы не имеют одной языковой формы. В ней объединяются такие модели: с, со Р. + на В., из, изо Р. + в В., Им. + за В., Им. + за Тв., Им. + по Д., от Р. + к Д.

Фразеологизмы второй группы, как было сказано выше, тоже называют последовательность с обязательным учетом каждой единицы, и в этом отношении они обнаруживают черты сходства с фразеологизмами первой группы. В самом деле, во второй группе такая же семантика целого, как и у сочетаний первой группы, и такая же причина употребления компонентов только в форме единственного числа. Но фразеологизмы второй группы называют такую последовательность действий или состояния во времени, которая обязательно связана со степенью проявления этого действия или свойства. Компоненты в форме единственного числа в каждом сочетании являются, образно говоря, как бы ступенями, последовательно проходя которые, действие или состояние изменяется. Четкому

выражению значения последовательности, связанной со степенью, способствует и форма сочетания. Тавтологизмы этой группы построены лишь по двум моделям: Им.+от Р. и с, со Р.+на В.

Пугачев усиливался. Войско его **с часу на час** умножалось неимоверно. (П)

Год от года росли и крепли наши колхозы. (Из газ.)

Когда бы мы, старея **год от году,**
всю жизнь бок о бок прожили вдвоем,
я, верно, мог бы лгать тебе в угоду... (Б. Руч.)

К печали я так же легко привыкаю, как к наслаждению, и жизнь моя становится пустее **день ото дня.** (Л)

Между тем здоровье Андрея Гавриловича **час от часу** становилось хуже. (П)

Перед тем как двинуться в путь, Алексей вырезал из можжевельника палки. Он опирался на них, но идти становилось **час от часу** все труднее. (Б. Пол.)

...Я, может быть, скоро умру, я чувствую, что слабею **со дня на день.** (Л.)

Он пил все больше и больше и **со дня на день** все более и более нравственно слабел. (Л. Т.)

Снова и снова пытался (Алексей) вылезть, снова и снова соскальзывал на дно воронки. **Раз от разу** попытки его становились слабее. (Б. Пол.)

Раз от разу (осветительные ракеты) делались все ярче, заметнее и все ближе, ближе. (Субб.)

Анализ условий использования тавтологизмов этой группы в предложении свидетельствует не только о высокой степени соответствия формы тавтологизма его значению, но и об определенном влиянии значения тавтологизма на семантику и даже грамматическую форму слов, окружающих этот фразеологизм в предложении.

Как видно из приведенных примеров, в каждом предложении с фразеологизмом второй группы должны быть или 1) глагол, обозначающий **изменение признака** (умножаться, расти, крепнуть, глохнуть, вянуть, наращивать, слабеть, свирепеть и др. подобные), или 2) прилагательное, категория состояния или наречие в **форме сравнительной степени.**

Семантическое своеобразие этой группы фразеологизмов наиболее полно выражается моделью Им.+от Р. На такой вывод наталкивают следующие языковые факты. 1. Фразеологизмы, построенные по модели с, со Р.+на В. могут обозначать последовательность, постепенность без изменения (увеличения, уменьшения) действия или свойства и последователь-

ность, постепенность действий или состояний, связанную с изменением (увеличением, уменьшением) действия или свойства, состояния. Ср.:

Поисковая партия была решена, и **со дня на день** мы должны были уехать на Север. (Кав.)
Мы ждали Туровского **со дня на день.** (Б. Горб.)
Связисты услышали в наушники то, что все ждали **с часу на час.** (А. Т.)

Со дня на день глаз все более привыкает к новому видению, вчерашнее кажется старомодным, словно прическа, юбка или автомобиль. (Из газ.)
Пугачев усиливался... Войско его **с часу на час** умножалось неимоверно. (П.)

Как видно, одна и та же модель оформляет сочетания, по семантике относящиеся к разным группам.

2. Фразеологизмы модели с, со Р. + на В. со значением постепенности, связанной со степенью действия или состояния, свойства, единичны.

3. Фразеологизмы этой модели со значением второй группы известны лишь с компонентами «день» и «час».

Противоположная картина обнаруживается, если все названные положения применить к модели Им. + от Р. Во-первых, эта модель в современном русском языке служит оформлением тавтологизмов только второй семантической группы[1]. Во-вторых, частота употребления сочетаний этой модели по сравнению с моделью с, со Р. + на В. очень высокая. И, наконец, в-третьих, по этой модели образуются тавтологизмы со всеми компонентами — год, день, час, раз.

Семантическое единство фразеологизмов второй группы поддерживается семантической близостью слов, составивших тавтологизмы этой группы — они называют определенные отрезки времени — год, день, час. Даже существительное «раз» получает в составе сочетания «раз от разу» значение, сближающее его с другими словами-компонентами этой группы фразеологизмов.

Фразеологическое значение второй группы тавтологизмов и одна из ее единиц — **час от часу** — послужили основой для образования нового фразеологизма в русском языке — **«час от часу не легче»,** где сравнительная степень наречия (а мо-

---

[1] Из всех имеющихся у нас карточек с фразеологизмом «день ото дня» лишь в одной это сочетание имеет значение, характерное для первой группы тавтологизмов: «Маша **день ото дня** отлагала решительное объявление». П.

жет быть, категории состояния) «легко» с отрицанием составляет необходимую часть целого фразеологизма; без нее фразеологизм теряет свое значение — «постепенно появляются все новые и новые неприятности»[1]

Час от часу не легче — пожар в воздухе! (М. Гал.)

Час от часу не легче! — еще пуще рассердилась лиса: — Где это ты слыхал, чтобы лисицы миловали, а зайцы помилование получали? (С.-Щ.)

Час от часу не легче, — подумал Жирков. (Ч.)

Час от часу не легче! — подумал я про себя, — к чему послужило мне то, что в утробе матери я был уже гвардии сержантом. (П.)

(Нароков:) Я в нее влюблен.

(Домна Пантелеевна:) Ах, батюшки! **Час от часу не легче!** (Остр.)

Во фразеологизме **«час от часу не легче»** сохраняется значение тавтологического сочетания **«час от часу»** — постепенно усиливается от одного отрезка времени к другому — и добавляется новая часть значения, выражаемая сравнительной степенью наречия или категории состояния с отрицанием. В связи с добавлением второй части — «не легче» — фразеологизм в целом перестал быть тавтологическим, но сохранил и ярко обнаружил грамматическое и семантическое содержание структуры тавтологических сочетаний второй группы.

В третьей группе, объединяющей тавтологические фразеологизмы со значением близости между кем-, чем-либо или совместности в действиях, движении кого-, чего-либо, своя, особая причина употребления слов-компонентов в форме только единственного числа.

Форма единственного числа существительных полностью определяется значением фразеологизмов этой группы. С самого начала отметим такую особенность существительных, составляющих фразеологизмы третьей группы, — почти все они называют части человеческого тела: лоб, грудь, рука, плечо, нос, лицо, бок, локоть, нога. В тесной связи с названной семантикой компонентов находится значение фразеологизма — он называет близость между двумя субъектами, которые соприкасаются один с другим какой-то частью своего тела: плечами, локтями, руками и т. д. Фразеологизм подчеркивает практическое отсутствие расстояния между двумя субъектами, **совместность, единство их действий, поступков.**

Вот этот необходимый **учет близости только между двумя**

---

[1] Словарь современного русского литературного языка, т. 6, стр. 111.

действующими субъектами оформляется единственным числом слов-компонентов фразеологических сочетаний этой группы. Поэтому в большом количестве предложений, содержащих фразеологизмы со значением близости, совместности, говорится **о двух субъектах.**

> **Старик и прохожий** трогаются с места. Они идут рядом, **плечо о плечо** и молчат. (Ч.)
> Женщины **(мать и Софья)** молча прошли по улицам города, вышли в поле и зашагали **плечо к плечу** по широкой избитой дороге. (М. Г.)
> Так-то, Огарев, **рука в руку** входили **мы с тобой** в жизнь! Шли мы безбоязненно и гордо, не скупясь отвечали всякому призыву, искренно отдавались всякому увлечению. (Герц.)
> ...**братья** (старший и младший Козельцовы) поталкиваясь **нога об ногу,** хотя всякую минуту думали друг о друге, упорно молчали. (Л. Т.)
> Вчера, в полдень, подхваченный общей яростью, встречал **(Сережа Бруздак)** белополяков контратакой; вчера же впервые **грудь с грудью** столкнулся с безусым **легионером.** (Н. Остр.)
> Когда бы мы, старея год от году,
> всю жизнь **бок о бок** прожили **вдвоем,**
> я, верно, мог бы лгать тебе в угоду. (Б. Руч.)
> Мысль увидеть **императрицу лицом к лицу** так устрашала ее **(Марью Ивановну),** что она с трудом могла держаться на ногах. (П.)

Единственное число компонентов тавтологических фразеологизмов в приведенных и подобных им предложениях, где говорится о **двух субъектах,** объясняется логикой жизни. В них нет противоречия между семантикой тавтологических фразеологизмов этой группы и количеством действующих лиц в предложении. Компоненты, составляющие тавтологизмы в предложениях такого содержания, полностью сохраняют свое лексическое значение, которое сосуществует в сочетании со значением целого.

Степень фразеологичности сочетаний в таких условиях небольшая. Но она значительно возрастает, если в предложении действует больше, чем два лица.

> Стоит готовая к бою, налитая энергией, переполненная решимостью Красная Армия... Ждет сигнала... По этому сигналу — **грудь на грудь** — кинется на Колчака весь фронт. (Фурм.)
> (Молодежь) решила вступить в ряды Красной Армии

и биться с нами вместе, **плечом к плечу,** против белой своры. (Фурм.)

Двор какой-то МТС был густо огорожен колючей проволокой. Внутри **плечом к плечу** стояли пленные. (Шол.)

Не хочу сказать, что все они (соседи) ненавистники, равнодушные к чужой судьбе. Но просто люди порой оказываются во власти непонимания друг друга, хотя и живут **бок о бок.** (Из газ.)

Вот стоит она, вся партбригада...
Локоть к локтю.
Любой — будто гвоздь. (Б. Руч.)

На барже, свесив ноги за борт сидят **плечо в плечо** четыре мужика — один в красной рубахе — и поют песню; слов не слышно, но я знаю ее. (М. Г.)

В каждом из приведенных здесь предложений говорится больше, чем о двух субъектах: в первом — об армии, во втором — о молодежи, решившей вступить в Красную Армию, в третьем — о пленных, стоявших во дворе МТС, в четвертом — о соседях, в пятом — о партбригаде, в шестом — о четырех мужиках. И тем не менее фразеологизм каждого из этих предложений имеет в виду близость лишь двух субъектов. Противоречие между числом субъектов во фразеологизме и числом субъектов в предложении увеличивает фразеологичность формы и семантики тавтологизмов третьей группы.

Степень фразеологичности формы и семантики тавтологизмов описываемой группы увеличивается, когда составляющие сочетание компоненты употребляются в переносном значении. Проиллюстрируем это положение примерами с тавтологизмом «лицом к лицу» и «бок о бок».

Существительное «лицо» в составе фразеологизма может иметь прямое значение — передняя часть головы человека (см. вышеприведенные примеры) — и переносное значение — индивидуальный облик, отличительные черты кого, чего-либо.

Теоретически освобожденная личность очутилась в какой-то логической, отвлеченной пустоте; слабая — практически она стала **лицом к лицу** перед правительственной силой, опертой на государстве и церкви. (Герц.)

В современном русском языке нередко встречаются предложения с фразеологизмом «лицом к лицу», в котором составляющий его компонент обладает и первым, прямым, и вторым, переносным, значением.

Каждый из этих охотников носил на себе следы тиг-

ровых зубов и кабаньих клыков; каждый не раз видел смерть **лицом к лицу,** и только случаи спасали их от гибели. (В. Арс.)

Я знаю, как поступал он. Сажал горящую машину, когда по инструкциям — покидать самолет. Спасая людей, выбрасывал экипаж, а сам оставался **лицом к лицу** со смертельной опасностью. (Из газ.)

По этому докладу было принято специальное постановление, которое, как заметил один из участников, конференции «ставит нас со спортом **лицом к лицу»**. (Из газ.)

У камчатской природы тугие мускулы, с нею **лицом к лицу** встречаются только сильные. (В. Песк.)

...вдруг меня пронизывает мысль, что я сам нахожусь, существую внутри самой воронки (кратера вулкана — А. Ч.), окруженной горячими стенами, **лицом к лицу** с огненным зевом. (Л. Пас.)

Во всех приведенных нами предложениях говорится о близости человека, обладающего лицом, в первом значении этого слова, и различных явлений, событий, предметов (смерть, опасность, спорт, природа, зев кратера); по отношению к последним один из компонентов фразеологизма имеет значение — «индивидуальный облик, отличительные черты».

Тавтологизм «лицом к лицу» иногда используется в предложениях, рассказывающих о столкновении человека со зверем, зверя со зверем.

Но с торжествующим врагом
Он (Мцыри) встретил смерть **лицом к лицу**,
Как в битве следует бойцу. (Л.)

В четвертый, и пока последний, раз я встретил лесного великана (лося — А. Ч.) **лицом к лицу.** (В. Биан.)

Раз он (лось) **лицом к лицу** встретился с медведем. (В. Биан.)

Они (шимпанзе — А. Ч.) постояли **лицом к лицу,** слегка переминаясь с ноги на ногу, а затем обнялись, тихо вскрикивая от удовольствия

ж. «Наука и жизнь».

Существительное «бок» в тавтологизме «бок о бок» может употребляться в двух значениях: 1. «Правая или левая часть туловища от плеча до бедра» и 2. «Правая или левая сторона чего-либо»[1]. Фразеологизм со вторым значением ком-

---

[1] Словарь современного русского литературного языка в 17 томах. АН СССР, т. I, стр. 543, 544.

понятия «бок» тоже называет близость двух субъектов, но уже не людей и даже не животных, так как не называет части тела, а **близость двух предметов,** соприкасающихся один с другим своими сторонами.

Рядом с Ватиканом, **бок о бок,** стоит знаменитый собор св. Петра (Ч.)

Корабль вошел в линию, где стояли вдоль набережной **бок о бок** корабли из всех стран света. (Л. Т.)

Ночью рядом с нами **бок о бок** сгорела дотла усадьба помещицы Кувшинниковой. (Ч.)

Многие ехали по двое — велосипед **бок о бок** с велосипедом, степенный старик со стариком, юноша с юношей. (Саф.)

Способность слов-компонентов употребляться в составе сочетания как в прямом, так и в переносном значениях не только увеличивает степень фразеологичности формы и семантики сочетания, но и значительно расширяет возможности употребления тавтологизмов этой группы в речи.

Тавтологические фразеологизмы третьей группы, как было сказано выше, могут обозначать не только близость между людьми или живыми существами, но и близость между предметами. Ср. «Они утешались пословицей, что наклад с барышом **угол об угол** живут». (А. К. Т.)

Тавтологические сочетания третьей группы построены по следующим моделям. Тв.+к Д., Им.+в В., Им.+о, об В. Им.+с Тв., Им.+к Д., Им.+на В. Наиболее продуктивной является модель Им.+о, об В. Форму таких падежей имеют компоненты в тавтологизмах «лоб о лоб», «нога об ногу», «нос об нос», «плечо о плечо», «угол об угол», «бок о бок», «рука об руку».

Самой частотной следует признать модель Тв.+к Д. (плечом к плечу, лицом к лицу, носом к носу). Наименее продуктивной во всех отношениях оказалась модель Им.+на В. (грудь на грудь).

В четвертой, небольшой по количеству единиц группе тавтологических сочетаний со значением **точное повторение чего-либо с совпадением характерного признака каждого из объектов** есть своя причина употребления компонентов сочетания только в форме единственного числа.

Фразеологизмы этой группы указывают на совпадение в чем-нибудь **только у двух действующих субъектов.** Характерные признаки какого-либо действия двух субъектов, свойства двух предметов, живых существ признаются совпадающими.

В этом отношении данная группа похожа на предыдущую, в которой фразеологизм учитывает близость тоже только двух действующих субъектов.

Большинство существительных-компонентов, образующих тавтологизмы этой группы, объединяются, в свою очередь, в группы соответственно тому, в чем обнаруживается совпадение, повторение чего-либо. Так, сближаются существительные «нога», «шаг», «след», потому что фразеологизмы с этими компонентами употребляются лишь в том случае, когда подчеркивается ритмичность движения, одинаковость его у двух идущих.

> Догоняю вскоре Мархинина. Идем **шаг в шаг.** (Л. Пас.)
>
> Агриппина шла, как привязанная, **шаг в шаг** — за мужем. (А. Н. Т.)

Для этой группы фразеологизмов, как и для предыдущей, характерно противоречие между числом субъектов, предусмотренных значением фразеологизма, и числом субъектов, действующих в предложении, что особенно подчеркивает фразеологичность формы и семантики тавтологизмов четвертой группы.

> Если они (большевики) идут **нога в ногу** с Центральным Комитетом своей партии, осуществляющим волю партийных Съездов, волю всей партии, то эти большевики всемогущи. (Ворош.)
>
> **Шаг в шаг,** точно не касаясь земли, прошли матросы-ворошиловцы. (Гайд.)
>
> Спервоначалу Бесхлебнов, Атаманчуков, Кутенков,— да и Любишкин к ним присоединился, — зачали пахать **след в след.** (Шол.)

Определенное сближение наблюдается также между существительными «буква», «слово», «строка», когда они употребляются во фразеологизмах, обозначающих совпадение двух отрезков устной или письменной речи.

> Потом выступал Ленин. Его речь никто не записывал, но и теперь, через сорок пять лет, с кем ни заговоришь из стариков — **слово в слово** передают ильичево выступление, оно записано в сердцах народных. (Из газ.)
>
> Но он сказал — я помню это **слово в слово,** — он сказал мне: «Папа, бывает время, когда кандидат медицины должен брать винтовку». (Б. Пол.)

Все, что писал, он (Павел) должен был помнить **слово в слово.** (Н. Остр.)

Кузьма Кузьмич, удовлетворенно крякнув, потер зазябшие руки и начал обряд, — быстро, весело, то бормоча скороговоркой, то гудя за дьякона, то подпевая, но все честь честью, **слово в слово, буква в букву,** как положено. (А. Н. Т.)

Фразеологизмы с компонентами «день», «час», «минута» обозначают совпадение **двух действий по времени их совершения.**

Кирюша **день в день, час в час** предсказал покойнику папеньке его кончину. (Л. Т.)

Снова — **час в час, минута в минуту** — явился учитель, и, как раньше, гудел праздничный говор в гостиной. (Бахм.)

Выступили точно, **минута в минуту...**—отрывисто сказал полковник.—К рассвету должны прибыть на место. (Березко)

Тавтологические фразеологизмы анализируемой группы могут обозначать, кроме того, совпадения по внешним признакам, форме, качеству, количеству двух людей, предметов.

Наиболее сложно, конечно, напоить поле водой, дать ему **капля в каплю,** именно столько, сколько ему потребно. (Берш.)

Да, бригада, крепкая, как боевой взвод, — завистливо отозвался Черных. — Все из одного места, подобраны **масть в масть,** дело хорошо знают. (М. Буб.)

Дай посмотреть, на кого ты похож! Ну так и есть, на братца, **точка в точку** вылитый в него. (С.-Щ.)

Среди тавтологизмов четвертой группы сочетание «точка в точку» наиболее полно выражает семантику всей группы. Это объясняется многозначностью существительного «точка», которое в составе фразеологизма выражает всякий раз новое понятие. Сравните значение тавтологизма в таких предложениях.

Я встаю часов в 6 или 7; в 8, **точка в точку** — открываю фортепьяно и с полминуты играю. (А. Бород.)

И тебе, товарищ председатель колхоза, спуску не дам! И ты выполняй свои обязательства — **точка в точку.** (Овеч.)

На копии (фрески — А. Ч.) все воспроизведено **точка в точку:** отвалившийся кусок, вспучившаяся штука-

турка, дождевые подтеки, белесое или темное пятно от сырости — все-все до последней мелочи. (Из газ.)

Тавтологизм «точка в точку» имеет самое «многозначительное» (А. А. Потебня) — значение — «абсолютно точно». Это же значение находим у наречия «точь-в-точь» — совершенно точно, без каких-либо отклонений[1]. Как и наречием «точь-в-точь», от которого образовано современное сочетание, фразеологизмом можно выразить совпадение двух предметов по виду, форме, объему, количеству, двух действий по времени их совершения и по другим признакам.

Определенности семантики фразеологизмов четвертой группы соответствует определенность грамматической формы—все сочетания построены по модели Им.+в В.

Пятая группа тавтологизмов объединяет сочетания со значением — **полный охват чего-либо с учетом его конечных пунктов:** от доски до доски, от крышки до крышки, от корки до корки, от слова до слова, от края до края, из края в край, из конца в конец, от зари до зари. Лексический состав названных фразеологизмов указывает на характер того, что полностью охватывается, — пространство, время и произведения человеческой речи. Форма единственного числа компонентов вызывается тем, что **фразеологизм обязательно учитывает два конечных пункта,** между которыми заключается **все пространство,** на котором происходит действие, **все время,** в течение которого совершается действие, **все произведение,** которое подвергается действию, (изучению, оценке и т. д.).

Фразеологизмы с компонентами «конец» и «край» обозначают полный охват пространства с учетом двух его конечных пунктов.

Царь: Что это?
Федор: Чертеж земли Московской;
Наше царство **из края в край.** (П.)

Воздух так ясен и прозрачен, что если взобраться на голубятню или на колокольню, то, кажется, увидишь всю вселенную **из края в край.** (Ч.) Все улицы и все переулки **от края до края** заставлены повозками, арбами, двуколками. (Сераф.) А премилая мать его собрала заране все семена в лукошко, да и спрятала, а после просит солнышко: осуши землю **из конца в конец,** за то люди тебе славу споют. (М. Г.)

---

[1] Словарь современного русского литературного языка в 17 томах, АН СССР, т. 15, стр. 752.

Счастливей нашей
Нет страны на свете.
Промчится песня **из конца в конец**
— И целый мир взволнованно ответит
Отзывчивым биением сердец. (А. Жар.)

Тавтологическое сочетание «от зари до зари» обозначает полный охват времени с учетом двух конечных пунктов — зорь, вечерней и утренней, в течение которого что-то происходит. Этим сочетанием могут обозначаться две части суток: а) весь день, б) вся ночь. В предложениях—В детстве, живя у дедушки в именьи гр. Платова, я по целым дням **от зари до зари** должен был просиживать около паровика и записывать пуды и фунты вымолоченного зерна. (Ч.) Никогда не потухнет этот огненный шар, который **от зари до зари** льет на Конягу потоки горячих лучей. (С.-Щ.) Щедра африканская природа. Но нелегко достаются людям ее плоды. **От зари до зари** не разгибается сборщик какао-бобов. (Из журн.)—фразеологизм «от зари до зари» имеет значение: от восхода до захода солнца, весь день; а в предложениях — «а нынешнему мужику и чай давай, и водки, и булки, и чтоб спать ему **от зари до зари,** и лечиться, и всякое баловство». (Ч.) Но безлунными ночами, **От зари и до зари,** Небо щупают лучами боевые фонари. (С. Мих.)—фразеологизм «от зари до зари» имеет значение -- «с вечера до утра, всю ночь».

Тавтологические фразеологизмы «от доски до доски», «от крышки до крышки», «от корки до корки», «от слова до слова» обозначают полный охват какого-либо произведения устной или письменной речи с учетом двух его конечных пунктов.

Бельтов прочитал письмо, положил его на стол,... снова взял письмо, прочел его **от доски до доски.** (Герц.)

С. рассказывал мне весь разговор его с ним (Чаадаевым), **от доски до доски.** (Давыд.)

Вчера я взял нарочно из библиотеки «Заметки охотника», прочел **от доски до доски** и не нашел решительно ничего особенного. (Ч.)

Вся статья **от доски до доски** замечательна. (Герц.)

Все то, что в ней (повести) изображено, все **от крышки до крышки** происходило на моих глазах. (Ч.)

Сами шлют гонца другого
Вот с чем **от слова до слова:**
Родила царица в ночь... (П.)

Я запомнил эту песню **от слова до слова.** (Л.)

Я знал учебники **от корки до корки,** да сверх того мог решать все задачи в них. (Павл.)

Компоненты фразеологизмов пятой группы могут в разной степени утрачивать прямое, номинативное значение. Так, существительные «заря» в сочетании «от зари до зари» и «слово» в сочетании «от слова до слова» почти полностью сохраняют свое значение в составе фразеологизма, а существительные «конец», «доска», «крышка» в сочетаниях «из конца в конец», «от доски до доски» и «от крышки до крышки» в значительной степени утрачивают свое номинативное значение, в связи с чем повышается степень фразеологичности формы и семантики целого сочетания с этими компонентами (см. приведенные выше примеры).

Фразеологизмы описываемой группы строятся по трем моделям — от Р. + до Р., из Р. + в В., с Р. + в В. Самой продуктивной из них является первая.

Итак, мы рассмотрели пять групп тавтологических сочетаний, в которых **форма числа слов-компонентов определяется исключительно фразеологическим значением целого сочетания.**

Характеризуя в начале этой работы языковые признаки существительных, которые образовали в русском языке тавтологические сочетания, мы отмечали, во-первых, их многозначность и, во-вторых, связанный с этой чертой разный характер проявления категории числа. Была названа группа существительных, у которых число проявляет себя как лексико-грамматическая категория, то есть является способом «грамматической дифференциации разных значений»[1]. Форма того или иного числа существительных этой группы в составе тавтологических сочетаний определяется уже не фразеологическим значением сочетания, а лексическим значением существительного: с какой формой числа связано данное значение слова в свободном сочетании, в такой форме числа будет оно употребляться и в составе тавтологического сочетания.

Языковая система ставит в данном случае частичные ограничения в функционировании категории числа существительных, в составе каких бы сочетаний последние ни употреблялись.

Существительные «глаз», «рука», «век», «душа», «чин», «место», «время», «случай» и некоторые другие в составе тавтологизмов реализуют такие из своих значений, которые связаны с определенной формой числа.

---

[1] В. В. Виноградов, Русский язык. Грамматическое учение о слове. Учпедгиз, 1947, стр. 155.

Так, у существительного «глаз» есть переносное значение — «взгляд, взор». Это значение наиболее отчетливо проявляется во фразеологизмах «дурной глаз», «лихой глаз», «с глазу на глаз». Форма единственного числа наилучшим образом выражает значение «взгляд, взор», хотя смотрят обычно **два глáза** (глазá) человека, но вместе **взгляд обоих глаз выражает отношение человека** к чему-, кому-либо, **внутренние качества этого человека.** Фразеологизмы «с глазу на глаз» и «глаз на глаз» по характеру своего значения — «наедине с кем-, чем-либо, без посторонних свидетелей» — обязательно предполагают наличие **двух собеседников,** каждый из которых высказывает свой **взгляд** на кого-, что-нибудь, свое **отношение** (свой «глаз») к кому-, чему-нибудь. Форма множественного числа компонента «глаз» противоречит данному лексическому значению слова и потому невозможна в составе фразеологизмов.

В подавляющем числе предложений с этими сочетаниями количество беседующих, разговаривающих, предусмотренное фразеологизмом, не противоречит количеству действующих субъектов в предложении.

> Скучно сам-друг **с глазу на глаз** жить. (С.-Щ.)
>
> Нам неведомо, что и как говорила жена Льва Толстого в те часы, когда он **глаз на глаз** с нею, ей первой читал только что написанные главы книги. (М. Г.)
>
> Графине хотелось бы **с глазу на глаз** поговорить с другом своего детства. (Л. Т.)
>
> Еще за границей Штольц отвык читать и работать один: здесь, **с глазу на глаз** с Ольгой, он и думал вдвоем. (Гонч.)
>
> Что же, скоро басурманская власть кончится? Скоро наши заступят? — **с глазу на глаз** спрашивала у Островнова старуха мать. (Шол.)
>
> Князь Андрей был позван в кабинет к отцу, который с **глазу на глаз** хотел проститься с ним. (Л. Т.)

Но фразеологичность структуры и значения тавтологизма особенно ярко обнаруживает себя в тех предложениях, где число субъектов фразеологизма вступает в противоречие с числом субъектов в предложении. Например:

> Звезды, глядящие с неба уже тысячи лет, само непонятное небо и мгла, равнодушные к короткой жизни человека, когда остаешься с ними **с глазу на глаз** и стараешься постигнуть их смысл, гнетут душу своим молчанием... (Ч.)

Что он (Иванов) искренно не понимает себя, видно из большого монолога в III акте, где он, беседуя **с глазу на глаз** с публикой и исповедуясь перед ней, даже плачет! (Ч.)

(Кудряш:) Вчетвером этак, впятером в переулке где-нибудь поговорили с ним **с глазу на глаз,** так он бы шелковым сделался. (Остр.)

Подобного противоречия нам не удалось наблюдать в предложениях с тавтологизмом «глаз на глаз». Во всех имеющихся у нас примерах число беседующих не противоречит содержанию фразеологизма. Ср.

Пугачев сказал мне: «Сиди; я хочу с тобой переговорить». Мы остались **глаз на глаз.** (П.)

Часто бывало, хозяин уходил из магазина в маленькую комнату за прилавком и звал туда Сашу; приказчик оставался **глаз на глаз** с покупательницей. (М. Г.)

Я глубоко благодарен ему за эти слова, а оставшись **глаз на глаз** с бабушкой, говорю ей, с болью в душе: «Зачем ты ходишь сюда, зачем?» (М. Г.)

Существительное «рука» в одном из своих переносных значений называет одного человека, владеющего, обладающего чем-нибудь. Это значение оформляется только множественным числом, потому что нормально у человека **две руки́** (ру́ки) и обе они как бы представляют человека, владеющего, обладающего чем-либо. Это значение, связанное с формой только множественного числа, одинаково обнаруживает себя и в так называемых свободных словосочетаниях и в составе фразеологизмов. Ср.

«Он был племянник того Пассека, который... мог требовать долю наследства, уже перешедшего в другие **руки,** — эти-то другие **руки** и задержали его в Сибири. (Герц.)

Немецкое добро перепродавалось **из рук в руки.** (Фад.)

Вот почему в составе фразеологизмов «из рук в руки» и «с рук на руки» компонент «рука» возможен только в форме множественного числа.

Названные тавтологизмы имеют значения — «от одного владельца к другому» и только «от одного человека к другому».

Вместе с переходом **из рук в руки** меняется и направление газеты. (Ч.)

Я наблюдал за работой чеканщиков, ювелиров, чье мастерство переходит **из рук в руки,** от деда к внуку. (Ю. Поход.)

Вот если б бог благословил меня дождаться такой радости: женить тебя и сдать имение **с рук на руки,** тогда я покойно закрыла бы глаза. (Гонч.)

В составе фразеологизма компонент «руки» может частично менять свое значение. В каждом из приведенных выше примеров компонент «руки» действительно называет «человека, владеющего, обладающего чем-либо», в других же, более многочисленных, предложениях компонент «руки» имеет значение — «человек» без определения «владеющий чем-либо», а весь фразеологизм получает значение — «от одного человека к другому».

Однажды ее привел домой худенький пионер, позвонил, сдал **с рук на руки** и сказал серьезно:—Будьте добры, не пускайте ее одну на улицу. (Пауст.)

Затем она (Каштанка) переходила **с рук на руки,** лизала чьи-то руки и лица. (Ч.)

Она танцевала страстно, с увлечением и вальс, и польку, и кадриль, переходя **с рук на руки.** (Ч.)

И письмо пошло ходить **из рук в руки.** (Гонч.)

Хотя некоторый ковшик несколько раз переходил **из рук в руки,** странное молчание царствовало во всей толпе. (П.)

Фразеологизмы, будучи употребленными в предложениях такого типа, отчетливее проявляют свое значение. Это как бы вторая степень фразеологичности формы и значения сочетания. С наибольшей силой фразеологичность проявляется в предложениях, где говорится не о двух субъектах, а о коллективе, учреждении и т. д.

Вскоре началось восстание, обычное при переходе всякого населенного пункта **из рук в руки.** (Л. Леон.)

Нагутинская скважина переходила в качестве незавершенного объекта **из рук в руки,** от одного ведомства к другому. (Из газ.)

Сдал я им пистолет и пошел **из рук в руки,** а к вечеру очутился уже у полковника—командира дивизии. (Шол.)

В примерах этого типа ярко обнаруживает себя противоречие между количеством лиц, предусмотренных формой и значением фразеологизма, и количеством действующих субъектов в предложении. Больше того, приведенные выше предложения

с тавтологизмом «из рук в руки» дают основание говорить об утрате компонентом «руки» вообще значения «человек» и о приобретении им на основе прежнего значения более широкого, обобщённого—«один кто-нибудь» или даже «что-нибудь». Отсюда и фразеологизм «из рук в руки» получает значение «от одного (не обязательно человека) к другому».

По своей семантике и синтаксической модели фразеологизмы «из рук в руки» и «с рук на руки» относятся к первой описанной в начале этой работы группе со значением последовательности, постепенности с учетом каждой единицы. В этих фразеологизмах тоже учитывается каждая единица, только форма числа компонента — существительного определяется лексическим его значением, а не семантикой фразеологизма.

Существительное «век» в одном из своих значений называет очень большой отрезок времени, в течение которого что-то происходит, кто-то действует. Это значение сближает существительное с наречиями «постоянно, всегда». Форма множественного числа существительного усиливает значение временной длительности какого-либо действия. Такое значение компонента «век» в форме множественного числа зафиксировано во многих фразеологических единицах: «веки вечные», «во веки», «во веки веков», «на века», «на веки веков», «на веки вечные» и др.

Тавтологические фразеологизмы «во веки веков» и «на веки веков» имеют значение — «всегда, постоянно» и употребляются в предложениях, которые по содержанию можно разделить на две группы. В первой группе предложений фразеологизмы «во веки веков» и «на веки веков» называют такие продолжительные действия, которые, весьма возможно, могут происходить «веками». Форма множественного числа компонента «век» имеет в них такое же увеличительное, усилительное значение, как и в свободном употреблении.

> Ты бо еси заступление, помощь и победа уповающих на тя, и тебе славу воссылаем отцу и сыну и святому духу и ныне и присно, и **во веки веков.** (Л. Т.)
>
> (Золотницкий:)—Всесилен есть (огонь—А. Ч.). Никому же подобен. Лик твой да сияет **во веки веков.** И бегут... Тако да бегут... От лица огня... (М. Г.)
>
> Мы переживаем сейчас подлинно великие дни. История золотыми буквами впишет их на свои скрижали, и **во веки веков** будет сиять слава великой страны, которая приняла на свою широкую грудь бешеные удары фашистского зверя. (Потемк.)
>
> Да живет **во веки веков** память об этих людях. (Фад.)

Во второй группе предложений речь идет о действиях, которые связаны с жизнью **одного человека.** Форма множественного числа компонента «век» в названных фразеологизмах имеет в таких случаях явно увеличительное, усилительное значение, так как события, действия, совершаемые одним человеком за свою жизнь, не могут длиться несколько веков.

Который раз он (Ричард) клялся себе, что отныне и **во веки веков** он будет врезать правду всем и каждому. (Д. Гран.)

Будьте здоровы и благополучны ныне и присно и **во веки веков.** (Ч.)

У нас (на хуторах) такой обычай: как дадут кому люди какое прозвище, то и **во веки веков** останется оно. (Н. Г.).

(Никифор Филимоныч:) Не врал я **во веки веков** и теперь не вру. (Ч.)

Еще больше обнаруживается фразеологичность тавтологизмов, если они употребляются в предложениях, где говорится о действиях насекомых, птиц и т. д.

Так густо, так перепуталось, что попадись в волоса муха или таракан, то не выбраться им из этого дремучего леса **во веки веков.** (Ч.)

Усилительная функция формы множественного числа существительного поддерживается во фразеологизме жизненной ситуацией, в которой произносится или пишется данное сочетание, лексическим составом предложения. Конструкции с этими фразеологизмами часто используются при заверениях, пожеланиях, угрозе, клятве или сообщении о сильных, больших переживаниях, запомнившихся надолго. Для таких конструкций характерны сказуемые — доволен, благодарен, будь благословен, не забыть и др. подобные.

Если изменения, которые я сделал на листках, будут признаны, то приклей их крепко на оных листах — и да **будешь благословен во веки веков** и да узриши сыны сынов твоих. (Ч.)

— А тебе,—обратился Чубиков к Дюковскому, потрясая кулаком, — а тебе... **во веки веков не забуду.** (Ч.)

Если внемлите моей просьбе, то я буду Вам **благодарен во веки веков.** (Ч.)

Если Вы вместе с разрешением пришлете мне еще свою фотографию, то я получу больше, чем стою, и **буду доволен во веки веков.** (Ч.)

Прогулка по Байкалу вышла чудная, **во веки веков не забуду.** (Ч.)

Никогда, **во веки веков не забуду** вашего гостеприимства. (Ч.)

Не менее отчетливо проявляет себя число как средство «грамматической дифференциации разных значений» в таких существительных, как «время», «случай», «место», «сторона».

Так, большинство значений существительного «время» в современном русском языке не соединяется с представлением о числе, они (эти значения) как бы подчеркивают единство, неделимость, вечность объективного времени как формы бытия материи. Эта языковая особенность существительного наиболее отчетливо обнаруживает себя в разных по структуре и семантике фразеологических единицах: **время (не) терпит, в наше время, в свое время, в последнее время, в то же время, в одно прекрасное время, убить время, ко времени, со временем, от времени до времени, время от времени** и др. В тавтологических фразеологизмах «время от времени» и «от времени до времени» составляющий их компонент употреблен в значении «более или менее определенный промежуток, отрезок в последовательной смене часов, дней и т. п.»[1]. У этого значения форма множественного числа невозможна.

Названные тавтологизмы употребляются в русском языке в таком значении—«иногда, через некоторые промежутки времени»[2].

Поэт, художник, ученый в своих творениях, ремесленник в своем труде открывают **от времени до времени,** в какую эпоху они живут, в них отзываются удары событий. (П.)

Если же иногда и видим, что **от времени до времени** на карасей устраивается облава, то отнюдь не за вольнодумство. (С.-Щ.)

Недаром с гордостью и упоением возвращается **от времени до времени** Брюсов к этому своему скифству. (А. Лун.). Кругом стояла удивительная тишина. Только **время от времени** доносились ржанье какой-то беспокойной лошади и собачий лай. (В. Арс.)

А папаша-то живой? Семейство как, в здравии? — продолжал Яков Лукич, но с коня не сошел и **время**

---

[1] Словарь современного русского литературного языка в 17 томах, т. 2, стр. 804.

[2] Там же, стр. 805.

от времени тревожно поглядывал по сторонам. (Шол.)

...на Медном (острове—А. Ч.) милиции нет — туда приходится выезжать лишь **время от времени** для замены паспортов. (Л. Пас.)

Время от времени в газетах появляются заметки: обезврежен склад фашистских боеприпасов, найдена бомба. (Из газ.)

Время от времени, возможно раз в сотни лет, случались сильнейшие и продолжительные ливни, вызывавшие наводнения. (И. Ефр.)

В каждом из приведенных примеров тавтологизмы называют разные по величине промежутки времени, через которые повторяются какие-то действия, события. Время это может быть равно часу или нескольким часам, минуте или нескольким минутам, году—годам, даже сотням лет. Такая своеобразная семантика описываемых фразеологизмов, с одной стороны, противопоставляет их другим тавтологизмам, указывающим на **определенные временные отрезки** или **совпадения во времени**—минута в минуту, час в час, час от часу; изо дня в день, из года в год, из века в век и др. под.; с другой стороны, **превращает их в специфические оформители обязательной кратности действия.** Тавтологизмы «от времени до времени» и «время от времени» сочетаются в предложении только с глагольными формами несовершенного вида, называющими повторяющиеся или длительные действия.

от времени до времени время от времени	Возвращаются, открывают, устраивается, употреблять, встречается, делая, останавливался, отпускал, потрясавших, заявлять, освещать, переставать, открываем, оглядывались, встряхиваясь, подпадая, позванивали, печатал, засовывал, пророчила, приходится и мн. др.

Тавтологизмы с компонентом «время» строятся по двум моделям Им. + от Р. и от Р.+до Р. Тавтологизм второй модели совпадает по форме со свободными сочетаниями, тоже выражающими временные отношения. Ср. «Дни, прожитые с ней **от встречи до этой минуты,** отравились стыдом и собственным его бессилием перед нею». Ф. Глад. Фразеологичность этого тавтологизма поддерживается только его значением.

Тавтологизм же первой модели не имеет формального

аналога в свободных словосочетаниях. Это объединяет тавтологизм «время от времени» с описанными выше тавтологизмами — час от часу, день ото дня, год от года. Степень фразеологичности тавтологизма первой модели выше, потому что она создается и формой и значением фразеологизма.

К описанным единицам в известном смысле близок фразеологизм «от случая к случаю». Существительное «случай», образующее этот тавтологизм, употребляется в таком лексическом значении, которое не может быть связано с представлением о числе: «стечение обстоятельств, дающее возможность сделать что-либо»[1], поэтому и в составе тавтологизма слово «случай» имеет только форму единственного числа. Тавтологический фразеологизм «от случая к случаю» имеет в русском языке значение—«не систематически, не постоянно, в связи с чем-нибудь».

> Не метод парного влияния **от случая к случаю,** не метод благополучного непротивления, не метод умеренности и тишины, а организация коллектива, организация требований к человеку, организация реальных, живых, целевых устремлений человека вместе с коллективом — вот что должно составить содержание нашей воспитательной работы. (С. Мак.)
>
> Спрос на последние (полуматовые бумаги — А. Ч.) настолько мал, что промышленность вынуждена их готовить буквально **от случая к случаю.** (Из журн.)
>
> В ноябре домашние занятия шли не **от случая к случаю,** а почти каждый вечер. (Атар.)
>
> Производителей (песцов), конечно, завозят, но **от случая к случаю.** (Л. Пас.)

Условия употребления этого фразеологизма похожи на условия употребления тавтологизмов с компонентом «время»: 1) в конструкциях с тавтологизмами «время от времени» и «от случая к случаю» говорится о каких-то промежутках времени, через которые повторяются действия; 2) в тех и других конструкциях действия называются глагольными формами несовершенного вида; 3) в тех и других предложениях тавтологизмы не называют определенного отрезка времени. Сходство условий употребления говорит о близости значений этих фра-

[1] Словарь современного русского языка в 4 томах, т. 4. АН СССР, стр. 201.

зеологических единиц. В самом деле, близость их семантики имеет место, но она не переходит в тождество.[1]

Тавтологизм с компонентом «время» подчеркивает связь повторяющегося действия **только со временем**, даже если оно (время) неопределенное в количественном отношении: через какие-то промежутки времени (какие—для семантики фразеологизма неважно) действие повторится. Такая семантика фразеологизма, как уже говорилось выше, связана с лексическим значением компонента «время».

Тавтологизм с компонентом «случай» **ставит** самую возможность повторения какого-то действия **в зависимость** не от времени, а **от стечения определенных обстоятельств,** которое сделает возможным повторение какого-то действия. Эта особенность значения тавтологизма «от случая к случаю» тоже прямо связана с лексическим значением образующего сочетания компонента.

Семантические различия между этими тавтологизмами так велики, что последние не могут взаимозаменяться ни в каких предложениях, несмотря на имеющиеся у них черты близости.

В значении и функционировании фразеологизма «с места на место» есть нечто общее с фразеологизмом «время от времени» или «от времени до времени». Существительное «место» во фразеологизме «с места на место» употребляется в значении — «пространство, которое занято или может быть занято кем-, чем-нибудь»[2]. Это значение существительного настолько обобщенно, что может иметь форму только единственного числа. Фразеологизм «с места на место» связывает действие с пространством вообще, не называя конкретных признаков последнего. В этом отношении он похож на фразеологизм «время от времени», который связывает действие, движение со временем вообще. Сочетание «с места на место» употребляется в значении — «с одного пространства на другое».

1. Раз в сознании человека, в какой бы то ни было форме, поднимается запрос о целях существования и является живая потребность заглянуть по ту сторону гроба, то уж тут не удовлетворяет ни жертва, ни пост, ни мыканье **с места на место.** (А. Ч.)

---

[1] Авторы словаря русского языка АН СССР в 4 томах характеризуют тавтологизм «от случая к случаю» так, что он превращается в абсолютный синоним к тавтологизму «время от времени». См. указ. соч., т. 4, стр. 201.

[2] Словарь современного русского литературного языка в 17 томах, т. 6, стр. 885.

За это отсутствие исследовательской терпеливости и стремление носиться **с места на место** в надежде на крупную удачу мне не раз приходилось упрекать Рождественского. (И. Ефр.)
Только изредка, перелетая **с места на место,** уныло и размеренно покрикивает пустынный сыч. (И. Ефр.)
Переходил (лось — А. Ч.) **с места на место,** заложив уши, опустив храп к земле... (В. Биан.)
Все лето **с места на место** ходил табун. (В. Песк.)

II. Бесцельно перекладывая в кухне **с места на место** разные вещи (...), она продолжала: — Все переменилось... (М. Г.) Все это (чучела птиц, челюсти каких-то китообразных, склянки с формалином, находящиеся на полках А. Ч.) Хотелось рассмотреть попристальней, пощупать руками, передвинуть **с места на место.** (Л. Пас.)
Человек перебегает **с места на место.** Орудует долгим шестом. Вот сейчас, если не упустит момент... Не упустил. Плот, как надо, делает полукруг, мы швыряем плотогону веревку. Все. (В. Песк.)
Скажи он: «Передвинуть **с места на место** этот дом!» И передвинули бы. (Ч.)
Несколько десятков человек вяло слонялись по двору, перевозя **с места на место** в ручных деревянных тачках лом и мусор. (Фад.)

В каждом из приведенных примеров тавтологизм «с места на место» называет смененное в результате движения пространство. При этом, судя только по содержанию предложения, невозможно понять, какое сменяемое пространство имеется в виду в первой группе предложений — города, села, государства — в первом предложении; долины, овраги, ущёлья, горы — во втором; холмы, бугорки — в третьем; лес, берег реки, поляна—в четвертом; выгоны или луга—в пятом? И хотя в каждом из предложений первой группы нет других обстоятельств, называющих конкретное пространство, тавтологизм «с места на место» совершенно определенно указывает на смену территорий при движении кого-, чего-либо.

В предложениях второй группы синтаксические условия употребления фразеологизма «с места на место» несколько другие: в каждом предложении называется или имеется в виду определенная и всегда ограниченная территория, площадь, поверхность, по которой кто-то или что-то передвигается, перемещается. Так, в первом предложении таким определенным

пространством является кухня, во втором—полки, в третьем—плот, в четвертом — улица, в пятом — двор. Подобное синтаксическое окружение увеличивает степень фразеологичности формы и значения сочетания: приобретая еще более обобщенное значение, **оно превращается в специальное языковое средство выражения перемещения в пространстве, связывает движение с пространством вообще.**

Отличительной чертой лексического состава предложений с тавтологизмом «с места на место» является обязательное наличие в каждом из них непосредственно сочетающихся с фразеологизмом глаголов или существительных, называющих движение, перемещение: перекладывать, передвинуть, перебегать, переводить, перегонять, перевозить, перетаскивать, переезжать, перелетать, переходить, гнать, слоняться, мыкаться, носиться, перетаскивание, мыкание, ходьба и др. подобные.

В тавтологическом фразеологизме «из стороны в сторону» составляющий сочетание компонент «сторона» употребляется в таком обобщенном значении («пространство, место, расположенное в каком-либо направлении, а также само это направление»[1]), которое может иметь только форму единственного числа в любом сочетании, свободном и фразеологическом. Фразеологизм «из стороны в сторону» по своему значению, условиям употребления в речи, степени фразеологичности в разных окружениях, по функции в языке обнаруживает признаки, сближающие его с фразеологизмом «с места на место», поэтому подробно здесь он не рассматривается.

Наиболее наглядно лексико-грамматическая сущность числа обнаруживается в тех случаях, когда **разные значения одного слова,** связанные **с разными формами числа,** стоят рядом, **образуют одно,** тавтологическое **сочетание.** Мы имеем в виду сочетания типа «начало (всех) начал», «суета сует», «основа основ», «в конце концов» и некоторые другие подобные.

Первый компонент каждого из этих тавтологизмов имеет отвлеченное значение, которое выражается только формой единственного числа. Так, существительное «начало» употреблено в значении—«основная причина, первоисточник чего-нибудь»[2]; «суета» — «то, что ничтожно, маловажно, не представляет истинной ценности»[3]; «основа» — «сущность чего-либо:

---

[1] Словарь современного русского литературного языка в 17 томах, т. 14, стр. 958.
[2] Там же, т. 7, стр. 648.
[3] Там же, т. 14, стр. 1168.

главное, на чем зиждется что-либо»[1]; «конец» — «последний момент какого-либо действия, явления, процесса»[2].

Второй компонент сочетания имеет более узкое и потому более конкретное значение. Вследствие чего оно получает возможность в языке вообще, и во фразеологическом сочетании в частности, употребляться в форме множественного числа.

Так, во фразеологизме «начало (всех) начал» второй компонент имеет значение — «основные положения, принципы». Это значение обычно связывается с формой множественного числа. Конкретность значения второго компонента подтверждается наличием факультативного определения, выраженного местоимением «все», тоже в форме множественного числа.

> Все зависит от того, как складываются обстоятельства. В них надо искать **начало всех начал,** а обстоятельства, как известно, создаются людьми. (Юрьев.)
>
> ...Собирались все на бригадное собрание с той хорошей, едва сдерживаемой возбужденностью, которая есть **начало всех начал.** (М. Буб.)
>
> **Начало всех начал**
> Я, правда, не отринул —
> Петруччо укрощал
> Бедняжку Катарину. (А. Раск.)
>
> «**Начало начал**». (М. Гал.—заголовок в книге).
>
> И как **начало начал**—красное знамя ЦИК. Буденовка. Шинель.
> Красный бант. Лимонки. Это тоже **начало начал.** (Радиорассказ о ракетной части.)

Из всех фразеологизмов описываемой группы только у сочетания «начало (всех) начал» возможно определение, еще раз подчеркивающее участие всех (многих) элементов того, что названо родительным падежом второго компонента; но это определение не вносит какой-либо новой информации в сочетание, оно избыточно для фразеологизма, только поэтому в современной русской литературной речи, устной и письменной, гораздо чаще употребляется двусловное сочетание «начало начал» как и — «суета сует», «основа основ». Не необходимо это определение и как оформитель родительного падежа множественного числа второго компонента, он (падеж) недвусмысленно выражается флексией существительного (конц-**ов**; основ, сует (-ствий), начал--нулевые флексии).

---

[1] Словарь современного русского литературного языка в 17 томах, т. 8, стр. 1134.

[2] Там же, т. 5, стр. 1286.

Фразеологизмы этой группы имеют своеобразную семантику, которая представляет собой объединение значения слова в форме единственного числа и значения слова в форме множественного числа. Так, сочетание «суета сует» — «все ничтожное, бесполезное, не имеющее истинной ценности»—образовало это значение, на наш взгляд, таким образом. Род. падеж множественного числа называет **большое количество** мелких, ничтожных **дел и забот,** а форма единственного числа все их квалифицирует, объединяет, как **одно ничтожное, мелкое дело; что-то, не имеющее истинного значения.**

> Старик Михей: Я стою вот тут и гляжу... Мир есть мир.
>
> **Суета сует.** Взглянь-ка! Немцу помирать надо, а он о суете заботится... Видишь? — Каждое утро на остров деньги возит и прячет (Ч.)
>
> Вчера я был у Алексея Максимовича; дача у него на хорошем месте, на берегу моря, но в доме **суета сует,** дети, старухи, обстановка не писательская. (Ч.)
>
> В городе он говел и писал у нотариуса завещание (недели две назад с ним приключился легкий удар), и теперь в вагоне все время, пока он ехал, его не покидали грустные, серьезные мысли о близкой смерти, о **суете сует,** о бренности всего земного. (Ч.)
>
> В Петербурге вечный стук **суеты суетствий,** и все до такой степени заняты, что даже не живут. (Герц.)

Фразеологизм « основа основ» — самое главное, самое существенное в чем-нибудь—в принципе так же образует свое значение: Род. падеж множественного числа называет **большое количество особенно важных, особенно существенных конкретных составных частей чего-либо,** а любой падеж единственного числа квалифицирует что-то **одно** как самую важную составную часть чего-то, как его **основу.** То же самое можно сказать и о слагаемых значения сочетания «начало начал», «в конце концов». Значение единства, обобщенности, своеобразной высшей степени в каждом из этих сочетаний подчеркивается формой любого падежа единственного числа первого компонента, фундаментом же такого обобщения, основанием для единства является родительный падеж множественного числа.

> Теперь остановимся на профилактике — **основе основ** борьбы с этим заболеванием в нашей стране. (Из журн.)
>
> Нарушения в хромосомах—**в основе основ** клетки—

приводят к вполне определенным биохимическим изменениям в организме. (Из. журн.)

Энергетика,—сказал строитель, — это **основа основ,** альфа и омега народной жизни. (Пауст.)

Его (Шкандыбу) сажали в темную, несколько раз секли, но он стоически выдерживал наказание и после каждой экзекуции восклицал: «А, все-таки, я не буду работать!» Повозились с ним и, **в конце концов,** бросили. Теперь он гуляет по Дуэ и поет. (Ч)

Мысль, что он шьет недостаточно модно, заставляла его переделывать каждую вещь по пяти раз, ходить пешком в город специально затем только, чтобы изучать франтов, и **в конце концов** одевать нас в костюмы, которые даже карикатурист назвал бы утрировкой и шаржем. (Ч.)

Она еще долго жаловалась на отца и на свою тяжелую, невыносимую жизнь в этом доме, умоляя Коврина войти в ее положение, потом стала мало-помалу улыбаться и вздыхать, что бог послал ей такой дурной характер, **в конце концов,** громко рассмеявшись, назвала себя дурой... (Ч.)

Пять месяцев он сидел и сочинял, и **в конце концов** написал громадный реферат под заглавием: «И мое мнение». (Ч.)

Своеобразие сематики тавтологизмов «начало (всех) начал», «основа основ», и «суета сует» заключается еще и в том, что они дают **качественную характеристику** действию, предмету, лицу, событию, соединяя эту характеристику с оценкой, положительной или отрицательной, смотря по тому, каково лексическое значение составляющего сочетание слова.

Тавтологизм «в конце концов» в этом отношении отличается от сочетаний своей группы—он называет **итог** каких-то действий: «в конце концов»—в итоге. Правда, итог этот почти всегда заключает в себе оценку.

Наконец, фразеологизмы «начало (всех) начал», «суета сует», «основа основ» объединяет еще одно, формальное, свойство—неизменяемым в сочетании является лишь второй компонент—Род. падеж множественного числа, а первый компонент изменяет форму падежа в зависимости от функции в предложении; таким образом, постоянным падежным компонентом можно считать у этих сочетаний только родительный падеж множественного числа, постоянным языковым фактом первого компонента—только форму единственного числа. Сочетание «в

концe концов» и в этом случае составляет исключение: его модель (падежная) всегда одинакова—в Пр. + Р.

Выше мы рассмотрели тавтологические фразеологизмы, форма числа компонентов в которых определяется лексическим значением существительного, связанным с определенной формой числа. Во всех этих фразеологизмах, как было сказано выше, языковая система ставит частичные ограничения в функционировании категории числа существительных.

Но в русском языке, как известно, есть существительные, которые **в любом из своих значений не могут изменить форму числа,** они или pluralia tantum или sinqularia tantum. В каждом из таких существительных категория числа как таковая или совсем отсутствует или имеет особое, специфическое содержание. Вот эти, теперь уже абсолютные, ограничения языковой системы и проявляются в небольшой по количеству единиц группе фразеологических тавтологизмов: «из уст в уста», «плоть от плоти», «кровь от крови», «честь честью», «честь по чести» и подобн.

Компоненты «уста», «плоть», «кровь», «честь», образуя фразеологизм, в большой степени изменяют свое номинативное значение и создают новое, фразеологическое значение сочетания.

Так, отдельное существительное «уста» обозначает — «рот, губы»,[1] а фразеологизм «из уст в уста» — «от одного человека к другому» (о передаче какого-либо известия, сообщения и т. д.). Таким образом, весь фразеологизм обозначает **способ передачи известия, мысли, сведений** от одного человека к другому, а не соотношение или процесс между частями человеческого тела разных людей. Но сказать, что связь между значением отдельного слова «уста» и значением целого сочетания «из уст в уста» отсутствует или утрачивается, нельзя потому, что фразеологизм «из уст в уста» употребляется только в том случае, когда имеют в виду распространение, передачу какой-то мысли, какого-то известия **устным способом;** когда «уста» являются **главным средством** передачи, сообщения чего-то между людьми.

> Песни эти в течение многих столетий передавались **из уст в уста** дедами внукам, внуками правнукам. (Кюи.)
>
> Давно ли имя певца гремело по всей стране, передаваясь **из уст в уста.** (Тел.)

---

[1] Словарь современного русского литературного языка в 17 томах, АН СССР, т. 16, стр. 944.

Народная молва **из уст в уста** передавала фамилию генерала, командира части. (Фад.)

Остроты, которыми Алексей Петрович осыпал немцев, переходили **из уст в уста.** (Леск.)

Маяковский творил многое множество слов, имел дар создавать слова, которых ни у кого во рту не было, а после него они стали переходить **из уст в уста.** (А. Лун.)

Еще более своеобразны семантические изменения слов «плоть» и «кровь», образовавших тавтологизмы «плоть от плоти» и «кровь от крови».

Существительное «плоть» — «тело живых существ, преимущественно человека (противополагается психике, духовному, идеальному)»[1] в современном русском языке значительно сузило рамки своего употребления; почти всегда оно заменяется словом «тело» — синонимом, выражающим то же понятие, но имеющим «светскую» окраску, потому что слово «плоть», особенно человеческая, сохраняет в себе оттенок противопоставленности духовному, который был внесен религиозным учением о греховности плоти, смертности ее и т. д.

Фразеологизм «плоть от плоти» был рожден легендой о создании жены (Евы) — из ребра — плоти — кости мужчины (Адама). Отголосок этой легенды в значении сочетания находим в предложениях, подобных данному:

Ты мне жена законная, моя **плоть от плоти**... едина плоть... Живи, терпи! Ну, а я... ездить буду, навещать... (Ч.) В этом примере сочетание «плоть от плоти» сохраняет прямое значение, полученное при рождении легенды, и форму сочетания, поэтому фразеологическим по существу не является, а если и относить его к фразеологизмам, то лишь к таким, в которых очень невелика степень фразеологичности ввиду того, что жива связь с произведением, породившим данное сочетание. Но степень фразеологичности увеличивается, когда сочетание «плоть от плоти» употребляется для обозначения кровных, родственных связей между родителями и детьми.

Ср: «Ты сама голодна, а подле тебя стонет еще сын твой, **плоть от плоти** твоей, кость от костей твоих, который тоже просит хлеба (С.-Щ.)

Фразеологизм с таким значением (родное дитя, ребенок) в большей степени утрачивает связь с породившей его легендой

---

[1] Словарь современного русского литературного языка в 17 томах, АН СССР, т. 9, стр. 1441.

и вместе с новым значением начинает употребляться в новом стилистическом окружении.

Преобразование значения целого сочетания на этом не остановилось. Тавтологизм постепенно начинает употребляться и в таких случаях, когда надо показать связь не только кровную, но и более широкую, социальную.

Ср: «В естественном состоянии человек говорит женщине: «ты **плоть от плоти** моей, в нравственном он говорит ближнему: ты дух от духа моего» — вводя таким образом равенство отношений». (Герц.)

Нечего говорить, что эта позиция явилась приемлемой не только для части «недовольных», то есть части той золотой молодежи из старой аристократии, которая была стиснута буржуазной монархией Елизаветы, и клевретом, и доверенным лицом которой был Шекспир, но для части той самой интеллигенции, которая представляла талант, которая представляла людей искусства и от которой сам Шекспир был уже **плоть от плоти.** (А. Лун.)

Короленко — кость от кости и **плоть от плоти** русской интеллигенции. (А. Лун.)

(Давыдов) был **плоть от плоти** своих великих учителей, могикан русской сцены. (Юрьев.)

Степень фразеологичности тавтологизма еще больше возрастает, когда он, совершенно утратив связь с религиозной легендой, получает значение «кто-то (или даже что-то) связан(о) с чем-то, является или считает себя порождением коллектива, общественного уклада и т. д.

Мы, писатели, — **плоть от плоти,** кровь от крови нашей великой страны. (А. Н. Т.)

Я совершенно ясно представляю себе ту картину, которую сулила мне прежняя жизнь, не будь родной Советской власти. Поэтому я считаю себя **плотью от плоти** и кровью от крови ее. (Твард.)

С той самой поры и живет на белом свете «Пионерка», **плоть от плоти** и кровь от крови «Правды». (Из газ.)

В приведенных предложениях тавтологизм **«плоть от плоти»** употреблен для констатации глубокой связи, идейного родства соответственно советских писателей с нашей страной, А. Твардовского — с Советской властью, «Пионерки» — с «Правдой». Таким образом, фразеологизм «плоть от плоти», развив в себе новые значения, о которых мы здесь говорили,

как бы продлевает жизнь компоненту «плоть» в современном русском языке.

Такой же путь развития значения прошел и тавтологизм «кровь от крови», с той лишь разницей, что путь этого, второго, фразеологизма короче: «кровь от крови» своим первым значением имел — «родное дитя, ребенок», а потом уже развил в себе и то значение, которое имеется сейчас у тавтологизма «плоть от плоти». О параллелизме в развитии значения сочетаний «плоть от плоти» и «кровь от крови» говорит и почти обязательное совместное их употребление в одном и том же предложении. См. выше приведенные примеры.

Существительное «честь», употребляемое в современном языке только в форме единственного числа,[1] образует тавтологизмы «честь честью» и «честь по чести». Составители Большого и Малого академических словарей русского языка считают, что эти фразеологизмы имеют совершенно одинаковые значения. В «Словаре русского языка» написано: «честь честью и честь по чести — так, как следует, как положено, как надо». (т. 4) В «Словаре современного русского литературного языка» хотя и разделены пространственно эти два сочетания, но толкуются таким образом: «честь честью, в значении наречия. — Как подобает, достойно (усилительно). Честь по чести, в знач. нареч. Разг. То же, что честь честью». (т. 17).

Сопоставительный анализ предложений с этими фразеологизмами показывает, что в их значении наряду с общими, объединяющими их элементами, есть и различные, делающие данные сочетания одинаково употребительными, одинаково живыми. Если б они были совершенно тождественными, дублетными, несли одну и ту же информацию, то один из них обязательно должен был бы отступить, уйти из языка, или хотя бы обнаружить тенденцию к отмиранию. Ничего подобного нельзя сказать ни о том, ни о другом сочетании. Первое из них—«честь честью» имеет значение—как подобает человеку (людям) **в соответствии с** их **пониманием морального или социального достоинства как внутреннего качества** человека, а второе—«честь по чести»—имеет несколько другое значение—**так, как следует делать,** чтобы **обнаружить, проявить в поступках уважение** к кому-нибудь. Различие в значении отчетливо обнаруживается при сравнении предложений с этими фразеологизмами.

[1] Форма множественного числа указывается как устаревшая Словарем современного русского литературного языка в 17 томах и Толковым словарем русского языка под ред. Д. Н. Ушакова; Словарь русского языка в 4 томах, АН СССР совсем не приводит формы множественного числа.

(Несчастливцев): Ну-с, теперь вы меня, конечно, проводите **честь честью.** Мы позавтракаем и расцелуемся, как следует родственникам. (Остр.). После спектакля я ужинал у Романова, **честь честью,** потом лег спать, спал крепко и на другой день уехал домой не издав ни одного жалобного звука. (Ч)

По ухватке сторож лих,
Кроет **честь по чести:**
Не случилось никаких
За ночь происшествий.
(Твард.)

За столом сидели вместе,
Пили чай, велася речь
По порядку, **честь по чести.**
(Твард.)

Честь по чести распрощались,
На часы взглянул: идут!
(Твард.)

Различие в значении описываемых фразеологизмов поддерживается синтаксическим окружением тавтологизма и конкретной ситуацией, в которой возникает, становится понятным данное предложение. Все это делает разными тавтологизмы «честь честью» и «честь по чести» и по стилистической характеристике.

Фразеологические значения этих тавтологизмов в разной степени сохранили связь со значением отдельного существительного «честь». Так, сочетание «честь честью» по своему значению ближе стоит к первому значению слова—«совокупность морально-этических принципов (достоинства, нравственности, совести и т. п.), которыми человек руководствуется в своем общественном и личном поведении»[1].

Второй фразеологизм «честь по чести» развил в своем значении такие стороны, которые **указывают на способ отношения** к кому-нибудь, **на способ проявления, обнаружения** к кому-нибудь, почитания кого-нибудь. Конечно, это обнаруживаемое, проявляемое уважение вызвано моральными или социальными достоинствами определенного человека или группы людей. Значения фразеологизма и отдельного слова в данном случае тоже связаны, хотя связь эта более отдаленная, опосредствованная, чем у сочетания «честь честью».

Из всего сказанного об этой, последней, группе тавтологических сочетаний можно заключить следующее: самые разнообразные семантические процессы, протекающие в описанных фразеологизмах, **никак не влияют на формальную сторону** со-

---

[1] Словарь русского языка в 4 томах. АН СССР, т. 4, стр. 918.

ставляющих сочетание **компонентов**—они остаются в такой же форме числа, какая имеется и у существительного в его номинативном значении.

Выводы

I. Русские тавтологические сочетания образуются, как правило, от первичных, номинативных значений полисемантичных общеславянских и исконно русских слов, называющих части человеческого тела, отрезки пространства и времени, элементы и единицы человеческой речи и др.

По функционированию категории числа эти существительные можно разделить на две группы: в первой, самой многочисленной группе оказываются слова, имеющие соотносительные формы единственного и множественного числа, сочетающиеся с количественными числительными, и существительные, у которых категория числа является средством различения разных значений в слове; во второй—существительные, которые имеют форму только одного числа.

II. По форме числа существительного—компонента тавтологические сочетания русского языка делятся на три группы. К первой относятся сочетания, компоненты которых имеют форму единственного числа. Таких сочетаний в языке абсолютное большинство. Ко второй группе относятся сочетания, образованные из существительных в форме множественного числа. Сочетаний этой группы немного. И, наконец, третья группа тавтологизмов объединяет сочетания, компоненты которых имеют форму разных чисел. По количеству единиц эта группа самая незначительная.

III. В зависимости от того, какая причина определяет форму числа существительных—компонентов тавтологических сочетаний, все фразеологизмы делятся на две части.

В первой, самой многочисленной по количеству единиц, части, форма числа слова-компонента определяется фразеологическим значением целого сочетания.

Тавтологизмы этой части по семантике целого делятся на пять групп.

Первая группа сочетаний служит для обозначения последовательности, постепенности в чем-нибудь с учетом каждой единицы, составляющей эту последовательность.

Вторая — тоже для обозначения последовательности, постепенности с учетом каждой единицы, но связанной со значением степени проявления действия или признака, состояния.

Третья группа фразеологизмов называет близость кого-чего-нибудь, совместность чьих-либо действий.

Четвертая употребляется для обозначения точного совпадения двух объектов.

Пятая — для обозначения полного охвата чего-либо с указанием двух его конечных пунктов.

В сочетаниях названных пяти групп качественно новая семантика фразеологического целого привела к изменению грамматических признаков, составляющих эти сочетания слов. Так, в свободном употреблении существительные типа **день, год, шаг, бок, слово, крышка, плечо, лицо** имеют соотносительные формы единственного и множественного числа, сочетаются с количественными числительными, а в составе фразеологизмов они застывают в форме только одного числа.

Более того, фразеологическое значение тавтологических сочетаний выделенных групп таково, что только образующие фразеологизм существительные имеют форму и значение числа, а сочетанию в целом категория числа не присуща.

Во второй части фразеологических сочетаний, гораздо меньшей по количеству единиц, форма числа существительных-компонентов определяется уже свойствами языковой системы. Эти сочетания, в свою очередь, разделены нами на две категории. В первой — рассмотрены тавтологизмы, составленные из существительных, у которых число является средством различения разных лексических значений в слове. Названное частичное ограничение системы определяет форму числа существительного как в составе свободного словосочетания, так и в составе фразеологизма. Тавтологизмы этой категории по форме числа составляющих их компонентов делятся тоже на две группы — в одной находятся сочетания, компоненты которых имеют форму одного числа (из рук в руки, время от времени), а в другой — сочетания, компоненты которых имеют форму разных чисел (суета сует, начало начал). Тавтологизмы первой группы с компонентами «руки», «время», «случай», «место», «сторона» способны развивать и развивают настолько обобщенное, широкое значение (что отчасти объясняется лексическим значением составляющих сочетание компонентов), что превращаются в грамматикализованное средство выражения перемещения в пространстве, повторяемости действия во времени, связи его с какими-либо условиями или перехода действующего субъекта от одного к другому и др.

В тавтологизмах второй группы особенно отчетливо проявляется лексико-грамматическая сущность категории числа

некоторых существительных: единственное число первого компонента оформляет отвлеченное его значение, а множественное число — более узкое, конкретное. Объединяет эти сочетания и своеобразная семантика — они называют высшую степень чего-либо, соединенную с положительной или отрицательной оценкой.

И, наконец, в последней, очень малочисленной, категории тавтологизмов языковая система ставит абсолютные ограничения в функционировании числа — существительные-компоненты любых сочетаний вообще не могут иметь соотносительных форм числа.

IV. Тавтологические сочетания обладают разной степенью фразеологичности формы и значения.

Наименьшая степень фразеологичности наблюдается у тавтологизма в том случае, когда первичное, номинативное значение составляющего его компонента сохраняется во фразеологизме и сосуществует со значением целого сочетания. Степень фразеологичности повышается, если значение компонента в нем сглаживается, заслоняется значением всего сочетания.

Наивысшая степень фразеологичности сочетания наблюдается в тавтологизмах, где 1) значение целого лишь весьма отдаленно связано с каким-либо из переносных, образных значений составляющего компонента или 2) число субъектов, предусмотренных формой и значением фразеологизма, вступает в противоречие с числом субъектов, действующих в предложении.

Список условных сокращений

А. Г. — А. П. Гайдар
А. Бород. — А. П. Бородин
А. Жар. — А. А. Жаров
Акс. — С. Т. Аксаков
А. Лун. — А. В. Луначарский
А. Н. Т. — А. Н. Толстой
А. Раск. — А. Раскин
Атар. — Н. С. Атаров
Бахм. — В. М. Бахметьев
Б. Горб. — Б. Л. Горбатов
Березко — Г. С. Березко
Берш. — Р. Ю. Бершадский
Б. Пол. — Б. Н. Полевой
Б. Руч. — Б. А. Ручьев
В. Арс. — В. К. Арсеньев
В. Бел. — В. Г. Белинский
В. Бианк. — В. В. Бианки
Ворош. — К. Е. Ворошилов
В. Песк. — В. М. Песков
В. Субб. — В. Субботин
Герц. — А. И. Герцен
Глад. — Ф. В. Гладков
Гонч. — И. А. Гончаров
Давыд. — Д. В. Давыдов
Д. Гран. — Д. Гранин
И. Ефр. — И. А. Ефремов
Кав. — В. А. Каверин
Кюи — Ц. А. Кюи
Л. — М. Ю. Лермонтов
Л. Леон. — Л. М. Леонов
Леск. — Н. С. Лесков
Л. Пас. — Л. М. Пасенюк
Л. Т. — Л. Н. Толстой
Макар. — А. С. Макаренко
М. Буб. — М. С. Бубеннов
М. Г. — М. Горький
М. Гал. — М. Л. Галлай
Н. Остр. — Н. Островский

Овеч. — Овечкин
Остр. — А. Н. Островский
П. — А. С. Пушкин
Павл. — М. Павлов
Пауст. — К. Г. Паустовский
Потемк. — В. П. Потемкин
Саф. — В. А. Сафонов
Сераф. — А. С. Серафимович
С. Мих. — С. В. Михалков
С.-Мик. — И. С. Соколов-Микитов.
С. Нар. — С. Нариньяни
С.-Щ. — М. Е. Салтыков-Щедрин
Твард. — А. Т. Твардовский
Тел. — Н. Д. Телешов
Фад. — А. А. Фадеев
Фурм. — Д. А. Фурманов
Ч. — А. П. Чехов
Шол. — М. А. Шолохов
Юрьев — Ю. М. Юрьев
Ю. Поход. — Ю. Походаев
Из газ. — из газет
Из журн. — из журналов.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ГЛАГОЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ, ЗАСТЫВШИМ В ФОРМЕ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

В. А. ЛЕБЕДИНСКАЯ,
Челябинский пединститут

В последнее время усилился интерес лингвистов к вопросу о форме ФЕ[1]. Решение этого вопроса во многом зависит от всестороннего, глубокого анализа особенностей функционирования грамматических категорий в составе ФЕ.

В данной статье мы обобщаем наблюдения за эволюцией категории лица во ФЕ, застывших в форме 2 лица единственного и множественного числа повелительного наклонения. Глагольные семантико-грамматические связи подверглись не просто фиксации, «застыванию», но и некоторым семантико-стилистическим изменениям. Несомненно, что эти изменения связаны со спецификой функционирования грамматических категорий в составе ФЕ, т. е. с особым характером семантических и грамматических связей внутри ФЕ.

Нами рассмотрено большое количество предложений, включающих ФЕ с глаголом, фиксированным в форме повелительного наклонения. Сплошная выборка производилась из полного собрания сочинений и писем А. П. Чехова[2].

По значению выраженного лица имеющиеся у нас ФЕ можно разделить на 2 группы. Форма повелительного наклонения в каждой из групп имеет различное значение лица:

1. Значение конкретного 2 лица, например: будь (те) добры, будь(те) здоровы, сделай(те) милость, побойся бога, сделай(те) одолжение и др.

---

[1] ФЕ—фразеологическая единица (сокращение использовано в статье и далее).

[2] А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем. М., ГИХЛ, 1944—1951.

2. Значение обобщенного 2 лица, например: ищи ветра в поле, держи карман шире, скажи на милость, накось выкуси, хоть святых выноси, хоть убей(те) и др.

ФЕ 1 группы весьма разнообразны по своей модальной окраске. Они могут иметь модальное значение просьбы с самыми различными экспрессивно-стилистическими оттенками, например:

> Обращаюсь к тебе с **просьбой. Будь добр,** возможно скорее попроси редакционного Андрея собрать мне «Новороссийский телеграф» с 15 апреля по 1 мая. (Ч. **14**—353)[1]
>
> Оставьте меня[1]. **Сделайте такое одолжение!** (Ч. 12—95)
> Вот с отцом пришел, **сделай милость,** отпусти Ваську! (Ч. **6**—42)
> **Заставь вечно бога молить!** Ваше благородие, отпусти. (Ч. **6**—40)
> Жива ли она? Узнайте, **будьте отцом родным!** (Ч. **14**—47)
>
> **Будь другом,** прикажи выслать мне словарь Брокгауза... (Ч. **18**—192)
> **Будьте любезны,** не церемоньтесь и располагайтесь в моем футляре, как у себя дома. (Ч. **5**—12)
> Уж ты того...**Будь милостив,** дай и сегодня мне осьмушку овса. (Ч. **5**—143)
> — Батюшка! — обратилась к нему мамаша, заливаясь слезами, — **будьте столь благородны,** посеките моего. **Сделайте милость!...** Посеките его заместо меня, **будьте столь благородны и деликатны,** Евтихий Кузьмич. (Ч. **1**—33)
>
> **Будьте ласковы,** научите меня: какие сигары курить мне и где в Москве я могу покупать их? (Ч. **16**—41).

Небольшое количество ФЕ представляет собой формулы прощания с разными модальными оттенками.

> Прощайте-с! За дурной головой и ногам больно... так и мне.
>
> ...С дурацкой памятью беда: раз двадцать сходишь! **Будьте здоровы-с!** (Ч. **1**—168).
> Скоро я буду дома. **Оставайся здорова** и кланяйся. (Ч. **16**—172)

---

[1] Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем; первая цифра указывает на номер тома, вторая—страницу.

Будьте пока здоровы и благополучны. Поклон Вашим. (Ч. **15**—341)

Ну, **иди с богом,** а я тут должен кое-чем... позаняться. (Ч. **1**—71)

Господь с вами, оставайтесь, **не поминайте лихом.** (Ч. **9**—364)

И, наконец, в I группе имеются ФЕ — формулы угрозы различной экспрессивной окрашенности:

Поблагодари бога! — продолжал епископ. — Человек, имеющий от бога драгоценный дар открывать в людях нечистого духа, открыл нам и тебе глаза. (Ч. **1**—155)

Благодари бога, цела твоя голова. (Ч. **11**—461)

Враги вы мои! Умру, так **попомните слова мои!** (Ч. **1**—92)

Герася! **Побойся всевышнего!** Мы здесь беседуем, а ты вслух читаешь! (Ч. **12**—34)

Значение лица, его конкретность, определенность, обусловливается в этих ФЕ речевой ситуацией, в которой обязательно присутствует реальный собеседник, воспринимающий эти просьбы, угрозы, пожелания.

Закрепленность ФЕ за жизненно-речевой ситуацией, предполагающей наличие конкретного собеседника, создает их фразеологичность, делает эти выражения своеобразными штампами, формулами просьбы, угрозы, прощального приветствия.

Лицо во ФЕ I группы имеет различную степень выраженности. Даже в одном и том же фразеологизме оно может проявляться по-разному. Проиллюстрируем это на примере ФЕ «будьте добры».

В предложении эта ФЕ может употребляться в роли элемента сложного сказуемого, состоящего из фразеологизма «будьте добры» и инфинитива основного глагола, выражающего самую просьбу. Приводим несколько примеров подобного употребления ФЕ:

Будьте добры о т о с л а т ь варианты г. Федорову-Юрковскому с просьбой заменить ими соответствующие места в пьесе. (Ч. **14**—289)

Будьте добры у в е д о м и т ь меня, в какие часы дня я могу застать Вас дома. (Ч. **14**—256)

В «Северном вестнике» состоит секретарем некая Нат(алия) Арабажи. **Будь добр у з н а т ь** у кого-нибудь

(помимо членов редакции), как отчество этой Арабажи. (Ч. **16**—196)

Будьте добры с к а з а т ь сестре, когда начнутся репетиции «Татьяны» и когда она пойдет. (Ч. **14**—287)

Выступая в данных предложениях в качестве элемента сказуемого, ФЕ является единственным показателем лица сложного глагольного сказуемого. Одновременно она служит также формулой просьбы, т. е. вносит в предложение модальность. Следует, однако, отметить, что в данной синтаксической позиции модальность просьбы снижается. Это скорее указание, нежели просьба. Фразеологичность словосочетания в данном случае уменьшается, т. к. ее основой является модальность (для исследуемой ФЕ).

Более ярко фразеологичность формулы «будьте добры» проявляется, когда она выступает в предложении в роли вводного словосочетания.

Милый Иван, **будь добр, п о б ы в а й** в городе и вели выслать нам в Мелихово 30—40 рогож и веревок потоньше, какие употребляются при упаковке. (Ч. **18**—151)

Будь добр, н а в е д и с п р а в к у: намерен ли Малый театр поставить в будущем сезоне «Дядю Ваню». (Ч. **18**—71)

Будьте добры, с к а ж и т е в телефон, чтобы контора выслала мне гонорар за «Обывателей». (Ч. **14**—447)

Будьте добры, н а п и ш и т е, как Вы поживаете и что нового. (Ч. **19**—162)

Значение лица у ФЕ в приведенных примерах ослаблено, на первый план выдвигается модальное значение, которое является стержнем фразеологичности данного устойчивого словосочетания. Лицо, к которому обращена просьба, явственно обозначено повелительной формой глагола, выражающего содержание просьбы: «побывай», «наведи справку», «напишите», «скажите». Своеобразное ослабление лица во ФЕ как бы компенсируется ярко выраженной предикативностью сказуемого в предложении. То обстоятельство, что сказуемое берет на себя выражение лица, позволяет ФЕ наиболее ярко проявить свою модальность. Интонационно-синтаксическая обособленность также способствует акцентированию модальности ФЕ.

В тех случаях, когда «будьте добры» употребляется в строе сложноподчиненного предложения (обязательно в главной части его, так как исполнение просьбы, выраженной в главной части, ставится в зависимость от условия, обозначенного

в придаточной части), интонационно-синтаксическая обособленность ФЕ — вводного словосочетания — сохраняется. Это особенно заметно при сопоставлении следующих рядов:

ФЕ — вводное словосочетание. Если сборник еще не распродан, то **будьте добры, оставьте** для меня один экземпляр в переплете. (Ч. **14**—267) Если ты благополучно проживаешь в Таганроге, то **будь добр, повидайся** с госпожей Ген. (Ч. **18**—36)	**ФЕ — часть сказуемого.** Уважаемая Наталья Михайловна, если Егор Михайлович уже на Луке, то **будьте добры передать** ему мое извинение. (Ч. **14**—306) Если дом еще не занят.., то **будьте добры поговорить** с Мандражи. (Ч. **18**—168)

В связи с этим любопытно отметить, что в письмах А. П. Чехова встретилось небольшое количество предложений, в которых отсутствует пунктуационное выделение вводного словосочетания, несмотря на то, что оно, казалось бы, необходимо.

> Милый Владимир Николаевич, **будьте добры** уведомите меня, в какой день и час Вы поедете из Киева в Харьков? (Ч. **14**—351) Прилагаемый документ **будьте добры** передайте А. И. Иваненко — через брата или как найдете удобнее. (Ч. **16**—250)
>
> **Будьте добры** вышлите мне (Ялта, А. П. Чехову) наложен(ным) платежом по почте теплый платок для старушки, которая проживает у нас... (Ч. **18**—280)
>
> **Будьте добры** передайте г. Келлеру (сами или через С. Я. Елпатьевского) деньги или чек. (Ч. **18**—195)
>
> Наудачу посылаю Вам карточку, с которой **будьте добры** обратитесь к А. Л. Вишневскому. (Ч. **18**—247).

Объяснить отсутствие пунктуации опечаткой или небрежностью автора нельзя. По всей вероятности, в данном случае мы имеем дело с начавшимся процессом перехода модального словосочетания в модальную частицу.

Отсутствие знаков препинания, и, следовательно, интонационной выделенности ФЕ «будьте добры», обусловлено смысловой и интонационной слитностью ее с глаголами «передайте», «уведомите», «вышлите» и др. Подобный пример тесной связи частицы с глаголом мы имеем в следующих примерах: «давайте сделаем», «давайте вышлем», или «пошел было», «сделал было». Обращает на себя внимание тот факт,

что во всех трех случаях частицы имеют строго закрепленное место в предложении: или перед глаголом или после него.

Итак, утрата фразеологизмом интонационно-смысловой самостоятельности явилась причиной отсутствия при нем пунктуации вводного словосочетания.

Следует оговориться, что процесс превращения ФЕ «будьте добры» в частицу находится в начальной стадии развития и ФЕ еще не утратила своих лексико-грамматических качеств. Но начало утраты его смысловой, а вследствие этого, и интонационной самостоятельности уже свидетельствует о многом. В частности, можно говорить о большой степени ослабления категории лица ФЕ. Фразеологичность словосочетания в данном случае наибольшая, т. к. оно находится на пути превращения в грамматикализованное устойчивое словосочетание.

Таким образом, можно наметить следующие ступени ослабления категории лица в описываемой ФЕ:

1. ФЕ «будьте добры» в сочетании с инфинитивом (будьте добры прислать, будь добр узнать и т. д.) является единственным выразителем категории лица. Фразеологичность словосочетания в данном случае наименьшая. В предложении оно выступает в роли элемента сказуемого.

2. Значение лица ослабляется, когда ФЕ выступает в роли вводного словосочетания. Основным выразителем лица становится сказуемое, которое указывает своим окончанием на лицо (будьте добры, скаж**ите...** будьте добры, напиш**ите...** и др.) ФЕ вносит в предложение добавочный модальный оттенок.

3. Еще более ослаблено значение лица в последнем из рассмотренных нами случаев. Общая семантико-интонационная опустошенность словосочетания, употребляющегося в роли частицы, позволяет говорить о значительном ослаблении всех грамматических категорий компонентов ФЕ, в том числе и категории лица.

Характерно для анализируемой группы ФЕ, что в тех случаях, когда категория лица в глагольном компоненте ФЕ наполнена живым конкретным содержанием, фразеологизм выступает в предложении в качестве сказуемого. Это закономерно, так как синтаксическая позиция сказуемого создает наилучшие условия для выражения предикативности, одним из главных признаков которой является категория лица. И, напротив, ФЕ, в которых категория лица ослаблена, стремятся к обособлению в строе предложения в модальную вводную группу. Модальность в вводных словосочетаниях превалирует над

всеми грамматическими категориями компонентов. Сказанное нагляднее всего иллюстрирует следующее сопоставление:

ФЕ — в роли сказуемого.
Побойтесь бога, если не боитесь за свой желудок. (Ч. **13**—185)
Так Вы приходите до нас, я буду ждать. **Сделайте** такое Ваше **одолжение.** (Ч. **20**—157). **Сделайте** такую божескую **милость,** Ваше благородие. Верстов двадцать пешком шел. (Ч. **1**—238)

ФЕ — в роли вводного словосочетания.
Побойся бога, ни в одном из твоих рассказов нет женщины-человека. (Ч. **13**—151)
Посудин еще у себя из дому не **выходил,** а тут уже — **сделай одолжение,** все готово! (Ч. **4**—104)
У нас женщина обыкновенно прежде чем заполонить писателя, сама уже влюблена по уши, **сделайте милость.** (Ч. **11**—159)

Несмотря на некоторое ослабление лица у ФЕ — вводных словосочетаний, исследуемая категория у глагольного компонента ФЕ 1 группы еще достаточно сильна. Это подтверждается сохранением парадигмы числа и особой формы вежливости. ФЕ употребляется в единственном числе, если обращаются к близкому человеку. Так обращается Чехов в письмах к Маше (сестре), Александру (брату) и к тем немногим друзьям, с которыми он был на «ты» (К. С. Баранцевичу, П. А. Сергеенко, В. И. Немировичу- Данченко, А. И. Коробову и нек. др.), форму единственного числа употребляют также персонажи чеховских произведений, находящиеся в близких отношениях, например:

> **Сделай милость,** купи мне на свой вкус палку не дешевле рубля и не дороже двух. (Ч. **13**—96)
>
> ...если я буду присылать письма моей мамаше через тебя, то **будь добр,** отдавай их мамаше не при всей компании, а тайно. (Ч. **13**—23).

Очень редко встречаются анализируемые ФЕ в форме множественного числа:

> Что у вас, у петербуржцев, за манера фаршировать себя всякого рода белладонами, кодеинами и бисмутами?
>
> **Побойтесь бога,** если не боитесь за свой желудок. (Ч. **13**—155).

Потенциально форма множественного числа от данных ФЕ возможна, но ситуация обращения с вежливой просьбой или

угрозой ко множеству лиц встречается редко. Чаще всего и с просьбой, и с угрозой обращаются к одному лицу.

Наиболее распространенной формой употребления ФЕ I группы, особенно фразеологизмов, выражающих просьбу, является форма вежливости.

Парень сделал такое жалостное лицо, как будто собрался просить милостыню, заморгал и сказал: —

— **Сделайте** такую **милость,** Иван Миколаич! (Ч. **6**—276)

Сделайте Ваше **одолжение,** но Вам не переспорить моей нелюбви к эшафотам. (Ч. **14**—228) и мн. др.

* * *

В эту же группу по значению выраженного в них лица входят ФЕ «будьте здоровы» и «не поминайте лихом», своеобразные формулы прощания.

Однако **будьте здоровы.** Довольно! С Новым Годом.

Ваш А. Чехов. (Ч. **15**—304)

Будьте здоровы, изменница лютая.

Ваш А. Чехов. (Ч. **16**—11)

— Прощайте!

— **Будьте здоровы!**—сказал Зинзага и поклонился. (Ч. **1**—141)

Ну, дай бог вам,—бормотал Лихарев, усаживая Иловайскую в сани. — **Не поминайте лихом.** (Ч. **5**—278)

...не поминайте лихом Вашего почитателя. (Ч. **15**—57)

На Фоминой неделе я удаляюсь из прекрасных здешних мест.

Прощай и **не поминай лихом.** (Ч. **15**—45) и мн. др.

Лицо в этих ФЕ всегда имеет определенное конкретное значение, парадигма числа сохраняется:

будь здоров (а) —будьте здоровы,

не поминай лихом—не поминайте лихом.

В предложении они всегда выступают в функции сказуемого.

Интересно отметить, что ФЕ «будь (те) здоров (ы)» встречается чаще в письмах А. П. Чехова, а «не поминайте лихом»—в устной речи героев.

* * *

II группа ФЕ отличается от I значением лица. Фиксированный глагольный компонент ФЕ II группы имеет обобщенно-личное значение. Следует сразу оговориться, что обобщенность лица во ФЕ носит фиксированный характер и этим отличается от обобщенности лица у свободно употребляемых глаголов, в которых обобщение и неопределенность лица — явления синтаксические, «так как создаются, возникают и обнаруживаются только в связной речи, предложении»[1].

Для удобства описания ФЕ с обобщенным 2 лицом можно разделить на 2 подгруппы:

1) ФЕ, представляющие собой генетически придаточное уступительное предложение с союзом «хоть» (хоть караул кричи, хоть кол на голове теши, хоть глаз выколи, хоть убей, хоть шаром покати и др. подобные).

2) ФЕ, представляющие собой генетически глагольные словосочетания различных структур (ищи ветра в поле, держи карман шире, знай наших, скажи на милость, скажите пожалуйста и др. подобные).

Первая подгруппа включает ФЕ, состоящие из 4 компонентов (хоть в петлю полезай, хоть из пушек пали), 3 компонентов (хоть пруд пруди, хоть святых выноси), 2 компонентов (хоть вешайся, хоть отбавляй).

Все эти ФЕ по своей семантике могут быть сгруппированы вокруг трех основных значений;

а) ФЕ, выражающие качественную характеристику чего-либо, кого-либо. Чаще всего это отрицательная характеристика. Выражения отличаются большой экспрессивностью.

Например: Такое свинство, что просто **хоть караул кричи.** (Ч. **17**—370)

Да и воздух же у вас в вагоне! **Хоть топор вешай.** (Ч. **4**—310)

Вечером, когда стемнело, ему стало нестерпимо скучно, как никогда не было — **хоть в петлю полезай!** (Ч. **6**—423)

Без секретаря и Храпова никто не знает, где что лежит, куда что послать, а просители обалделые все

---

[1] И. Н. Бабалян. Категория лица глагола в современном русском языке. М., 1953, стр. 183.

куда-то спешат и торопятся, — такой кавардак со стихиями, **что хоть караул кричи.** (Ч. 6—447)

Зима в Москве плохая. **Хоть плюнь.**
Снегу нет. (Ч. 14—456)

Жарища и духота невозможные, ветер сухой и жесткий, как переплет, просто **хоть караул кричи.** (Ч. 14—135)

б) ФЕ, дающие количественную характеристику чего-либо. (Обычно количества выражаются полярные: или очень много, или ничего нет, мало).

Беда ведь не в том, что мы ненавидим врагов... а в том, что недостаточно любим ближних, которых у нас **много, хоть пруд пруди...** (Ч. 14—199)

У нас нет ни ближайших, ни отдаленных целей, и в нашей душе **хоть шаром покати.** (Ч. 15—446)

Была прекрасная мебель в стиле empire, были картины, были вазы, а теперь **шаром покати...** (Ч. 9—157)

в) ФЕ, выражающие экспрессивное заверение или уверенность в невозможности сделать что-либо или, напротив, в неизбежности свершения какого-либо действия.

Не придет никто, **хоть из пушки пали.** (Ч. 4—70)

Хоть зарежьте меня, а я Вам ничего не придумаю. (Ч. 13—98)

...он в семинарии обучался, а я этих самых делов,.. **хоть убей,** ничего не понимаю. (Ч. 3—124).

Мне дальше титулярного советника не пойти, **хоть тресни...** (Ч. 3—119)

Ничего не понимают, **хоть кол теши на голове.** (Ч. 1—422)

Ежели вы не ответите мне, то **хоть умирай.** (Ч. 1—355)

Слава богу,— думает Пимфов,— сегодня не дошел до сотворения мира и иерархии, а то бы волосы дыбом, **хоть святых выноси.** (Ч. 4—34)

Поеду да поеду, **хоть ты тресни.** (Ч. 4—309)

Как уже было сказано, описываемые ФЕ обладают обобщенно-личным значением. Наблюдается прямая связь между обобщением в данных ФЕ и обобщенно-личным значением синтаксических целых, называемых пока весьма неточно пословицами и поговорками.

Многие ФЕ представляют собой осколки таких синтаксических целых. Приведем для сравнения небольшую выборку

пословиц и поговорок из сборника «Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков:»[1]

Хоть кол на голове теши, а он два ставит. (стр. 36).
Как шаром покати (стр. 87).
Хоть живи, хоть умри (стр. 115).
Хоть в омут головой (стр. 115).
Хоть рви, хоть пытай — правды не сыщешь (стр. 115).
Хоть шаром покати (стр. 133).
Хоть кол ему теши, все свое несет.- (стр. 133).
На лбу хоть кол теши (стр. 136).
Было то, что и святых вон понеси. (стр. 139).

Наблюдается прямая связь между приведенными пословицами и следующими фразеологизмами: хоть кол на голове теши, хоть шаром покати, хоть умри, хоть святых выноси. Но в отличие от пословицы, употребляющейся, главным образом, самостоятельно, ФЕ данного типа в соответствии с развивающейся в них характеристической, количественно-качественной семантикой имеют тенденцию к употреблению в роли члена предложения или модально-междометного словосочетания.

Самостоятельно они употребляются сравнительно редко и при этом в роли сопутствующих междометных предложений, напр.: Что за роскошь «Отцы и дети»! Просто **хоть караул кричи!** (Ч. **16**—31).

Плохо что-то сегодня ловится... Сидим, сидим и хоть бы один черт! **Просто хоть караул кричи!** (Ч. **1**—50).

В силу развития нового, неглагольного значения (модально-междометного и обстоятельного) во ФЕ глагольные категории ослабевают. В исследуемых фразеологизмах происходит борьба между новым, развивающимся значением и старым, глагольным, значением. Новая семантика стремится вытеснить глагольные категории и развить свои грамматические качества. Поясним это на примере словосочетания «хоть пруд пруди».

Глагольный компонент в нем имеет характерное управление творительным содержания (прудить чем?). Во внешних связях ФЕ это управление еще живет:

Новостями **хоть пруд пруди**. (Ч. **18**—262)

Но это уже отмирающее управление. Оно вытесняется характерным для выражения количественной характеристики родительным падежом.

---

[1] Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков. М.—Л. 1961. Страницы указаны в тексте.

Извозчиков, сами знаете, **хоть пруд пруди,** сено дорогое, а седок пустяковый... (Ч. **4**—50)

У меня гостей — **хоть пруд пруди.** (Ч. **17**—107)

Сохранение глагольных качеств проявляется в стремлении ФЕ к обособлению, к сохранению путем обособления предикативных качеств. Наряду с необособленной позицией ФЕ в предложении:

«Но зато важности и серьезности **хоть отбавляй»,** — (Ч. **15**—24)

гораздо чаще ФЕ занимает в предложении синтаксически обособленное место. Обособленность ее достигается различными средствами:

а) стилистическим тире (логической паузой).

Французские газеты чрезвычайно интересны, а русские — **хоть брось.** (Ч. **17**—219)

Ведь в Таганроге иностранцев тьма — **хоть пруд пруди.** (Ч. **16**—398)

б) употреблением ФЕ в качестве единственного члена придаточного местоименно-соотносительного предложения, присоединяемого к главному посредством союза «что». Напр.:

Такую нежность на себя напустил, что **хоть вешайся.** (Ч. **12**—86)

...во всем теле такое раздражение, что **хоть в петлю полезай.** (Ч. **16**—60)

Темнота кругом такая, что **хоть глаза выколи.** (Ч. **4**—488)

Новое, формирующееся, качественное значение ФЕ в приведенных выше примерах поддерживается соотнесенностью местоименно-соотносительного придаточного предложения с относительным местоимением «такую», «такое», «такая». Местоимение, только указывающее на какое-либо качество, конкретизируется ФЕ, несущей в себе экспрессивную качественную характеристику;

в) определенную самостоятельность получают ФЕ, употребляемые в качестве своеобразных сопутствующих предложений — сказуемых.

Вот Вам, Ольга Семеновна, наша жизнь. **Хоть плачь!** (Ч. **9**—315)

Зима в Москве плохая. **Хоть плюнь.** (Ч. **14**—456)

Такие конструкции наиболее характерны для разговорной речи.

Благодаря сохранению фразеологизмом своеобразной автономности в строе предложения, глагольный компонент все

еще воспринимается как организующий центр генетического придаточного предложения, не утративший до конца своих предикативных свойств. Сохранению глагольности способствуют также синтаксические позиции главного члена придаточного предложения (б) и сопутствующего сказуемого (в).

Таким образом, исследуемые ФЕ имеют две противоречивые тенденции развития. Одна из них направлена на формирование новой, качественно-количественной семантики. Это явление сопровождается утратой словосочетанием глагольности, что нашло свое отражение в ослаблении всех глагольных категорий, в частности категории лица, и в изменении синтаксических позиций ФЕ. Поэтому в следующих примерах синтаксическая функция ФЕ может быть определена как обстоятельственная:

> Единственным светлым промежутком за эти $1^1/_2$—2 года было пребывание у Вас в Феодосии, а все остальное **хоть брось,** так скверно. (Ч. **16**—409)
> Наши гг. геологи, ихтиологи, зоологи и проч. ужасно необразованные люди. Пишут таким суконным языком, что не только скучно читать, но даже временами приходится фразы переделывать, чтобы понять. Но зато важности и серьезности **хоть отбавляй.** (Ч. **15**—24)

Вторая тенденция в развитии данных ФЕ обусловлена достаточно еще прочным сохранением старых глагольных качеств, что проявляется в удержании различными средствами (о них мы говорили выше) предикативной самостоятельности ФЕ.

Следовательно, в анализируемых ФЕ сосуществует нарождающееся качественно-количественное значение с отживающим глагольным.

Ослабление категории лица находится еще только в начальной стадии, поэтому ФЕ данного типа не утратили соотнесенности с лицом, хотя они и застыли в одной только личной форме, более того, в одном значении лица — обобщенном.

Обобщенно-личное значение, как известно, указывает на соотнесенность с любым вторым лицом, всяким. Во ФЕ оно к тому же весьма неопределенное, расплывчатое. Например, затруднительно определить, с каким лицом соотнесены следующие ФЕ:

> Темнота кругом такая, что **хоть глаза выколи...** (Ч. **4**—488)

Да и воздух же у нас в вагоне! **Хоть топор вешай...** (Ч. **4**—310).

Кроме Вас я никого не приглашаю, ибо Левитан едет в Петербург, да и утомляется он очень, а остальные не поедут, **хоть из пушек стреляй.** (Ч. **15** — 165) и др. под.

В некоторых случаях может быть наблюдаема соотнесенность ФЕ с 1-м лицом (в рамках обобщенно-личного значения):

Одышка тяжелая, просто **хоть караул кричи,** даже минутами **падаю духом.** (Ч. **20**—305).

У **меня** опять строится школа (из мною построенных — это третья) и нужно 2,5 тысячи, **хоть в петлю полезай.** (Ч. **17**—368) и др. под.

Сравнительно невелико количество примеров, показывающих возможность соотнесенности ФЕ с 3-им лицом (как и в предыдущем случае, на соотнесенность с каким-либо лицом указывает контекст).

Он опускает веки, щурит глаза, надувает щеки, морщит лоб, но **хоть плюнь,** выходит совсем не то, что хотелось бы. (Ч. **6**—294)

Малый попал в такой переплет, что **хоть караул кричи.** (Ч. **14**—226)

Яркой морфологической чертой ФЕ данной группы является отсутствие парадигмы числа.

Это объясняется обобщенно-личным значением ФЕ, которое имеет соотнесенность с любым, всяким лицом. Отсутствие формы множественного числа компенсируется возможностью отнести действие к любому из множества лиц.

Не имеют эти ФЕ особой формы вежливости. Трудно представить себе существование в языке таких форм, как «хоть кол на голове тешите» «хоть святых выносите» и под., потому что форме вежливости противоречит и грубая экспрессия ФЕ и ее обобщенно-личное значение, которое, соотнося действие с **любым** лицом, в какой-то мере безразлично к нормам церемониального этикета.

Несколько иную картину в отношении парадигмы числа мы наблюдаем в группе ФЕ, выражающих уверенность или заверение в невозможности либо в неизбежности свершения какого-нибудь действия. Значение лица у ФЕ такого типа неоднородно. Это обусловливается различиями в семантике ФЕ. Фразеологизмы, выражающие **заверение в невозможности** свершения действия, имеют конкретное личное значение.

...буду изредка, раз в месяц писать «субботники», но

стать в газете прочно не решусь ни за какие тысячи, **хоть** Вы (Суворин — В. Л.) меня **зарежьте,** (Ч. **14**—159)

Я банкрот... Денег, **хоть удавите**, нет... Когда месяц кончится, Вы (Лейкин — В. Л.) поторопите Вашего казначея утолить мою жажду. (Ч. **13**—165)

Я, **хоть убейте,** решительно не понимаю, для чего Вы (Лейкин — В. Л.) принимаете ландыш и валериану. (Ч. **13**—317)

Конкретизация лица влечет за собой морфологические перемены во ФЕ: становится возможным употребление их во множественном числе и в форме вежливости. Но те же ФЕ встречаются и в обобщенно-личном значении:

Да тот чудак, Петр Семеныч, нашел, что будто у тебя один глаз темнее другого. Не нахожу этого, **хоть убей!** (Ч. **6**—427)

Пишу по 6—7 строчек в день, больше не могу, **хоть убей.** (Ч. **20**—37)

Мне дальше титулярного не пойти, **хоть тресни...** (Ч. **3**—119)

В связи с появлением у ФЕ обобщенно-личного значения во ФЕ происходит изменение в модальной окраске. Это уже не **заверение,** обращенное к конкретному лицу, а **уверенность** в невозможности свершения какого-либо действия, констатация факта без обращения к определенному лицу. Эволюция данных ФЕ дает нам возможность наблюдать возрастание фразеологичности словосочетания. Оно прямо связано с ростом морфологической недостаточности глагольного компонента: утратой парадигмы числа и формы вежливости.

Соотнесенность с конкретным лицом у ФЕ с модальной окраской **заверения** обусловлена ситуацией, в которой реально присутствует собеседник. Дальнейшая фразеологизация шла по линии утраты связи с конкретным лицом. ФЕ, выражающие уверенность в невозможности свершения действия, соотнесены с таким неопределенным лицом, что, по существу, связь с лицом почти утрачивается.

* * *

II. Подгруппа ФЕ отличается от первой по своей семантике и структуре. Как уже было сказано, в ней собраны устойчивые словосочетания различных структур, объединенных общностью модальных значений.

Можно отметить 2 основных модально-междометных значения, вокруг которых объединены ФЕ данной подгруппы:

1) ФЕ, выражающие тщетность, бесполезность какого-либо занятия:

Да ищи настоящего доктора, **догоняй ветра в поле, хватай черта за хвост...** (Ч. 8—87)

Зверье всякое видывал, а что насчет страшного — **накося выкуси.** (Ч. 11—449)

А где твои свидетели? Рабочие? **Держи карман!** (Ч. 1—259)

Все растопыривают руки, но уже поздно; налим — **поминай как звали.** (Ч. 4—11)

2) ФЕ, выражающие различные чувства (удивления, презрения, досады и пр.)

Ничего не надо, **язви их в душу.** (Ч. 8—80)

Глазами засверкала! **Знай,** мол, **наших!** (Ч. 12—66)

Скажи на милость, каких аристократов нашел в Париже. (Ч. 4—549)

Объединяет эти ФЕ одинаковое обобщенно-личное значение и ярко выраженная эмоционально-экспрессивная окраска. Почти всем им свойственна внутренняя отрицательная модальность: действие выражено в утвердительной, положительной форме, а смысл всего предложения в невозможности и бесполезности действия, в отрицании его.

Кто кому нос утер: Пржевальский Георгиевскому, или наоборот? **Поди разбери их...**

(«поди разбери» — не разберешь).

Учи ученого! Экий, господи, народ необразованный пошел. (Ч. 3—47)

(«учи ученого» — не учи).

Уж час времени, как ушел... Поди, **ищи ветра в поле!** (Ч. 3—145)

(«ищи ветра в поле» — бесполезно искать ушедшего).

Скажите, пожалуйста! Я пою, а он и ломается. (Ч. 12—99)

(«Скажите, пожалуйста» — говорить ничего не нужно) и т. д.

Обобщенность лица у ФЕ данной подгруппы различного происхождения. У некоторых ФЕ она прямо связана с их возникновением из устойчивых синтаксических целых, получивших в лингвистике и литературоведении название пословиц и поговорок.

Следующие ФЕ представляют собою осколки таких синтаксических целых: «держи карман», «знай наших», «поминай как звали», «жди у моря погоды» и нек. др. Для сравнения приведем несколько пословиц и поговорок, взятых из вышеупомянутого сборника.[1]

Поминай его, как звали (стр. 145)
Сиди у моря — жди погоды (стр. 34)
Ученого учить — лишь портить (стр. 114)
Знай наших (стр. 124)

Иного типа обобщенность лица в разговорных конструкциях «скажи (те) пожалуйста» и «скажи (те) на милость». Употребление этих конструкций в речи позволяет наблюдать становление их фразеологичности. Можно встретить у Чехова эти словосочетания с прямым значением компонентов:

1) Что ты за существо, **скажи** мне ты **пожалуйста?** (Ч. **12**—105)

2) **Скажите** мне **на милость,** Николай Иванович, вы всякие болезни лечите или не всякие? (Ч. **12**—30)

Первый пример не имеет никакого отношения к фразеологии. «Скажи» — свободно употребляющийся глагол, «пожалуйста» — модальная частица. В разговорной речи эта конструкция дала жизнь ФЕ, наполненной глубокой экспрессивной эмоциональностью. Компоненты этой ФЕ настолько утратили свое первоначальное значение, что она стала выражать не понятийное, а эмоциональное содержание.

Соотнесенность глагольного компонента с субъектом действия утратилась. Субъект действия оказался неопределенным и не нужным для выражения содержания ФЕ.

И, **скажи пожалуйста,** для всякой рыбы своя умственность есть. (Ч. **5**—230)

Более употребительна эта ФЕ с глагольным компонентом во множественном числе. Для нее характерна презрительная экспрессия. Скорее всего это форма не множественного числа, а особая форма вежливости, вступающая в парадоксальное противоречие с эмоциональным содержанием ФЕ и придающая всему высказыванию насмешливый, едкий характер:

Скажите пожалуйста! Настроение... (Ч. **11**—83)
Скажите, пожалуйста! Не прикажете ли мне в монастырь идти? (Ч. **12**—104)
(Запятая в этом примере перед «пожалуйста» — дань традиции).

---

[1] Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков.

Второе устойчивое словосочетание в приведенном на стр. 62 примере (2) соотнесено с конкретным 2-м лицом. (Возможно употребление этой ФЕ в единственном числе: «Говоря о завидующих газетчиках, я имел в виду газетчиков, а какой ты газетчик, **скажи на милость?** (Ч. **13**—62)

Эволюция этого фразеологизма связана с утратой им соотнесенности с конкретным лицом и приобретением нового значения — эмоционального выражения самых различных чувств:

досады: Экая жалость! — бормотал он.— Ведь этакая, **скажи на милость,** глупость с моей стороны! (Ч. **3**—43)

недоумения: Стало быть, и лес артамоновский? — спросил Мелитон, оглядываясь.— И впрямь артамоновский, **скажи на милость...** (Ч. **6**—25)

презрения: Рысак какой нашелся, **скажи на милость!** (Ч. **3**—95)

изумления: Даром, что дура, а надумала, **скажи на милость,** такое, что не всякому и грамотному на ум вскочит. (Ч. **6**—140) и др.

Выводы

ФЕ с конкретным 2 лицом (1 группа) имеют в речи определенную модальную окраску. Это своеобразные формулы просьбы, угрозы, прощания. Лицо в них имеет различную степень выраженности. Если категория лица сильна во ФЕ, то в предложении они выступают в роли элемента сложного сказуемого (или сказуемого). ФЕ, в которых категория лица ослаблена, стремятся к обособлению в строе предложения в модальную группу. Сохранение парадигмы числа и особой формы вежливости у глагольного компонента ФЕ свидетельствует о живом функционировании категории лица.

ФЕ, имеющие глагольный компонент в фиксированной форме повелительного наклонения и соотнесенные со 2 обобщенным лицом (II группа), в семантическом отношении разнообразны. Они могут давать количественно-качественную характеристику чему-либо и выражать различные модальные оттенки в предложении.

Обобщенность лица во ФЕ имеет фиксированный характер, в отличие от обобщенно-личного значения свободно употребляемых глаголов, проявляющегося лишь в определенных синтаксических условиях.

В своем развитии ФЕ с обобщенным 2 лицом имеют две

тенденции. С одной стороны, мы наблюдаем рождение у ФЕ новых значений (количественно-качественных, модально-междометных). Развитие этих значений ведет к ослаблению, а иногда и утрате категории лица у глагольного компонента. С другой стороны, в глагольном компоненте еще прочно удерживаются глагольные качества. В зависимости от этих тенденций находятся синтаксические функции ФЕ и их морфологические качества.

Яркой морфологической чертой ФЕ данной группы является утрата парадигмы числа. Функционированию множественного числа и особой формы вежливости препятствует обобщенно-личное значение ФЕ и ее ярко выраженная эмоционально-экспрессивная окраска.

Небольшая группа ФЕ («хоть убей(те)», «хоть зарежь(те)», «хоть удави(те)» и некоторые другие) имеет парадигму числа. Однако следует сказать, что эти ФЕ получают возможность изменения в числе только в том случае, если соотносятся с конкретным 2 лицом. На их основе формируются ФЕ с обобщенно-личным значением.

С приобретением обобщенно-личного значения фразеологичность устойчивых словосочетаний возрастает.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, УПОТРЕБЛЯЕМЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО В ФОРМЕ ПЕРВОГО ЛИЦА

В. А. ЛЕБЕДИНСКАЯ,

Челябинский пединститут

Предметом рассмотрения нашей статьи являются ФЕ, у которых в образовании форм лица имеются существенные ограничения различного характера. К числу таких ФЕ мы относим следующие: «клянусь честью», «ума не приложу», «ручаюсь головой», «милости просим», «богом молю», «скажу в скобках», «чего и вам (тебе) желаю», «льщу себя надеждой» и др. под.

Нельзя безоговорочно утверждать, что данные ФЕ употребляются только в форме первого лица, так как многие из них встречаются и в форме второго и, главным образом, третьего лица. Однако при употреблении ФЕ в формах второго и третьего лица в них происходят семантические, стилистические и грамматические изменения, которые мы попытаемся показать в процессе анализа наших ФЕ.

Известно, что форма первого лица «с грамматической точки зрения наиболее устойчива и наименее многозначна»[1].

Устойчивость и большая конкретность анализируемой категории накладывает определенный отпечаток на характер функционирования ее в составе глагольных ФЕ. Наиболее типичные процессы, наблюдаемые в среде фиксированных ФЕ (приобретение ими неглагольной, количественно-качественной семантики, переход в модально-междометные словосочетания), менее четко выражены или совсем отсутствуют у ФЕ, имеющих преимущественное употребление в форме первого

---

[1] В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 458.

5 Заказ 13051.

лица. Категория лица настолько сильна во ФЕ такого типа, что они никогда не утрачивают связь с глагольностью.

По характеру ограничений в образовании форм лица ФЕ могут быть разделены на три группы:

а) ФЕ, ситуативно ограниченные в образовании форм лица;

б) ФЕ, синтаксически ограниченные в образовании форм лица;

в) ФЕ, стилистически ограниченные в образовании форм лица.

К первой группе относятся ФЕ, ставшие своеобразными штампами, формулами прощания, поздравления. Сюда же входят фразеологизмы, наполненные экспрессией угрозы.

Преимущественное употребление данных ФЕ в форме первого лица обусловлено теми жизненно-речевыми ситуациями, в которых они встречаются чаще всего. Так, обычно используемые при прощании ФЕ «здравия желаю», «жму руку» (в письмах), «низко кланяюсь» являются постоянными формулами, исходящими от субъекта речи. Часто используются эти ФЕ в письмах А. П. Чехова:

> Крепко **жму** Вам **руку.** (Ч. **16**—234)
>
> Вашим **низко кланяюсь.** (Ч. **16**—30)
>
> Ну-с, **желаю** Вам **здравия** и крепко **жму руку**. (Ч. **16**—322) и мн. др.

Итак, жизненно-речевая ситуация в данном случае является решающим фактором в выборе формы лица. Поскольку названные ситуации часто повторяются, а словосочетания, произносимые в них, остаются неизменными, постоянными, данные выражения становятся устойчивыми, превращаются в штампы.

Стали трафаретными выражения, произносимые обычно в тостах, зравицах:

> Он взял английско-русский словарь и, переводя слова и угадывая их значение, мало-помалу составил такую фразу: «**Пью здоровье** моей возлюбленной, тысячу раз целую маленькую ножку...» (Ч. **9**—8)
>
> **Пью за твое здоровье** вместо шампанского кружку холодной воды и бормочу этот тост и пишу это глупейшее письмо. (Ч. **13**—19)

О фразеологичности словосочетания «пью здоровье» свидетельствует не только устойчивый состав и устойчивая форма его, но и утрата внутренних грамматических связей, выразившаяся в замене предложного управления винительным паде-

жом беспредложным (см. первый пример из приведенных выше).

Употребление ФЕ первой группы в других формах лица возможно, однако оно редко встречается в речи и, как правило, лишено экспрессии торжественности, например:

> Это телеграмма от Риса, он **пьет здоровье** своей возлюбленной и тысячу раз целует тебя. (Ч. 9—11)

Употребление ФЕ подобного типа в других формах лица чаще всего связано с косвенной передачей чужой речи.

Фразеологизмы, обладающие модальностью угрозы, экспрессивны, почти всегда их произнесение сопровождается повышенной, гневной интонацией, наиболее характерный знак после предложений, содержащих угрозы,— восклицательный. Постоянна синтаксическая структура таких предложений: предикативным центром является ФЕ, почти всегда имеются дополнение в дательном или винительном падеже, называющее того, кому адресуется угроза, и подлежащее, выраженное личным местоимением первого лица:

> О, сто чертей и одна ведьма, вы меня знаете! **В бараний рог согну!** (Ч. 5—385)
>
> **Я вам покажу кузькину мать!** Я человек, который с характером. (Ч. 2—435)
>
> **Я им покажу, где раки зимуют!** (Ч. 2—257)
>
> Пропадать так пропадать, шут возьми, а я открою глаза! **Все на чистую воду выведу!** (Ч. 2—257)
>
> Ежели ты, старая кикимора, не уйдешь отсюда, то я тебя **в порошок сотру.** (Ч. 11—138)

Глагольный компонент в таких ФЕ всегда имеет форму 1 лица. Это закономерно, так как экспрессия угрозы бывает наиболее сильной тогда, когда она исходит непосредственно от субъекта речи. Угроза, переданная через третье лицо, теряет динамику, экспрессию к чувствам негодования, злобы, сопровождающим всякую угрозу, присоединяются различные переживания лица, передающего угрозу. Сравните:

> Это, братец, единственное, что уцелело от естественного подбора, и не будь этой темной силы, регулирующей отношения полов, господа Лаевские **показали бы тебе, где раки зимуют**, и человечество выродилось бы в два года. (Ч. 7—386)

Интересно отметить, что в нашем материале встретились только три употребления фразеологизмов-угроз в речи самого А. П. Чехова. Грубая экспрессия этих ФЕ претит характеру, мыслям и чувствам писателя, поэтому Чехов вносит в

них юмористические оттенки. Например, в письме к брату Александру он шутливо угрожает:

> Получи и немедленно вышли простым переводом, иначе я тебе все **уши оборву.** (Ч. **13**—271)

Также юмористически звучит дважды употребленная Чеховым ФЕ «покажу кузькину мать»:

> Без Вашего позволения я не женюсь и прежде, чем жениться, я еще **покажу Вам кузькину мать,** извините за выражение. (Ч. **17**—310)
>
> Ах, будь у меня лишних 200—300 руб., **показал бы я кузькину мать!** Я бы весь мир изъездил! (Ч. **13**—325)

Вторую группу составляют ФЕ, имеющие преимущественное употребление в форме первого лица лишь в определенной синтаксической позиции: в роли вводных словосочетаний. Это либо ФЕ, выражающие клятву, уверение, например:

> **Клянусь честью,** я шел к вам с чистыми побуждениями, с единственным желанием — сделать добро. (Ч. 8—27)
>
> **Бьюсь об заклад,** что ты уже был у Лаевского и плакал у него на груди. (Ч. 7—408)
>
> **Даю вам честное и благородное слово,** что женившись на Варе, я не потребую от вас ни копейки из тех денег, которые вы растратили, будучи Вариным опекуном. **Даю честное слово!** (Ч. **2**—299)

либо ФЕ, сопровождающие просьбу:

> **Христом-богом молю,** возьми меня отседа. (Ч. **5**—262)
>
> Садитесь, **покорнейше прошу,** — проговорил Коваленко холодно... (Ч. 9—261)

либо ФЕ, создающие различную модальную орнаментовку речи говорящего субъекта:

> Вообще, брат, **скажу в скобках,** гнет меня судьба. (Ч. 8—97)
>
> Знаешь, брат, **скажу по совести,** что май для меня, а страстная неделя с постом для тебя — самые жаркие времена года. (Ч. 13—24)
>
> **Насколько себя помню,** они всегда были нашими. (Ч. **11**—98)

Примыкают к этой группе ФЕ, представляющие собой придаточные предложения, имеющие всегда один и тот же состав:

> Итак, повести Вашей он не видел и не читал, с чем **Вас и поздравляю** (не без ехидства). (Ч. **14**—73)

Иван представлен к медали на шее, **чего и тебе желаю.** (Ч. 16—282)

В приведенных выше предложениях фразеологизмы «с чем и поздравляю» и «чего и тебе» (вам) желаю» имеют фиксированный глагольный компонент в форме первого лица. Эти обороты представляют собой устойчивые конструкции разговорной речи, имеющие постоянную синтаксическую структуру.

Глагольные компоненты ФЕ, выражающие клятву, уверение, всегда имеют форму и значение I лица единственного числа настоящего времени. Это обусловлено речевой ситуацией, в которой происходит уверение: говорящее лицо в момент, совпадающий с речью, уверяет своего собеседника в чем-либо. Ни прошедшее, ни будущее время не могут быть использованы в данной ситуации.

Экспрессия клятвы, просьбы усиливается не только формой первого лица глагольного компонента, но и лексическим содержанием именных компонентов, представляющих собой слова возвышенного стиля: «честь», «бог», «честное слово».

ФЕ второй группы могут употребляться в других формах лица, например, в форме третьего лица:

Намедни тоже, вот как и вы, приезжает в больницу помещик Александр Иваныч Египетский. **Христом-богом молит:** вырвите вы мне его (зуб— В. Л.), Сергей Кузьмич! (Ч. 3—45)

Видел в театре Петра Семеныча. **Просит извинения,** что не может заехать к тебе: некогда! Говорит, что очень занят. (Ч. 6—427)

Старая княгиня и княжна Маруся стояли в комнате молодого князя, ломали пальцы и умоляли. Умоляли они так, как только могут умолять несчастные, плачущие женщины: **Христом-богом, честью, прахом отца.** (Ч. 1—430)

Как видно из приведенных примеров, синтаксические условия в этих предложениях одинаковы: в них передается чужая речь. У А. М. Пешковского есть очень интересные замечания о способах передачи в русском языке прямой и косвенной речи. «Косвенная передача речи русскому языку не свойственна. Вот почему мы и соскакиваем постоянно с косвенной речи на привычную нам прямую. И это касается не только личных форм глагола и личных и вопросительных местоимений, но и времен глагола»[1]

[1] А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 485.

Очевидно, что в нашем случае (см. приведенные выше примеры) мы имеем дело с таким же перенесением элементов прямой речи в косвенную, поэтому ФЕ, употребляющаяся обычно в форме 1 лица, в косвенной речи приняла форму 3 лица. Следовательно, не только морфологические средства прямой речи могут быть перенесены в косвенную, но и целые лексические обороты, характерные для речи говорящего лица. Модальная экспрессия ФЕ, перенесенных из прямой речи в косвенную и употребленных в форме 3 лица, резко снижается, следовательно, с изменением формы лица меняется в какой-то степени семантико-грамматическое наполнение этих ФЕ.

Относительная фиксация отдельных ФЕ в форме первого лица может быть обусловлена приобретением модальных оттенков, которых нет у этих ФЕ, когда они употребляются в формах второго и третьего лица. Это особенно отчетливо проявляется в значении и употреблении ФЕ «держу пари» и «даю слово». ФЕ «держать пари» имеет значение «заключать условие между двумя лицами о каком-нибудь обязательстве для проигравшего пари»[1].

(Синонимом ее является русская ФЕ «биться об заклад»). В таком значении употреблена ФЕ «держать пари» в следующем предложении:

> В предыдущем письме я нарочно числа не поставил и **держал пари** с самим собой, что Вы не оставите такого инцидента без внимания. (Ч. 13—243)

Но наиболее употребительной формой этой ФЕ является форма первого лица единственного числа настоящего времени. В подавляющем большинстве предложений, имеющихся в нашей картотеке, глагол-компанент ФЕ имеет такую форму:

> Если это серьезно,— ответил юрист,— то **держу пари,** что высижу не пять, а пятнадцать. (Ч. 7—204)

Употребляясь в форме первого лица единственного числа настоящего времени, ФЕ приобретает модальный оттенок уверенности, который более четко проявляется в тех случаях, когда она находится в составе бессоюзного сложного предложения или представляет собой самостоятельное предложение, по смыслу тесно связанное с предыдущим контекстом. Сравните:

> **Держу пари,** ни одна кошка не любила так своего кота, как любила меня эта крошечная женщина. (Ч. 4—315)
>
> Если Михайловский, Южаков и К° в конце концов не

[1] Словарь русского языка, т. 3, М., ГИС, 1959, стр. 27.

поступят в болгарские министры, то рано или поздно они все вернутся в «Северный вестник». **Держу пари.** (Ч. 14—420)

Модальность данной ФЕ отмечена составителями толковых словарей. Так, в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова в качестве значения ФЕ «держу пари» дается следующее толкование: «Пари держу, что... (ручаюсь, совершенно уверен, что... разг.[1]. Такое же толкование мы находим в Малом академическом словаре[2]. Не отмечено это значение в Большом академическом словаре, что несомненно нужно отнести к недостаткам словаря.

Разница в значениях ФЕ «держать пари» и «держу пари» — модального словосочетания особенно хорошо видна в следующем предложении, где фразеологизмы употреблены рядом, но каждый в своем значении:

> **Держу пари,** что рано или поздно я сдеру с дирекции 6—7 тысяч. Хотите **держать пари?** (Ч. 14—273)

Приобретение фразеологизмом модального оттенка уверенности влечет за собой семантико-грамматические изменения: он становится неизменяемым и отходит от прежнего значения. Процесс этот можно сравнить с теми тонко подмеченными В. В. Виноградовым изменениями, которые происходят в модальных словах типа «извините», «видишь ли» и т. п.: «Развитие модальных оттенков в этих глагольных формах сопровождается изменением их лексических и грамматических значений. Они постепенно превращаются в новые потенциальные слова и совсем отделяются от соответствующих глаголов»[3].

Такой же процесс, но менее ярко выраженный, можно наблюдать во ФЕ «давать слово». Модальный оттенок уверения появляется у формы «даю слово» в тех случаях, когда она выполняет роль главной части в сложноподчиненном предложении с придаточным изъяснительным:

> Альбом тифозный, но **даю слово,** что вы не заразитесь. (Ч. 13—163)
>
> Я спрошу, Платонов, и **даю вам честное слово**, что она моя. У меня предчувствие есть. **Держу пари**, что она моя. (Ч. 12—72)

Обращает на себя внимание полное тождество значений

---

[1] Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, т. 3, М., 1939, стр. 45.

[2] Словарь русского языка, т. 3, М., ГИС, 1959, стр. 27.

[3] В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 458.

ФЕ «даю слово» и «держу пари» в последнем предложении. Еще яснее модальность ФЕ проявляется в следующих синтаксических позициях:

Насчет возвратов обманывать, лицемерить и вилять не буду — **даю слово.** (Ч. **13**—234)

Если Вы не подписались на «Луч», то непременно вышлю Пушкина. **Даю слово.** (Ч. **13**—268)

ФЕ «давать слово» может иметь все формы времени, лица, наклонения, однако в них отсутствует модальный оттенок и проявляется лишь основное значение фразеологизма: «обещать». Сравните:

Он **дал** мне **слово**, что займется вами. (Ч. **8**—153)

Ну, **дай честное слово,** что исполнишь! (Ч. **6**—451)

Даешь честное слово, что никому не скажешь? (Ч. **5**—168)

Третья группа ФЕ немногочисленна. Сюда мы относим такие ФЕ, как **смею (вас, тебя) уверить, приношу благодарность, свидетельствую почтение, убедительно прошу, беру на себя смелость** и т. п.

Ограничения в употреблении форм лица ФЕ такого типа носят стилистический характер. Ярко выраженная прикрепленность данных фразеологизмов к официально-деловому стилю почтительно-вежливому и порой манерно-вычурному, делает эти выражения своеобразными штампами официально деловой речи. Употребляются они в различных официальных документах и в устной речи, если разговор носит официальный характер. В вышеназванных условиях эти штампы всегда исходят от субъекта речи и имеют форму первого лица. В нашем материале они встретились в основном в письмах Чехова к Лейкину, Плещееву, Суворину и другим людям, с которыми Чехов имел официально-деловые отношения.

Семейству Вашему **свидетельствую** свое **почтение.** (Ч. **15**—159)

Убедительно прошу Вас пожаловать ко мне. (Ч. **15**—18)

Но **льщу себя надеждою,** что Вы увидите в ней два-три новых лица, интересных для всякого интеллигентного читателя... (Ч. **14**—400)

Комплекты «Осколок» за два года получил, за что **приношу огромнейшее спасибо.** (Ч. **13**—88)

Употребительны эти ФЕ в устной речи: в торжественных, публичных выступлениях и в подчеркнуто вежливых разговорах:

Считаю священнейшим **долгом** благодарить вас за гадское терпение, с которым вы прослушали мою речь, продолжавшуюся 40 часов, 32 минуты и 14 секунд. (Ч. 2—229)

Вы принимаете меня за кого-то другого, **смею вас уверить.** (Ч. 8—200)

А потому я **убедительнейше прошу** вас, Любовь Григорьевна, устроить мою судьбу при вашем содействии. (Ч. 6—227)

ФЕ третьей группы потенциально могут иметь все формы лица, но практически они чаще всего встречаются в форме первого лица и употребляются всегда с определенным стилистическим назначением: создать официально-деловой, почтительно-вежливый тон.

Таким образом, в языке произведений и писем Чехова имеются глагольные ФЕ, употребляющиеся преимущественно в форме 1 лица. Чаще всего это ФЕ, обладающие различными модальными оттенками: уверения, просьбы, угрозы и т. п.

Ограничения в образовании других форм лица носят различный характер, употребление данных ФЕ только в форме первого лица может быть обусловлено: 1) ситуацией, в которой они постоянно используются (низко кланяюсь, жму руку, в бараний рог согну и другие подобные); 2) синтаксической позицией их в предложении (клянусь богом, держу пари и др. под.); 3) их стилистической окрашенностью (свидетельствую почтение, беру на себя смелость).

ФЕ такого типа, употребляясь в форме 2 или 3 лица, претерпевают определенные семантико-грамматические изменения. Использование их в других формах лица влечет за собой утрату экспрессии ФЕ. В форме 3 лица данные фразеологизмы встречаются при косвенной передаче чужой речи.

Однако, несмотря на то, что ФЕ подобного типа имеют относительно фиксированную форму, их семантика всегда остается в пределах обозначения глагольного действия. Категория лица в них является живой, функционирующей категорией, имеющей прямую связь с субъектом речи.

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ ЗНАЧЕНИЙ ОБЩИХ СЛОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Л. Н. РЫНЬКОВ,
Челябинский пединститут

1. После Великой Октябрьской социалистической революции возросла роль производственно-профессиональных стилей в системе современного русского литературного языка. Процесс дифференциации различных специальностей сопровождается быстрым увеличением числа трудящихся, объединенных общей профессией. В стране миллионы шахтеров, металлистов, учителей, медиков, нефтяников, ткачей, водителей, железнодорожников, строителей, летчиков и т. д. Заметно усилилось взаимодействие профессиональной речи с общим языком, особенно на уровне лексики. С одной стороны, проникают в общий словарь термины и профессионализмы, которые в связи с широким внедрением в жизнь техники становятся общеупотребительными словами. С другой стороны, учащаются случаи специализации общих слов, переосмысливаемых в соответствии с потребностями общения в процессе производства. Переосмысление общих слов происходит преимущественно в разговорной речи. В прошлом эти явления можно было изучать только на основании непосредственных наблюдений над разговорной профессиональной речью. В настоящее время элементы этой речи довольно часто воспроизводятся в художественных произведениях, очерках, статьях, заметках и т. п., поэтому появилась возможность использовать и письменные источники. Процессы специализации общих слов характерны для устного общения представителей всех профессий. Например, в речи проектировщиков, строителей глагол «привязывать» получил значение «проектировать постройку с учетом условий местности»;

«Основное — **привязать** проект к месту» (уст. р.). Глагол «гонять» в речи инженерно-технических работников употребляется в значении «заставить работать мотор, машину и т. п., чтобы устранить недостатки или подготовить к последующей работе»: «Любую установку, а тем более «думающую» наладить нелегко. Инженеры будут **«гонять»** машину до тех пор, пока она, как рояль у хорошего настройщика, не станет давать во всех октавах нужный тон». (Хом., 114) Ср. также переосмысление глаголов «домазать», «промазать» и существительного «утюжка» в речи летчиков[1]. «Расположилась она (посадочная площадка — Л. Р.) среди гор между двумя изгибами реки. **«Не домажешь»** — купайся в реке, **«промажешь»** — натолкнешься на гору... И вот нате—бесцельная **«утюжка»** неба».... (Л. г., 9164). Иногда целая группа слов одного семантического плана переносится с модифицированным значением в профессиональную речь: «Съезжу на склад насчет **обуви** для «Москвича». «У меня машина **разута**». «Где достать резину? Нужно три машины **«обуть»** (уст. р.). «Обувь» здесь—автомобильные покрышки. В этом же направлении развиваются и глаголы «обуть», «разуть».

Прежде чем стать явлением профессиональной речи общее слово проходит определенный путь семантического развития. Изучение этого развития; изучение процесса взаимодействия общего словаря с профессиональной речью представляет известный интерес для лексикологии. Цель настоящего сообщения описать некоторые особенности специализации общих слов.

2. Первоначально семантические профессионализмы возникают как окказиональные новообразования в индивидуальной речи или речи узкой группы специалистов. В романе

---

[1] Говоря о речи строителей, летчиков, водителей и т. д., мы не имеем в виду существования особого устного говора или «подговора» представителей каждой из упоминаемых профессий. Разговорная профессиональная речь не отличается четкой дифференциацией. Чаще всего можно говорить лишь об отдельных лексических особенностях. Правда, иногда эти особенности имеют весьма значительный удельный вес, о чем свидетельствуют специальные работы, посвященные изучению словаря отдельных профессиональных групп. (Л. Успенский. Материалы по языку русских летчиков. «Язык и мышление», 1936, № 6—7. Богородский Б. Л. Профессиональная лексика волжского водника. Ученые записки ЛГПИ им. Герцена, 1939, т. 20 и др.). Немалое место в таких работах уделено и разговорным профессионализмам. В других случаях лексические особенности незначительны. Термин «говор» употребляется, таким образом, нами условно.

И. Герасимова «Соловьи» приводится пример такого индивидуального словоупотребления: «Но Сева с первых же дней расположил его к себе тем, что отлично разбирался в их заводской конструкции, называя ее пренебрежительно **«самоваром»** (Гер., 16). Далее это слово становится общепринятым и в авторской речи, и в речи персонажей: «Они отлично смонтировали **«самовар»** и, довольные друг другом, ощупывали и осматривали узлы» (Гер., 70). В данном случае не имеет существенного значения, взят этот пример из жизни или придуман самим автором. Пример правильно отражает появление и распространение разговорного семантического профессионализма. Для обозначения какого-либо нового понятия может возникнуть сразу несколько слов: «Судя по всему, странное сооружение предназначалось для того, чтобы летать. Каких только кличек не было ему дано: **«блин», «клоп», «камбала»**, даже **«тарелка»** (Гал., V. 95.). Все индивидуальные наименования рассматриваемого типа на первых порах очень неустойчивы. Дальнейшее их существование, развитие, утрата окраски индивидуального словоупотребления, постепенное формирование нового значения на базе повторяющихся употреблений, возможно только в том случае, если первоначальное употребление получит общественную санкцию во всем профессиональном говоре. Поэтому зарегистрировать семантический профессионализм можно лишь тогда, когда его употребление становится нормой для широкого круга специалистов. В момент своего появления неологизмы носят яркий отпечаток образности, что довольно наглядно иллюстрируется приведенными примерами. С течением времени неологизм прочно закрепляется за понятием и образность утрачивается, по крайней мере для носителей профессиональной речи. Однако для остальных носителей языка образность сохраняется. Четкое ощущение образной окраски семантических профессионализмов всегда подчеркивается пишущими, которые выделяют их кавычками, употребляя в тех или иных целях в письменной форме речи[1].

3. Обычно семантические преобразования вызываются необходимостью обозначения нового содержания. В профессио-

---

[1] При использовании письменных источников возникает возможность смешения неологизмов с индивидуально-авторскими метафорами, которые также часто выделяются кавычками. Поэтому, если автор не сопровождает выделенное слово ссылкой на профессиональную речь, мы устанавливали факт принадлежности новообразования к профессионализмам по ряду источников.

нальной речи появление неологизмов объясняется не только и даже не столько потребностями номинации, сколько общественными условиями функционирования разговорной речи. «При изучении форм речи,— пишет акад. В. В. Виноградов,— прежде всего выступает глубокое различие между речью разговорной и речью письменной... Дифференциация речи по этим формам основана не на целеустремленном отборе форм слов и конструкций, а на различиях в общественных условиях и в материальных средствах социального общения»[1]. В разговорной речи семантические неологизмы чаще всего возникают как синонимы термина или терминологического выражения, употребляющегося в книжной речи. Следовательно, причины нужно искать в особенностях самой устной речи как специфического явления. Разговорная речь, обслуживая сферу производства, сохраняет все черты, отличающие ее от книжной речи. Эта специфика вызывает активные процессы переосмысления общих слов. М. В. Панов, характеризуя разговорную речь, отмечает: «В этом стиле предельно широко используются метафорические и метонимические осмысления слов и выражений. Возможность синонимических замен в нем гораздо шире, чем в других стилях»[2].

4. Специфических особенностей словоупотребления в разговорной речи очень много. Все они в той или иной мере объясняют семантические процессы, приводящие к специализации общих слов. Остановимся на некоторых из причин специализации.

а) Разговорная речь экспрессивна, ей свойственна непринужденность, иногда некоторая сниженность стиля. «Эмоциональная окрашенность лексических единиц в разговорном стиле выявляется особенно резко и подчеркнуто»[3]. Многие термины и нейтральные в стилистическом отношении слова, обслуживающие сферу производства, заменяются в разговорной речи словами, имеющими яркую экспрессивную окраску. Например, когда самолет в результате неисправности или по какой-либо другой причине начинает быстро снижаться, летчики называют этот процесс не нейтральными в стилистическом отношении словами или оборотами (снижаться, терять высоту,

---

[1] В. В. Виноградов. Итоги обсуждения вопросов стилистики. ВЯ, 1955, № 1, стр. 78.

[2] М. В. Панов. О развитии русского языка в советском обществе. ВЯ, 1962, № 3, стр. 8.

[3] М. В. Панов. Указ. произв., стр. 8.

падать и т. п.), а глаголом «сыпаться»: «Перед самой землей я немного отдал ручку вперед. Правда, от этого машина **«посыпалась»** вниз еще быстрее»... (Гал. V. 105). Эмоциональная насыщенность наименования в какой-то мере связана с просторечным значением глагола «сыпаться» — «стремительно бежать, мчаться куда-либо». (Сл., **14**, 1369)[1] Противоположное понятие (набирать высоту, подниматься) заменяется выражением «скрести высоту», если этот процесс идет очень медленно: «Расстояние от земли возрастало буквально по сантиметрам — у летчиков это называется не набирать, а **«скрести»** высоту (Гал., V. 96). Ср. другие эмоционально насыщенные неологизмы в речи летчиков[2]. «В этот момент два наших моториста повисли на стабилизаторах — своим весом они не давали истребителю при даче мотору больших оборотов **«клюнуть»** на нос» (Курз., 25). «Сделав круг над аэродромом, он набрал высоту, там **«прощупал»** самолет» (Курз., 25). «Жив»? — спросил он, оглянувшись на ведомого, который **«перелез»** направо и летел теперь рядом». (Пол., 304). «Точно у посадочного знака «Т» **«притер»** «харрикейна» на все три точки» (Курз., 25).

Стремление найти эмоционально насыщенный эквивалент сопровождается и задачами выражения определенных оттенков смыслового содержания. Неологизмы подчеркивают профессиональное своеобразие действия, предмета, качества. Так, глаголы «падать», «снижаться» не передают специфических условий, возникающих в летной практике, поэтому специализируется глагол «сыпаться», который, с одной стороны, получает эмоциональную окраску, а с другой стороны, получив санкцию на употребление в новом значении в среде летчиков, начинает передавать и профессиональное своеобразие процесса. Экспрессивно окрашены многие семантические профессионализмы в речи водителей: «стартер не **берет»**; **«смазка ушла»**; **«вышел** на поворот»; покрышки **запищали»**; «машина стала хуже **тянуть»**; «мотор не **забирает»** (уст. р.).

---

[1] Все ссылки на словари даются в сокращениях: Сл.—Словарь современного русского литературного языка, тт. 1—17. М., Л. 1950—1965 гг. Словарь — Словарь русского языка, тт. 1—4, М., 1957—1961 гг.

[2] В дальнейшем в тех случаях, когда из примера не ясно, в какой профессиональной среде имеет хождение неологизм, ссылки будут даваться в сокращениях, заключенных в скобки: Бур.—речь бурильщиков; Вод.—речь водителей; Кит.—речь китобоев; Лет.—речь летчиков; Мет.—речь металлистов; Нефт.—речь нефтяников; Рыб.—речь рыбаков; Стекл.—речь стеклодувов; Стр.—речь строителей; Шахт.—речь шахтеров; Хим.—речь работников химической промышленности.

б) Разговорная речь экономна, стремится к максимальной сжатости. Ей не свойственны длинные словосочетания, развернутые описательные обороты, служащие для передачи одного понятия. Сложные номинативные единицы заменяются одним словом, обычно также экспрессивно насыщенными. «Ветер гулко играл натянутыми чехлами стартовых установок. Матросы называли их гражданским словом **«кровати»** (Перв., 69) Водители процесс зарядки аккумулятора одной машины от аккумулятора другой обозначают глаголом «прикурить»: «Сядет аккумулятор — остановим чью-нибудь машину, попросим **прикурить**» (уст. р.). Другие примеры: (Нефт.) **серьги** — стальные кольца, свисающие с вертлюга и предназначенные для подъема труб. (Ос., 173); (Лет.) **молитва** — «Контрольная карта обязательных проверок экипажем самолета перед взлетом и посадкой» (Н. и. ж. 1965, № 8, стр. 34); (Мет.) **копчение** — процесс искусственного старения металлов (Без., 12).

в) Узкоспециальные термины значительно реже употребляются в разговорной речи, особенно термины иноязычного происхождения. И в данном случае профессиональная разговорная речь стремится сблизиться с общим языком, заменяя указанные лексические элементы общими словами: «Чугунные отливки под влиянием внутренних процессов, происходящих в металле, а также от воздействия внешних температурных условий долгие месяцы подвержены изменениям. «Чугун **бродит**»,— говорят литейщики. «Металл деформируется» — гласит наука (Без., 12). (Хим.). «Когда входишь в ворота, видишь гигантские реакторы — их здесь попросту называют **«этажерками»** — упирающиеся в небо» (Изв. 18, XII, 63).

г) Мотивом переноса значения слова может быть своего рода стилистическая оценка говорящими языковых средств. Слова, употребляющиеся в общей речи для качественной оценки предметов, действий, кажутся стандартными, избитыми, опять-таки не передающими профессионального своеобразия качества. Разговорная профессиональная речь ищет пути их замены. «Послушно следуя за журналистами и писателями, я мысленно наделял хороших летчиков прежде всего такими эпитетами, как «храбрый», «отважный», «бесстрашный». И только оказавшись в отделе летных испытаний ЦАГИ, я не без удивления обнаружил, что среди самих летчиков-испытателей в ходу совсем другие оценки: **«грамотный», «дотошный»,** иногда неожиданное — **«хитрый»** и как высший комплимент — **«надежный»** (Гал., V. 67). Слово «грамотный» как эквивалент «хороший», «знающий», «опытный» получило широкое распро-

странение и отмечается словарями (Сл. 3, 364). Ср. **также** синонимы слов «хорошо», «плохо»: (Вод.) «Если стартер работает **«весело»**, то все в порядке. Если же стартер работает **«лениво»**... откройте капот и проверьте клеммы аккумулятора» (Ан. 47).

д) Одной из особенностей разговорной речи является частое употребление безличных форм, которые отсутствуют в книжных производственно-профессиональных стилях. В разговорной речи создаются специализированные безличные значения общеупотребительных глаголов, которые становятся центрами безличных оборотов, синонимичных двусоставным предложениям нейтральной речи. Примеры: (Вод.) «радиатор **прихватило**»; «мотор **заело»**; «как поворот, так **тянет** машину в сторону и **тянет**» (уст. р.). (Лет.) «Миг» летит уже над самой землей, его **несет,** словно он внезапно потерял вес» (Жук., 117). «Я подобрал наивыгоднейшую скорость, на ней хоть полтораста метров наскреблось, а на других режимах так и **сосет** ее вниз, к земле» (Гал., II., 115).

е) Сравнительно редко специализированные разговорные синонимы создаются в результате эвфемизации. Например, водители не говорят «украсть какие-либо детали с оставленной без присмотра машины», а прибегают к глаголу «раскулачить»: «Не оставляй машину у дороги — **раскулачат**» (уст. р.).

Итак, тяготение профессиональной разговорной речи к общему языку, стремление стереть границы между ними, заменить специальные обороты обиходными словами и выражениями — одна из основных причин специализации общих слов. Конечно, специализированные значения не являются полными синонимами нейтральных терминов и слов, отличаясь от них не только своей стилистической окраской, но и содержанием. Они подчеркивают определенные смысловые оттенки, закрепляются в речи как средства выражения профессионального своеобразия предметов, явлений, процессов, качеств и т. п.

5. Нельзя считать, что все семантические неологизмы появляются в профессиональных говорах только как синонимы книжных терминов. Значительная их часть служит средством обозначения нового содержания, различных его оттенков. Примеры. (Нефт.) «Там в море... вышки стоят на **«табуретках»**. Можно себе представить, что это за **«табуретки»,** если учесть, что каждая весит пятьдесят тонн, фундаменты высотой в двадцать метров нужно поставить на дно, а затем на такой **«табуретке»** вырастает вышка» (Ос., 172). Так появление но-

вого понятия, значительно отличающегося от давно установившегося понятия «фундамент», привело к закреплению за этим новым понятием специализированного значения слова «табуретка». (Бур.). «Загремела передаточная цепь, пришел в движение ротор, и над скважиной повисла **«свеча»** — две трубы, разлученные с бурильной колонкой» (Ос., 188). «Два ствола ведут с одной вышки к нефтяной залежи. Отсюда и название этой буровой **«двустволка»**. (Ос., 177). «Глубоко в стволе скважины, внутри бурильной трубы установлены **«ножи»** — большие щитки, которые задержат прибор» (Ос., 199). «Теперь здесь торчала над землей толстая труба фонтанной **«елки»** (Ос., 203).

В профессиональной речи возникает также потребность в обозначении качественных понятий, характеризующих предметы, орудия труда, трудовые процессы. Ср. речь виноделов: «Знаете ли вы, например, что густое на вкус, богатое экстрактом вино называется **«полным»**, а не имеющее этих качеств **«пустым»** или **«жидким»**? Что удачная пропорция сахара и кислот делает вино **«гармоничным»**, а неудачная **«разлаженным»**? Что лишенное терпкости зовут **«круглым»** или **«бархатистым»**? (К. пр. 1 I 65). (Вод). «Когда воздух попадает в тормозную систему, педаль становится **«мягкой»**, утопает больше обычного, а иногда даже доходит до пола кабины» (Ан., 71). «Это что у тебя аккумулятор от другой машины? Нет, от «Победы». Это ее **«родной»** (уст. р.). Прилагательное «родной» широко употребляется в профессиональной речи для обозначения отношения какой-либо детали к машине в целом, если эта деталь той же марки или если она входит в машину как ее часть.

Профессиональные процессы также получают специфическое наименование в разговорной речи. (Лет.) «Вибрации нечасты. Но в управлении что-то неладно. **Тяну** к вам... Не зря, конечно, сказал Анохин не **«иду»**, а **«тяну»** к вам!» (Гал., II, 108). «Тянуть» — вести к аэродрому неисправный самолет. «Значит, еще где-то **«открылась погода»** (Марь., 9). Здесь — установилась летная погода. «Большинство самолетов дает знать о близости отрыва от земли: машина начинает **«привспухать»** и покачиваться, будто примеряясь к отрыву» (Гал., II, 111). «Пикировщик, **«просев»** около тысячи метров, вышел на прямую» (Курз., 152). Таким образом, очень многие семантические неологизмы профессиональной разговорной речи необходимы как знаки для вновь возникающего содержания. «Конкретность опыта беспредельна,— пишет акад. В. В. Виноградов, — ресурсы же самого богатого языка строго ограни-

чены. Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или иным рубрикам основных понятий, используя иные конкретные или полуконкретные идеи в качестве посредствующих функциональных связей»[1].

6. Логическим основанием переносов, как и в общем языке, служат различные и многообразные ассоциации, возникающие в результате сопоставления друг с другом понятий, имеющих что-либо общее. Особенно распространены ассоциации по сходству (т. н. метафорический перенос).

При переносе значения неодушевленных существительных часто привлекаются аналогии с жизнью человека, его внешним видом, деятельностью: (Лет.) «Толчок — летчик выпустил **«ноги»** (Марь., 26). Ноги—шасси самолета. (Стр.) «Бригада растягивает километровую полосу проводов с сейсмоприемниками. Их называют **«косами»** (Пр. 19 IV 64). На основании ассоциативных связей по сходству расширяется сфера употребления наименований предметов быта: (Стр.) «С правого берега плюхнулся в воду, взметнув белые фонтаны брызг, бетонный куб — **«чемодан»** (Лев., 64). Чемодан — бетонный куб, используемый для перекрытия реки. (Вод). **Гармошка** — волнообразные неровности на асфальтированной дороге (уст. р.). (Нефт.). **Фонарь**—вышка; **голубятня**—площадка на вышке (Ос., 200). (Рыб.). **Авоська** — траловая сеть; **карман**— огороженная часть палубы, куда ссыпается рыба. (Изв. 11 III, 65).

Перенос одушевленных существительных встречается гораздо реже: «Полеты на безмоторном МЕ-163 — **«карасе»**... — протекали похоже друг на друга» (Гал., V, 101). Ср. также: (Стекл.) **Мошка**—мелкие пузыри на стеклянной массе (Полт., 197); (Бур.) **Прокурор** — автомат, регистрирующий все, что происходит на буровой (Ос., 181).

Прилагательные разных разрядов получают специализированное значение в результате расширения круга определяемых ими существительных. Так, прилагательные, характеризующие одушевленные предметы (обычно названия лиц), переносятся в сферу характеристики неодушевленных предметов: (Вод.) «Небольшую царапину на **«здоровой»** краске следует только зашкурить» (Ан., 90). (Лет.) «Взять для примера проблему так называемых **«строгих»** самолетов»... (Гал., V, 114). (Шахт.) «Уголь стал **«сговорчивее»** — отваливался

---

[1] В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.—Л., 1947, стр. 15.

охотно» (Горб., 203). Другие аналогии встречаются реже. (Речь обувщиков) «Обувь проста и изящна или, как мы говорим, **«лаконична»** (Изв. 25 XII, 64). (Шахт.) **Жирный** пласт угля — хороший пласт. (Горб. 66). (Рыб.) **Парная** рыба — свежая рыба (Пр. 11 I 64).

Глаголы, как и прилагательные, изменяют свое значение в результате расширения круга употребления. Во-первых, перенос может осуществляться благодаря изменению субъекта действия. Субъект действия, выраженный одушевленным именем существительным, заменяется неодушевленным существительным: (Вод.) «Могут **пищать** оси педалей...» (Ан., 51). «...Вдруг автомобиль начал **стрелять** во время движения» (Ан., 56). Мотор **чихает** (уст. р.). (Мет.) «...Металл отстоится, **состарится**» (Без., 12). (Стр.) «Шлакобетон, залитый в опалубку, **«схватится»,** наберет необходимую прочность» (Мик., 8). Неодушевленные существительные, являющиеся субъектом действия, заменяются неодушевленными же существительными, которые не входят в обычное фразовое окружение глагола: (Бур.) «Три вышки **«висели»** на одном проводе» (Ос., 201). «Грунт **«поплыл»** (К. пр. 19 I, 65). (Мет.) «Жару и дождь, ветры и морозы переносят они (отливки — Л. Р.) и в течение нескольких месяцев (чем дольше, тем лучше) окончательно **«дозревают»** (Без., 12).

Во-вторых, значение глагола специализируется в результате изменения объекта действия. Реже одушевленное существительное-объект заменяется неодушевленным: (Стекл.) «Как трудно **нянчить** на кончике трубки тяжелую, иногда пудовую **«каплю»** (Полт., 198).

Обычно неодушевленное существительное-объект заменяется тоже неодушевленным существительным, которое не принадлежит к обычному фразовому окружению глагола: (Вод.) «Если водитель ухитрился **«поставить»** машину на крышу..., то без специалиста-жестянщика не обойтись» (Ан., 38). «Особенно беспокоил ее кузовной цех, где **вязали** кабину и кузов» (Рыб., 249). **Выжать** скорость из машины (уст. р.). (Лет.) «**Прошиты** еще два слоя облаков...» (С. Р. 15 XII 64). (Бур.) «И все же геологи, изыскатели, буровики не сворачивают работы... **«засекают»** новые структуры (Л. г. 8 XII 64). «Превенторы, которые могли бы **«запереть»** газ, буровики не успели закрыть» (К. пр. 19 I 64).

7. Метафорический перенос преобладает при переосмыслении слов в профессиональной речи. Ассоциации другого характера встречаются значительно реже.

а) Абстрактные имена существительные переносятся в область конкретных наименований, при этом используются ассоциации по смежности: (Стр.) «Мы познакомились с ним на **«высоте»**, на одной из многочисленных, гудящих под ногами металлических площадок второго блока цеха «Д-2» (Л. г. 3 XII 63). «С завтрашнего дня начнем проводить **тепло** в мастерские» (уст. р.). Тепло — система парового отопления.

б) Название материала переносится на изделие: «Нет **резины** для «Волги» (уст. р.) Резина — покрышки, камеры.

в) Название части предмета переносится на весь предмет: «У вас встречный **борт»** (К. пр. 25 XII 64). Борт — самолет.

г) В глаголах к этому типу примыкает распространение наименования частного процесса на весь общий процесс, в который частный входит как один из его элементов: «Строители **тянули** линию электропередач от порта Певек в глубь материка» (Л. г. 12 XII 63). Тянуть линию — проводить линию. «В первый рабочий день нового года Сергей Городищев начал **«крутить»** второй миллион километров» (Изв. 6 I, 65). Крутить — работать водителем.

д) Перенос происходит на основе замены словосочетания словом, которое в том или ином плане ассоциируется с каким-либо компонентом словосочетания: «Нас обгоняют груженные рудой 25-тонные «Мазы» — **«четвертаки»**, как называют их водители» (Пр. 26 XII 64). Слово «двадцатипятитонные», входящее в сложное наименование (МАЗ-25), вызвало ассоциацию, на основе которой возникло переосмысление слова «четвертак».

е) У глаголов специализированное значение слова может возникнуть при «сокращении» словосочетания до одного глагола, который принимает на себя смысловую нагрузку всего словосочетания[1]. Например, глагол «довести» требует обычно дополнения «довести что-нибудь до определенного состояния, до готовности и т. п.». В профессиональной речи глагол употребляется без дополнения, сохраняя при этом указанные значения: «Поэтому плохие детали и конструкции принимают, и хорошо еще, если по мере сил их **«доведут»** на площадке (Изв. 14 II 63).

ж) Как особый случай можно отметить перенос имен существительных в другой смысловой план на основании звуко-

[1] В кн. Д. Н. Шмелева «Очерки по семасиологии русского языка» предлагается удачный термин «семантическое стяжение» (стр. 203).

вых совпадений[1]. Заменяются обычно сложносокращенные существительные: «Для кого как, а для нас она «Аннушка» или «Антон» (Бат., 100). «Аннушка», «Антон»—самолет Ан-2. Ср. также: **Ишак, ишачок** — истребитель «И-16» (Пол., 83); **Утенок** — учебно-тренировочный самолет «УТ-2» (Пол., 255); **Пешка** — бомбардировщик «Пе-2» («Петляков»). (Фед. 15). На этой же основе создаются синонимы знаменательных слов иноязычного происхождения: (Кит.) «Говорит шестой. Дела неважнецкие, **«борька»** таскает. **«Борькой»** у нас прозвали блювала, **«Федькой»** — финвала, **«Семкой»** — сейвала и **«Кешкой»**—кашалота» (Кап., 59). Ср. также: «Это были истребители — штурмовики «Фокке-Вульф-190», сильные, верткие машины, только что появившиеся на вооружении и уже прозванные советскими летчиками **«фоками»** (Пол. 315).

8. Качественный характер изменений, происходящих в смысловой структуре слов, неодинаков и зависит от категориального значения. Имена существительные обозначают при переносе конкретные понятия. Связь между старым и новым значением часто зиждется на трудно улавливаемом сходстве. Ср. рассмотренные примеры: ноги, чемодан, гармошка, табуретка, четвертак и др. Внутренняя обусловленность переноса для носителей профессиональной речи теряется довольно быстро.

Иную смысловую направленность получают характеризующие части речи (прилагательные, глагол, наречие). Здесь смысловые преобразования представляют собой дальнейшее развитие значения слова в сторону расширения его фразового окружения, в результате чего появляются новые значения и оттенки значения, тесно связанные с исходным смысловым содержанием. Например, у прилагательного «мертвый» развивается фразеологически связанное значение «закрепленный на месте, неподвижный, крепко установленный» (мертвая петля, мертвая хватка, мертвый узел). В этом же направлении развивается и профессиональное значение прилагательного. (Вод.) «Тормоза подходящие. Ножной, правда, слабоват, зато ручной **мертвый»** (Рыб., 47).

Семантическое развитие глагола в профессиональной речи также идет по линии расширения его фразового окружения и тесно связано с первоначальными значениями слова. Так, на основе переносного значения глагола «гасить» (Сл., 3,45-2.

---

[1] Это явление, носящее название «фонетическая мимикрия», отмечается и в других ответвлениях разговорной речи. См. Л. И. Скворцов. Об оценках языка молодежи (Вопросы культуры речи, вып. 5, 1964, стр. 54).

Переносно. Не давать развиваться чему-нибудь, прекращать что-нибудь; подавлять, заглушать) развивается ряд специализированных употреблений глагола: «Но главная задача сейчас — поставить до паводка струенаправляющую стенку. Она должна **«гасить»** поперечные волны...» (С. Р. 19 XII 64). «Основание каждого здания будет **«гасить»** сейсмические толчки» (К. пр. 3 VI 65). «Каучук **гасит** скорость» (К. пр. 30 XI 63 — заметка о новом типе тормозных колодок). Ср. также — «гасить парашют».

Следовательно, имена существительные, закрепляясь в качестве знаков нового содержания, получают в профессиональной речи свободное номинативно-производное значение и довольно быстро могут потерять связь с исходным значением в общем языке. Прилагательные, глаголы, наречия расширяют круг своего фразового окружения, сохраняют тесную смысловую связь с исходным значением и получают в профессиональной речи фразеологически связанное значение, которое по мере своего дальнейшего развития может стать свободным значением.

9. Говоря о качественном содержании семантических профессионализмов, необходимо отметить, что они не могут быть приравнены к терминам, так как отличаются от последних не только образностью, экспрессивностью, но и смысловым содержанием. Они лишены терминологической точности, их семантические границы очерчены не так четко, как границы терминов. Семантические профессионализмы представляют собой одно из значений многозначных слов, в то время как термины обычно однозначны. Наконец, термины нейтральны в стилистическом отношении, а профессионализмы имеют яркую стилистическую окраску разговорности, иногда известной сниженности стиля. Однако в процессе употребления они могут стать терминами.

10. Взаимодействие общего словаря с профессиональной речью имеет двусторонний характер. Специализированные значения общих слов не могут в свою очередь не оказывать влияния на общий словарь, они способствуют развитию новых общеупотребительных значений. Например, слово **«окно»** в системе народного образования получило значение «перерыв в занятиях» (Сл., 8, 798—...5. «Часовой и более промежуток времени между лекциями, уроками»). Вариации этого значения есть сейчас и в других ответвлениях профессиональной речи и в общем языке: «Захлопнули **окна**. «Окнами» называют на промыслах то время, которое буровые бригады тратят

попусту в ожидании вышек» (Ос., 171). Таким образом, профессиональное значение, распространяясь из одного говора в другой, постепенно становится общеупотребительным. Во-вторых, профессионализм может войти в общий словарь в результате дальнейшего семантического развития профессионального значения слова, которое становится более абстрагированным в общем языке. Например, слово «потолок» давно уже употребляется в речи летчиков в значении «предельная высота подъема летательного аппарата». Затем оно стало переноситься на все больший круг явлений, в результате чего возникло абстрактное значение «предел, предельная степень чего-либо» (Сл., **10**, 1621), которое получило очень широкое распространение. Художественная литература: «Сменный инженер цеха — вот мой творческий **потолок**. Правда, я мечтал о другом **потолке,** но жизнь рассудила по-своему». Галин. Встреча (Сл., **10**, 1621). Пресса: «Диссертация защищена, заветный **«потолок»** достигнут, и научный энтузиазм как бы испаряется» (У. г. 31 X 64). «...Военные расходы достигли **«потолка**...» (Изв. 4 XI 65). Разговорная речь: «Так вот, если оценить положение по-настоящему, то я вам скажу, что в технике доменного дела мы подошли к **«потолку»** и дальше, как говорится, ни тпру, ни ну» (Пешк., 151). Таким образом, в результате взаимодействия общего словаря с профессиональной речью у слова с конкретным значением появляется новое, абстрактное значение при сохранении и исходного значения, и специализированного значения. Причем это новое значение не эквивалентно значению слова «предел». Потолок — это такая грань, которой в данный момент человек, машина не может преодолеть из-за недостатка сил, мощности, возможностей и т. п. Наконец, специализированные значения могут войти в общий язык вследствие широкого распространения самого понятия, обозначаемого семантическим профессионализмом. Например, слово **«баранка»** в значении «рулевое колесо» является сейчас общим словом. Вошло в общий словарь специализированное значение слова **«резина»** (покрышки, камеры)»... Его шофер Моргунов на правах гостя заправлял сверх лимита свою машину бензином, набирал в запас автола и вынюхивал, нет ли на базе новой **резины**» (Рыб., 75). Аналогичных примеров очень много.

* * *

Таким образом, в профессиональном словаре происходят постоянные процессы переосмысления общих слов. Возникающие в результате этого семантические профессионализмы

становятся необходимым звеном в системе словаря современного русского языка. Они служат для повседневного общения в производстве и по своей роли, частоте употребления стоят в профессиональной разговорной речи наравне с общими словами и терминами. Кроме того, как это было видно, общий словарь пополняется за счет семантических профессионализмов.

По мере дальнейшей технизации жизни общества роль профессиональной речи будет возрастать. В этой связи изучение профессионального словаря становится одной из актуальных задач лексикологии. В общем словаре мы сталкиваемся с результатами тех семантических процессов, которые происходят на переферии. В числе переферийных источников пополнения общего словаря все более заметное место занимают производственно-профессиональные стили, в том числе и профессиональная разговорная речь. Это в свою очередь связано с перемещением за последнее время основных процессов, определяющих развитие разговорной речи, из диалектной и просторечно-бытовой сферы в сферу профессионального, научного, общественно-политического и культурного общения.

Список условных сокращений

а) Газеты и журналы:

Изв. — Известия.

К. пр. — Комсомольская правда.

Л. г. — Литературная газета.

Н. и ж.—Наука и жизнь.

Пр. — Правда.

С. Р. — Советская Россия.

У. г.—Учительская газета.

б) Художественные произведения, очерки, воспоминания, статьи:

Ан.—Е. Анискин, Е. Улицкий. Наш друг автомобиль. М., 1962 г.

Бат.—А. Батынков. Самолеты уходят в безмолвие. «Наш современник», № 7, 1964 г.

Без.—А. Безыменский, И. Вайнберг. Дорогу техническому прогрессу, «Новый мир», 1956 г., № 5.

Гал.—М. Галлай. Записки летчика-испытателя. «Новый мир», 1963 г., №№ 4, 5, 1965, № 1 (номер журнала обозначается в скобках римской цифрой).

Горб.—Б. Горбатов. Донбасс. Собрание сочинений, т. 3.

Гип.—В. Гипенрейтер. Кашалоты уходят в Скалистый. «Смена» 1962 г., № 23.

Гер.—И. Герасимов. Соловьи. «Нева», 1963, № 10.

Жук. — Ю. Жуков. Один «Миг» из тысячи. М., 1963 г.

Курз.—С. Г. Курзенков. Под нами вода и море. М., 1960 г.

Лев.—И. Левченко. Люди, штурм, победа. «Наш современник», 1963 г., № 6.

Мар. — А. Марьямов. Полярный август. «Новый мир», 1964, № 11.

Мик.—Е. Микулина. Мы строим новый дом. «Новый мир», 1958, № 4.

Ос.— И. Осипов. У нефтяников Татарии. «Новый мир», 1958, № 8.
Перв.—А. Первенцев. Матросы. «Октябрь», 1961, № 9.
Пешк.—И. Пешкин. Тагильская новь. «Наш современник», 1961, № 2.
Под.—Л. Подвойский. Заметки инженера. «Новый мир», 1956, № 10.
Пол.—Б. Полевой. Повесть о настоящем человеке, М., 1960.
Полт.—В. Полторацкий. Гнездо хрустального гуся. «Наш современник», 1959, № 5.
Рыб.—А. Рыбаков. Водители М., 1960.
Фед.—А. Федоров. Плата за счастье. (Записки летчика-командира). М., 1963 г.
Хом.—Т. Хомяков. Куб. памяти. «Звезда», 1963, № 4.
в) Уст. р. — запись устной речи.

ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ ТЕРМИНАМИ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ

Л. А. ШКАТОВА,
Челябинский пединститут

1. Можно указать на два основных направления среди уже имеющихся исследований наименований лиц по профессии.

С одной стороны, в целом ряде диссертаций, книг, статей, посвященных словообразованию существительных со значением деятеля, все наименования такого характера рассматриваются как однородные в системе общенародной лексики и отмечаются некоторые закономерности, присущие словообразованию данной группы существительных в целом.[1]

С другой стороны, за последнее время было предпринято несколько попыток анализа названий профессий как членов определенных терминологических систем, изолированно от

---

[1] См., например, В. Л. Воронцова. Словообразование существительных со значением действующего лица в древнерусском языке. Канд. дис. М., 1953; С. И. Лобанов. Из истории имен существительных с агентивным суффиксом—щик (XIV—XVII вв.). Канд. дис., М., 1954; А. Г. Лыков. Образование имен существительных со значением лица в современном русском языке. Канд. дис. М., 1959; Е. А. Захаревич. Словообразовательные суффиксальные типы личных имен существительных в современном болгарском языке. Канд. дис. Л., 1963; І. І. Ковалик. Питання Іменникового словотвору східнослов'яньских мов у порівнянні з іншими слов'янськими мовами, т. 1—2. Докт. дис. Киев—Львов, 1960; Ив. Леков. Словообразователни склонности на славянските езици. София, 1958; Елка Станкулова. Деятелни имена от мъжки род със суфикс -ач (-acz) и -ник (-nik) в съвременния български и полски език. Известия на Института за български език. Кн. XI, София, 1964; W. Witkowski. Sufiksy tworzace nazwy dzifacza (nomina agentis) w jezyku rosyjskim. Studia z filologii polskej i slowianskiej. 1, Warsz., 1955.

наименований деятелей-нетерминов[1]. Однако в указанных работах этого типа положение «наименование лица по профессии есть термин» принимается как данное и не доказывается. Разделяя вторую точку зрения, попытаемся ее обосновать.

Названия профессий включаются почти во все терминологические словари, начиная с «Материалов для терминологического словаря древней России» Г. Е. Кочина и кончая хотя бы словарем «Медицинска терминология на шест езика» Георги Арнаудова.[2] В практической работе по унификации наименований лиц по профессии работники Государственного Комитета по труду и зарплате при Совете Министров СССР неосознанно руководствуются лингвистическими требованиями, предъявляемыми к терминам.

Думается, что настало время решить вопрос о том, являются ли названия профессий терминами. Это важно и для теории лексикологии и словообразования, а также для решения практических задач составления словарей и «Единых перечней профессий».

2. Из всех определений понятия «термин»[3] нам представ-

---

[1] См. Н. А. Щеглова. Терминологическая лексика оружейно-железоделательного производства XVII—XVIII вв. Канд. дис. М., 1964; Н. Д. Андреев и В. Л. Замбржицкий. Некоторые вопросы русского именного словообразования. International journal of slawic linguistics and poetics. III, 1960; T. Szymczak. Uwagi stowotworczo—semantyczne o polskim wspolczsnym setownictwie technicznym. «Pordanik jezykowy», 6, 1961.

[2] Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря древней России. М.-Л., 1937; Георги Арнаудов. Медицинская терминология на шест езика. София, 1964.

[3] См., например, В. Н. Костров. История теории и практики построения и упорядочения русской технической терминологии. Автореферат докт. дис., М., 1956; Е. И. Амосенкова. Некоторые принципы образования технических терминов в современном французском языке. Автореферат канд. дис., Л., 1953; С. М. Барак. Терминологическая лексика и ее место в словарном составе языка. Автореферат канд. дис., Л., 1955; А. А. Санкин. Об основных способах образования научно-технических терминов. Уч. записки 1-го МГПИИЯ, т. X, 1956; Ю. И. Чайкина. Некоторые наблюдения над горной производственной терминологией русского языка XIX и начала XX веков. Таганрогский госпединститут. Уч. записки, вып. 1, 1956; Н. П. Кузькин. К вопросу о сущности термина. Вестник ЛГУ, № 20, вып. 4, 1962; Э. Ф. Скороходько. Структура и семантика английских научно-технических терминов. Прикладная лингвистика и машинный перевод, изд. Киевского ун-та, 1962; Н. С. Родзевич. Поняття термін, термінологія и номенклатура в працях радянських и зарубіжних учених. Лексикографічний бюллетень, Київ. 1963, вип. IX; J. Horecky. Zakladя slovnsekej terminológie. Bratislava, 1956; K. Hausenblas. K specyfcikym rysím odbrné terminologie. Problemy maristické jazykovédy. Praha, 1962; M. Mazur. Terminologia techniczna. Warszawa 1961; W. Doroszewski. Uwagi o terminologii lingwistyzcnej. Славянска лингвистична терминология. Сб. статии. София, 1962й; Karel Sochor. Prīrucka o ceskem odborném nàzvoslovî. Praha, 1955; F. Stroh. Handbuch der germanishen Philologie Berlin, 1952; Edmund Andrews. A history of scientific English. New Jork, 1947.

ляется наиболее убедительным то, которое дает Л. А. Капанадзе, исходя из положения акад. В. В. Виноградова о дефинитивной функции как главной особенности терминов: «Термин — это такая единица наименования в данной области науки и техники, которой приписывается определенное понятие и которая соотнесена с другими наименованиями в этой области и образует вместе с ними терминологическую систему».[1]

Это определение можно также распространить и на другие термины (искусства, общественно-политические и т. д.).

3. Насущные потребности организации труда привели к тому, что названия профессий попали в условия, одинаковые с терминами.

«Дифференциация и разделение труда вызвали появление большого числа новых профессий и, следовательно, появление новых названий или использование старых слов в терминологическом значении», — отмечается в проспекте «Русский язык и советское общество».[2]

Содержание, приписываемое профессии в конкретной области знания и практики,—это «совокупность приобретенных школьной и внешкольной выучкой специальных трудовых навыков, совмещаемых обычно в одном лице».[3]

Термин не обладает лексическим значением, как обиходное[4] слово. Возьмем для примера слово «термист»[5]. Будучи исполь-

---

[1] Л. А. Капанадзе. О понятиях «термин» и «терминология». Развитие лексики современного русского языка. М., «Наука», 1965, стр. 80.

[2] Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962, стр. 14.

[3] Акад. С. Г. Струмилин. Проблемы экономики труда. М., 1957, стр. 12.

[4] Надо оговориться по поводу употребления нами слова «обиходный». Мы называем им всякое употребление слова неспециалистами, нетерминологическое использование слова. Об обиходном языке и обиходном употреблении слов находим упоминания в работах отечественных ученых Г. О. Винокура, А. А. Реформатского, а также чешских (К. Сохор, Б. Гавранек, Я. Горецкий используют термин bežny — обычный, повседневный, ходовой) и польских коллег (так, М. Шимчак говорил o codziennym powszechnym uzyiu «каждодневном общем употреблении»). Нами в силу лингвистической традиции также принят этот термин в общем плане противопоставления «термин как член определенной терминологической системы: обиходное слово как компонент общенародного языка». Однако при рассмотрении терминов, принятых в качестве официального руководства, обработанных специалистами, более четким и дифференцированным будет применение для второго элемента соотношения термина «общелитературное слово» (см. указанную работу Л. А. Капанадзе).

[5] Справочник о рабочих профессиях. Составитель Ю. П. Аверичев. М., 1965, стр. 248.

зовано в качестве термина металлообрабатывающей промышленности, оно объединяет строго определенные дифференциальные признаки, вытекающие из технологического содержания работы:

Подготовка печи перед работой.	Загрузка изделий в печи и ванны.	Выполнение необходимых операций по подготовке изделий к обработке.
Наблюдение за процессом нагрева.	Регулирование температуры, подачи топлива.	Приготовление раствора для ванн.
Выправление покоробленных деталей после термической обработки.	Устранение мелких неисправностей в работе печей.	Знание основ химии и металлографии, устройств печей, ванн, оборудования.

Все эти признаки определены содержанием технологического процесса термической обработки металла. С изменением технологического процесса меняется и содержание термина: в механизированных термических цехах термисты обслуживают сложные автоматизированные установки, производящие операции по термической обработке изделий.[1]

Общелитературное слово «термист» имеет лексическое значение, которое не противоречит его терминологическому содержанию, но гораздо более общо́ и включает только один дифференциальный признак: «термист — специалист по термической обработке металла». Значение приведенного слова не меняется в связи с изменением характера технологического процесса.[2]

---

[1] Справочник о рабочих профессиях, стр. 249.

[2] Несовпадение привычного, обиходного понимания слова и содержания, которое вкладывается в него специалистами, обычно бросается в глаза писателям и журналистам. «Дальневосточные рыбаки уже начали ловить сайру не сетью, а шлангом. В гибкую трубу, опущенную с борта сейнера, насосы втягивают воду, а вместе с ней и привлеченную светом, «загипнотизированную» слабым электрическим током рыбу. Разумеется, это тоже лов. Но разве людей, занимающихся таким рыболовством, назовешь рыбаками в старом понимании этого слова? По существу, они люди совершенно новой профессии»,—пишет, например, Павел Волин в журнале «Юность», 1966, № 3, стр. 83). См. также Э. Струков. Исчезнувшие и новые профессии. Изд. ВЦСПС, 1960; А. Моралевич. Путей—30 тысяч (о выборе профессии). М., 1961; И. И. Сигов. Разделение труда в сельском хозяйстве при переходе к коммунизму. М., 1963; Е. Пермяк. Кем быть? Путешествие по профессиям. М., 1948 и др. книги, а также постоянный раздел «Энциклопедия Левши» в «Комсомольской правде» за 1966 год.

Если у термина нет лексического значения, то нет и экспрессии, модальности, поскольку они являются элементами лексического значения.

4. Вторая важная особенность терминов состоит в том, что они соотносятся с другими наименованиями специальной области и образуют вместе с ними терминологическую систему.

Так, наименование «фрезеровщик» (и его дублет «фрезеровальщик») включается, согласно мнению А. А. Реформатского,[1] в следующую «терминологическую сетку»:

Простой, непроизводный, производящий	фреза
Номен агентис, он же активный инструмент, механизм (деноминатив)	фрезер
Глагол (деноминатив)	фрезеровать
Номина акционис (девербативы)	фрезеровка, фрезерование
Номен агентис (девербативы)	фрезеровщик, фрезеровальщик
Прилагательное (девербатив)	фрезеровальный

Ср. также: бур—бурить—бурение—бурильщик—бурильный; бланшировать—бланширование, бланшировка—бланшировщик—бланшировочный; вулканизировать—вулканизирование—вулканизатор (аппарат)—вулканизаторщик—вулканизационный; домна—доменщик—доменный; набирать—набор—наборщик—наборный; танк—танкист—танковый...

Несомненна связь рассматриваемой группы наименований лиц с различными сферами профессионального труда. Например, профессия **воронильщик** связана с системой терминов металлообработки (**воронение** червяков и винтов на плитах и в каменных печах), **бродильщик** с системой химических терминов (**брожение**), **двоильщик** в текстильном производстве «ра-

[1] А. А. Реформатский. Термин как член лексической системы языка (машинопись).

бочий, наблюдающий за **двоением** в **двоильной** машине», **выгибальщик** в деревообрабатывающей промышленности «тот, кто **выгибает** детали по заданной форме» и т. п.

Вырванные из системы, слова эти теряют признаки, делающие их терминами. Например, слово «котельщик» в общелитературном языке многозначно: им обозначают и специалиста по обслуживанию котлов, и мастера по изготовлению котлов. Но в промышленности строительных материалов оно имеет содержание, определенное термином «котельные работы»[1], а на железной дороге содержание профессии **котельщик** обусловлено специфичным для данной терминологии термином «котел паровоза».[2]

Термин парадигматичен семантически, т. е. в каждой терминологии соотнесен с теми или иными понятиями, которые образуют его поле в пределах каждой терминологии; он моносемичен в пределах терминологического поля — указывает А. А. Реформатский.[3] Можно указать на ряд омонимичных благодаря своей отнесенности к разным терминологическим полям названий профессий: **морфолог** в естествознании и языкознании, **модельщик** в литейном производстве и в прозводстве музыкальных инструментов, **резчик,** в производстве проката и **резчик,** выполняющий работы на музыкальных инструментах и т. п.

Термин получает однозначность через принадлежность к данному терминологическому полю. Однако иногда эти поля по содержанию работ соприкасаются, и отсюда — наличие общих, так называемых **сквозных** профессий, свойственных целому ряду производств. Например, профессия **токаря, наладчика, долбежника, заточника, шлифовальщика** характерны для всех производств, где есть механическая обработка металлов. Названия сквозных профессий, как правило, более употребительны и проникают в общелитературный язык. Но все же число наименований профессий в общелитературном языке составляет немногим более 2-х тысяч[4], в то время как

---

[1] Тарифно-квалификационный сравочник. Промышленность строительных материалов. КОИЗ, М., 1956.

[2] Штатное расписание рабочих Златоустовского металлургического завода, 1964, железнодорожный цех.

[3] А. А. Реформатский. Что такое термин и терминология? М., 1959.

[4] Автором была произведена сплошная выборка из 17-томного Словаря современного русского языка АН СССР.

только по действовавшим до 1964 года тарифно-квалификационным справочникам их количество определяется в 18 тысяч[1].

5. Итак, в многочисленной лексико-семантической группе наименований лиц по профессии можно указать на слова, обладающие основными признаками термина. Они обычно закрепляются официальными документами, к ним предъявляют требования, как к терминам, их сознательно строят, их унифицируют и пытаются согласовать в международном масштабе[2].

---

[1] Сведения взяты из Записки Отдела организации и нормирования труда по Проекту единого перечня профессий. Государственный комитет по труду и зарплате при Совете Министров СССР, 1964 (машинопись).

[2] См. Международную стандартную классификацию профессий, утвержденную 9 междунар. конфер. статистиков по труду (24.IV-4.V.1957).

О СПЕЦИАЛЬНОМ СЕМИНАРЕ ПО СИНТАКСИСУ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

В. В. ЗЕМСКАЯ,

Челябинский пединститут

Семинарские занятия по русскому языку — один из наиболее трудных и ответственных видов учебной работы для студента и преподавателя. Специальный семинар является завершающим этапом и серьезной проверкой лингвистической подготовки студентов, их умения самостоятельно анализировать материал, сопоставлять грамматические явления, делать выводы и обобщения. Однако методика проведения семинаров по русскому языку разработана недостаточно, мало внимания уделяется этому вопросу в литературе, особенно в последнее десятилетие.[1]

Задача данной статьи — обобщить некоторый опыт проведения семинара по теме «Трудные вопросы синтаксиса и пунктуации».

I. Выбор тематики докладов

В соответствии с поставленной проблемой составлялась и тематика студенческих докладов: выбирались наименее разработанные вопросы синтаксиса, не имеющие общепринятого решения в науке. Таковы, например: «Виды односоставных предложений», «Вопрос о границах между членами простого предложения» и др. Учитывалась также важность изучения того или иного вопроса для школьного преподавания русского языка.

---

[1] См., напр. И. В. Устинов. К вопросу о методике занятий в спецсеминаре по русскому языку. Ученые записки кафедры русского языка МГПИ им. Ленина, т. 89, вып. 6, М., 1956.

Г. В. Валимова. Специальный семинар по современному русскому языку для студентов-заочников. Учпедгиз, 1957.

Практика показала, что слишком широкая тематика (одновременное изучение вопросов синтаксиса простого, осложненного и сложного предложений) снижает целенаправленность семинара, распыляет внимание слушателей.

Поэтому на каждом семинаре лучше рассматривать более узкий круг тесно связанных между собой вопросов, например, только вопросы синтаксиса простого предложения.

Примерные темы докладов по синтаксису простого предложения: 1. Несогласованные определения, способы их выражения, отграничение от сходных по форме членов предложения (дополнений, обстоятельств). 2. Инфинитивные предложения, их структурно-грамматические признаки. Отграничение от безличных предложений и ряд других.

Некоторые темы носили обобщающий характер, например: «Конструкции с союзом «как» в простом предложении», «Синтаксическая роль независимого инфинитива» и др.

По вопросам пунктуации давались как чисто теоретические темы («Основы современной русской пунктуации»), так и сугубо практические («Тире между членами предложения»). Правда, и в этом случае освещались вопросы теории (из истории данного знака препинания; виды тире по функции в речи).

2. «Уклон» семинара

Работа семинара обычно велась под определенным углом зрения: студент не просто излагал материал по вопросу, но и решал ту или иную задачу. Так, на одном из проводимых нами семинаров была поставлена важная и трудная задача — разграничение сходных по форме синтаксических явлений (дополнений и несогласованных определений, дополнений и обстоятельств и проч.). Под таким углом зрения составлялась тематика докладов; и оценка работы докладчика давалась главным образом с точки зрения успешности решения данной задачи. Это заставляло студента работать не только над темой доклада, но и над смежными вопросами синтаксиса, «копаться» в методической литературе, собирая по крохам необходимые рекомендации. В качестве примера приведу основные положения доклада на тему «Подлежащее, способы его выражения; отграничение от сходных по форме членов предложения».

Рассмотрев вопрос о грамматической природе подлежащего, основных и особых случаях его выражения, докладчик указывает, что в форме инфинитива и именительного падежа может употребляться не только подлежащее, но и сказуемое, например:

Прекрасное дерево — такая старая липа. (Тург.)

Вопрос о разграничении одноформенных подлежащего и сказуемого представляет значительные трудности, в школьной грамматике он не рассматривается совсем[1], а в научной и методической литературе решается по-разному. Так, в Грамматике АН СССР (т. II, ч. 1, стр. 379), «Синтаксисе» А. Г. Руднева (стр. 74), методических пособиях А. В. Дудникова, В. П. Озерской основным критерием разграничения считается порядок слов — препозиция подлежащего и постпозиция сказуемого. Так, в предложении «Наша задача — спасти человечество от новой войны» А. В. Дудников считает подлежащим, в соответствии с порядком слов, слово «задача», что не отражает смысла предложения в целом[2]. Отметив односторонность такого формально-грамматического анализа, докладчик знакомит слушателей с рекомендациями А. М. Пешковского, А. Н. Гвоздева и др. авторов. Основным отличительным признаком одноформенных главных членов А. М. Пешковский считает «Признак согласования связки», напр. «Для старика **была** закон ее младенческая **воля».** (П.)[3]. При совпадении родового значения главных членов («В то время был еще жених ее супруг»), а также в случае несоответствия связки форме подлежащего автор предлагает использовать логический прием — синонимическую замену именительного падежа творительным. Сказуемым следует считать именно тот из главных членов, который допускает такую замену, например, в первом из приведенных предложений можно заменить творительным падежом слово «закон» — «воля была законом». Невозможно: «закон был волей». Во 2-ом предложении допускает такую замену слово «жених» («Супруг был еще женихом»), обратная же замена обессмысливает предложение. К рекомендациям А. М. Пешковского присоединяется также А. Н. Гвоздев[4], Е. М. Галкина-

---

[1] В школьном учебнике (ч. II, § 7) вопрос об одноформенных подлежащем и сказуемом ставится только в связи с пунктуацией причем грамматическая природа главных членов в некоторых случаях не выясняется. «Тире ставится и в том случае, когда оба главных члена выражены неопределенной формой, например: Жизнь прожить—не поле перейти (посл.), а также когда **один** главный член выражен неопределенной формой глагола, а другой—именем существительным, например: Не бояться трудностей—наш девиз». стр. 23. (Подчеркнуто нами—В. З.).

[2] А. В. Дудников. Методика синтаксиса и пунктуации в восьмилетней школе. Учпедгиз, 1963, стр. 190.

[3] Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, стр. 232—233. (Подчеркнуто нами—В. З.).

[4] А. Н. Гвоздев. Современный русский язык, ч. II, Учпедгиз, 1958, стр. 52.

Федорук[1]. Грамматические факторы (порядок слов, интонация и проч.) приобретают лишь вспомогательное значение[2].

Докладчик подчеркивает, что данный способ разграничения одноформенных главных членов более удачен, так как он опирается на общий смысл предложения, принимая во внимание и его структуру.

Аналогично рассматриваются и другие вопросы синтаксиса.

Кроме такого направления (назовем его научно-методическим), работе в семинаре по синтаксису современного русского языка можно придать и другие уклоны:

2. Стилистический — изучаются особенности употребления данной конструкции, степень ее употребительности в произведениях различных стилей литературного языка (например, конструкции с союзом «как» в научно-книжном языке и языке художественной литературы, стилевые различия в способах выражения сказуемого и проч.).

3. Историко-грамматический — синтаксические явления современного русского языка сопоставляются с явлениями языка древнерусского (например, при изучении видов односоставных предложений, определений различных видов и проч.).

4. Сопоставительно-грамматический[3] — детально изучается история вопроса, сопоставляются точки зрения научной и школьной грамматик, выясняются истоки постановки вопроса в школьной грамматике, происхождение школьной терминологии.

Такая специализация семинарских занятий активизирует работу студентов, расширяет их лингвистический кругозор.

Возможно и комбинирование различных направлений в процессе проведения семинара по той или иной проблеме синтаксиса. В этом случае студент сам или по указанию преподавателя избирает себе определенный уклон работы.

3. Содержание работы; требования к докладу

Основной вид семинарской работы — заслушивание и обсуждение докладов. Началом работы семинара является вводное занятие, на котором преподаватель знакомит студентов с тематикой докладов, основной задачей семинара, дает список обязательной для всех литературы, излагает основные требования к докладу. Таковы: I. Научность (умение систематизиро-

---

[1] Современный русский язык, ч. II, изд. МГУ, 1964, стр. 331.
[2] Русский синтаксис, стр. 230.
[3] Термин условный.

вать и обобщать теоретический материал по теме; обоснованно выбирать одну из точек зрения; делать выводы по теории вопроса и по характеру использования данной конструкции автором анализируемого произведения.

2. Профессиональная и практическая направленность (важность для школьного преподавания, умение акцентировать наиболее трудные вопросы темы).

3. Правильный подбор иллюстративного материала (примеры из текстов, наглядные пособия различных видов).

4. Четкое, стилистически отработанное изложение материала.

4. Объем работы докладчика; методы активизации аудитории

Каждый студент в процессе работы должен сделать один обстоятельный доклад по выбранной теме, 1—2 официальных выступления по докладам товарищей (на несходную со своим докладом тему), участвовать в качестве неофициального оппонента в обсуждении других докладов.

Подготовка к докладу начинается с чтения рекомендованной преподавателем обязательной литературы по вопросу, затем студент изучает подобранную им самим дополнительную литературу (в том числе и методическую), составляет подробный план доклада. Вторым этапом работы является подбор примеров из текста, их классификация. После этого студент пишет доклад, иллюстрируя его теоретические положения самостоятельно подобранными примерами. Использование стереотипных примеров из грамматических пособий рассматривается как существенный недостаток доклада. В заключение докладчик готовит наглядное пособие (таблицы, схемы) и обдумывает методы активизации слушателей. Одним из таких методов, нашедших широкое применение в нашей семинарской работе, является практическая работа докладчика с аудиторией, которой обычно заканчивается доклад. Слушателям предлагается проанализировать ряд предложений (с доски или на слух), дать объяснения к ним; могут быть предложены и теоретические вопросы по содержанию доклада. Такая работа повышает ответственность слушателей и одновременно помогает выявить, как усвоен материал доклада.

5. Задачи оппонента

В задачу официального оппонента входит: 1) Оценка доклада (по содержанию, форме изложения, подбору примеров, характеру использования наглядного пособия, соответствию последнего основным требованиям дидактики); 2) Исправление ошибок и неточностей, допущенных докладчиком; 3) Дополнения к докладу; 4) Методическая часть (изучение данного вопроса в школе). Однако практика показала, что последний (4) вопрос следует давать другому оппоненту (в качестве особого задания), иначе выступление первого оппонента будет слишком громоздким, пестрым по содержанию и задачам.

Оценка работы докладчика должна носить характер развернутой рецензии, обоснованно указывающей на достоинства и недостатки доклада. Отдельные реплики вроде «докладчик много поработал», «уделил вопросу большое внимание» или «особых замечаний нет» не зачитываются как выступление по докладу.

Отсюда ясно, что оппонент должен готовить свое сообщение заранее, читая нужную литературу по теме доклада и работая в тесном контакте с докладчиком. (Такие установки даются студентам во вступительном слове преподавателя). Только такое содружество даст возможность оппоненту точно определить объем и содержание его выступления.

6. Контроль за работой; ее оценка

Основные положения доклада и сообщения и иллюстративный материал к ним предварительно просматриваются преподавателем, вносятся поправки. Доклады низкого качества даются на переработку. Оценка доклада и выступлений дается в заключительном слове преподавателя. Руководитель характеризует уровень подготовки доклада, решение докладчиком основной задачи семинара, выражает согласие или несогласие с замечаниями выступавших товарищей, уточняет ответы на поставленные докладчику вопросы, заостряет внимание слушателей на отдельных недочетах доклада, предупреждая тем самым их повторение в последующих докладах. При оценке доклада учитывается также и качество ответов на вопросы слушателей и руководителя семинара. Таких вопросов обычно бывает достаточное количество, они даются не только с целью уточнения неясных положений доклада, но также и для выяснения степени подготовленности докладчика по отдельным вопросам темы, его практической ориентации. Так, например,

докладчику по теме «Сложноподчиненные предложения с придаточными определительными» могут быть предложены вопросы: Каким членом предложения может быть союзное слово **который?** Какая это часть речи? Определите семантический разряд. По теме «Сложное предложение, его виды» может быть предложен анализ конкретного предложения, определение его вида, например: 1. «Им не было никакого дела, слушают ли их и смотрят ли на них люди». (Фад.) 2. «Товарищи относились к нему неприязненно, солдаты же любили воистину». (Купр.)

Докладчику по теме «Сказуемое» (обычно по этой теме дается 2 доклада: 1) Простое и простое осложненное сказуемое; 2) Составное сказуемое.) можно предложить определить вид сказуемого, выраженного сочетаниями **буду писать, знай пишет, стоит на часах** и др.

В единичных случаях несоответствия доклада или сообщения уровню требований работа не зачитывается, студенту предлагается доработать доклад в нужном направлении, а затем повторно отчитаться перед руководителем во внеурочное время. Такие же собеседования проводятся и с отсутствовавшими на занятиях студентами. Для этого они должны прочитать обязательную литературу по теме и ознакомиться с докладом (или записями по нему слушателей).

7. Итоги семинара

После прочтения всех запланированных докладов и сообщений подводятся общие итоги работы семинара. Об этом преподаватель заранее сообщает студентам, предлагая им обдумать выступления с замечаниями и предложениями по работе семинара. Наиболее активны на таких совещаниях студенты-заочники — учителя школ. Основное их пожелание — больше заниматься на семинаре вопросами школьной грамматики; предлагают также увеличить количество часов на семинарские занятия с тем, чтобы можно было отвести часть времени на подготовку к государственному экзамену по русскому языку.

Преподаватель дает общую оценку работы группы в семинаре, подчеркивая, как была решена основная задача, затем выделяет лучшие доклады, выдающиеся в том или ином отношении. Так, студентка Щ. при изложении темы «Номинативные предложения» показала ряд интересных работ с картиной (при изучении этой темы в школе); студентка К. при характеристике уточняющих членов предложения удачно сопоставила материал старого (до 1962 г.) и нового школьного учебника, обосновала необходимость выделения особого параграфа «Обособ-

ленные уточняющие члены предложения»[1]; студентка Б. умело провела практическую работу с аудиторией по теме «Составное сказуемое», чем и положила начало новому виду работы на спецсеминаре.

Выделяются более слабые доклады (в различных отношениях), отмечается пассивность отдельных студентов, а также общие недостатки работы семинара (на заочном отделении это сжатость сроков, мешающая углубленной работе над темой).

Исключительно велико значение семинарской работы по русскому языку для подготовки учителя-словесника.

Успех и эффективность ее зависят не только от уровня лингвистической подготовки студентов, но и от их умения самостоятельно анализировать факты языка, их творческой инициативы.

---

[1] С. Г. Бархударов и С. Е. Крючков. Учебник русского языка, ч. II, Синтаксис, Учпедгиз, 1962, § 52.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ В ГЛАГОЛАХ С КОЛИЧЕСТВЕННО-ВРЕМЕННЫМИ ПРИСТАВКАМИ

Г. Г. КУХТЕНКОВА,

Челябинский пединститут

В лингвистической литературе высказывается два разных взгляда на глагольную префиксацию. Одни ученые считают, что она всегда приводит к образованию новых слов — языковых единиц, отличающихся от исходных глаголов своим лексическим значением. Это мнение отстаивают, например, вслед за С. Карцевским, Ю. С. Маслов, А. С. Исаченко. Согласно другой точке зрения в результате префиксации в одних случаях возникают новые слова, в других—языковые единицы лексически тождественные исходным глаголам и отличающиеся от них лишь грамматическим значением вида, т. е. грамматические видовые формы производящих основ. Такова концепция В. В. Виноградова, И. П. Мучника, Е. А. Земской, А. Н. Тихонова и др. Подобное же понимание глагольной префиксации находим и у основоположника современного учения о способах действия С. Агрелля. Нам представляется более отвечающей истинному положению вещей эта вторая точка зрения, из нее мы и исходим в своем исследовании.

По словам В. В. Виноградова, приставочные глаголы являются ареной борьбы и взаимодействия лексики и грамматики[1]. Анализу этой борьбы и взаимодействия лексических и грамматических элементов в приставочных глаголах и посвящена наша работа. Для исследования выбраны глаголы с так называемыми количественно-временными приставками, которые, если можно так выразиться, лексически меньше отличаются от своих производящих, чем глаголы с другими при-

[1] В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 499.

ставками (производный и производящий глагол в первом случае обозначает одно и то же реальное действие, поскольку приставка вносит значение того или иного способа действия; во втором случае исходный глагол и образованный от него префиксальный обозначают обычно разные действия; ср.:

писать—пописать (писать некоторое время)
писать—дописать (закончить писать)
с другой стороны
писать—уписать (уместить).

В силу лексической близости приставочных и бесприставочных глаголов в рассматриваемой группе глагольной лексики происходит наиболее ожесточенная борьба лексических и грамматических функций приставок. В настоящей статье излагаются некоторые результаты изучения глаголов с приставкой ПО-. Она является одной из наиболее отвлеченных приставок в современном русском языке: в системе ее значений нет ни одного пространственного значения. Присоединяясь к глаголам, она сообщает им значения различных способов действия: детерминативного, дистрибутивного, деминутивного, инхоативного, характеризующих действие с точки зрения количественно-временной. Кроме того, приставка ПО- является самым продуктивным видовым префиксом[1], с помощью которого образовано наибольшее число префиксальных видовых пар.

Количественно-временная приставка ПО- присоединяется к производящей глагольной основе для создания языковой единицы, передающей новое по сравнению с бесприставочной формой лексическое значение. Другими словами, префиксация в данном случае представляет собой словообразовательную операцию, которая, однако, сопровождается обычно (если только производящий глагол не имел значения совершенности) изменением грамматического видового значения слова. При этом сама приставка выступает как синкретическая морфема, выполняющая двоякую роль—словообразовательную, лексическую и формообразующую, грамматическую. Поскольку целью префиксации является создание нового слова, постольку в приставке на первом плане лексическая функция. Функция же видообразующая, грамматическая является второсте-

---

[1] И. П. Мучник. О видовых корреляциях и системе спряжения в современном русском языке. «Вопросы языкознания», 1956, № 6, стр. 102.
А. Н. Тихонов. Глаголы с чисто видовыми приставками в современном русском языке. Автореферат канд. дис., М. 1963, стр. 11.

пенной, побочной, сопутствующей[1]. Так, глаголы **говорить, писать** соединяются с приставкой ПО- для того, чтобы выразить мысль: действия «говорения», «писания», называемые производящими основами, длятся какой-то отрезок времени, недолго. Присутствие приставки ПО- в глаголах **пойти, поехать** обусловлено стремлением сообщить о том, что соответствующие действия возникли, появились. Приставочный компонент корреляций **говорить—поговорить, писать—пописать, ехать—поехать, идти—пойти** отличается от бесприставочного в первую очередь лексическим значением определенного способа действия, будучи также носителем нового грамматического видового значения. Следовательно, возникшая в результате префиксации корреляция является деривационно-грамматической.

Детальный анализ языкового материала показывает, что в некоторых группах префиксальных глаголов словообразовательная, лексическая функция приставки при известных условиях ослабляется и даже совсем стирается. На первый план выдвигается та функция, которая раньше была побочной, сопутствующей, — функция грамматическая, видоизменяющая. Приставка делексикализуется и превращается в видовую форманту. Происходит грамматикализация приставки, а деривационно-грамматическая корреляция превращается в грамматическую.

Каковы же пути грамматикализации глагольных приставок?

Существует целый ряд факторов, из которых одни способствуют превращению деривационно-грамматической корреляции в грамматическую, а другие препятствуют этому процессу. Это характер значения приставки, степень ее отвлеченности; характер значения производящего глагола; характер взаимодействия значения приставки и значения исходного глагола; наличие или отсутствие рядом с данными приставочным глаголом другого (или других) глагола с приставкой того же типа значения; существование или отсутствие у соответствующих бесприставочных глаголов бесспорных видовых форм, созданных другими способами и средствами (не при помощи данной приставки); изменение контекстуально-синтаксических свойств префиксального глагола; грамматическая аналогия.

---

[1] В том, что первостепенное значение имеет лексическая функция количественно-временной приставки, убеждают и многочисленные префиксальные глаголы, в которых грамматическая функция отсутствует: **понаслать, понастроить** и т. п.

Из всей совокупности этих противоречивых факторов в настоящей статье рассматриваются лишь три: характер значения глагольного слова, различие контекстуально-синтаксических свойств однотипных в структурно-семантическом плане приставочных глаголов и своеобразное положение отдельной группы приставочных глаголов в общей системе приставочной глагольной лексики.

Возможность или невозможность грамматикализации глагольной приставки определяется прежде всего лексическим значением глаголов. В интересующем нас плане важна такая особенность лексического значения глагольных слов, как их предельность или непредельность[1]. С этой точки зрения вся глагольная лексика делится на две группы: предельные и непредельные глаголы. Непредельные глаголы обозначают такие действия, которые по самому своему характеру не предполагают никакого внутреннего предела, не содержат в самих себе никаких предпосылок своего прекращения и потому могут длиться беспредельно **(лежать, присутствовать, зависеть, любить).** Предельные глаголы называют действия, имеющие внутренний предел, с достижением которого действие себя исчерпывает, прекращается **(решать, бросать, вписывать** и т. п.).

В непредельных глаголах приставка всегда сохраняет свою словообразовательную функцию, а грамматическая функция всегда остается второстепенной. В таких глаголах приставка не может стать видовой формантой по той причине, что они не способны иметь видовую пару. Ведь форма совершенного вида фиксирует внимание на достижении действием внутреннего предела, а у названных непредельными глаголами действий нет внутреннего предела.

В глаголах предельных, которые обозначают действия, предполагающие естественный исход, внутренний предел, лексическое значение приставки может стать нечетким и даже совсем может быть стерто, затушевано. Созданные на базе предельных глаголов деривационно-грамматические корреляции в первую очередь и составляют «ближайшую периферию чисто видовых корреляций»[2]. Отдельные группы именно этих глаголов представляют собой типы, переходные между чисто видовыми и лексическими.

---

[1] Ю. С. Маслов. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. АН СССР, 1963, стр. 7.

[2] И. П. Мучник, указ. соч., стр. 94.

Для доказательства высказанного положения удобнее всего сравнить глаголы с детерминативной приставкой ПО- от предельных и непредельных основ.

Если у предельного глагола не существует бесспорной видовой пары, образованной суффиксально, супплетивно или при помощи другого префикса (не ПО-), то для вполне отчетливой реализации сообщаемого ему приставкой ПО- детерминативного значения требуется специальный детерминативный контекст (например, употребление при глаголе детерминативных показателей — слов, обозначающих отрезок времени, в течение которого длится действие; своеобразие структуры предложения; играет также некоторую роль употребление переходного глагола без прямого дополнения)[1]. В следующих фразах детерминативное значение предельных глаголов совершенно бесспорно вследствие благоприятных контекстуально-синтаксических условий:

Сегодня маляры **покрасили** часа два стены и ушли.

Дом **построили-построили** месяца два и прекратили работы.

Решающую роль в обоих приведенных примерах играют детерминативные показатели «часа два», «месяца два».

Свекровь снохе говорила: «Сношенька, будет молоть, отдохни — **потолки».** (С.-Щ.).

Потом она (чайка) присела на песке, **почистила** клювом в перьях (Лид.).

В последних двух примерах четкость детерминативного значения префиксальных глаголов достигается употреблением их без прямых дополнений в контексте, свидетельствующем о том, что они обозначают занятость субъекта данным видом деятельности, т. е. выступают в своих непредельных значениях.

При отсутствии внешних по отношению к приставочной глагольной форме средств, подчеркивающих детерминативное значение, оно становится неярким, появляется двусмысленность. Так, в следующих примерах глаголы с приставкой ПО- могут быть поняты двояко.

Теперь и мне пришла охота **пошутить** (П.). Неясно, обозначает ли здесь **пошутить** «сказать шутку, поступить шутливо» или же «поразвлекаться, в течение некоторого времени шутить».

Лексическая функция приставки побледнела, зато ярче стала ранее второстепенная грамматическая функция. Поэто-

[1] Вопрос о детерминативном контексте в данной статье специально не рассматривается.

му глагол может осознаваться как видовая пара к **шутить** (см. значение «сказать шутку, поступить шутливо»).

Ср. тот же глагол в специфическом детерминативном контексте: **пошутили** немного и хватит.

Двусмыслен и глагол **посчитать** в таком предложении:

Посчитал деньги солдат, попихал их в ранец (Бун.). — **посчитал** — сосчитал деньги или считал в течение некоторого времени?

Ср. **посчитал-посчитал** поднятые руки и бросил.

Помести: Ну-ка хоть я **помету** здесь. Где у вас метла? (М. Г.).

Помету—подмету или некоторое время буду мести?

Ср.: **помел** он улицу с неделю, явился к начальству и говорит... (А. Т.).

Таким образом, лексическая функция детерминативной приставки в составе предельных глаголов вполне отчетливо реализуется лишь в определенных контекстуально-синтаксических условиях. Необходимость выражения детерминативного значения внешними по отношению к приставочной форме средствами свидетельствует о том, что собственное лексическое значение приставки поколеблено, ослаблено. Иногда оно вовсе стерто:

Несмотря на седьмой час утра, он успел уже в третий раз **покупаться** (Пис.).

Сочетание глагола **покупаться** с обстоятельством «в третий раз» показывает, что глагол здесь обозначает «искупаться, выкупаться». Лексический момент в приставке стерт, произошла делексикализация ее, превращение в видовую морфему.

Фактором, препятствующим ослаблению, стиранию лексического значения детерминативной приставки **по-,** является наличие бесспорных видовых форм к данному бесприставочному глаголу, созданных любым способом (но только не при помощи самой приставки **по-**). Лексическое значение приставки таких глаголов отчетливо во всех случаях (ср. **поговорить, пописать, порешать, поделать** и т. п.). Эти предельные глаголы в смысле постоянной четкости лексической функции приставки аналогичны непредельным глаголам. В последних детерминативное значение приставочной морфемы само по себе очень яркое, поэтому не требуется никаких специальных условий для вполне ясного его осознания. Например: Прачка несколько раз заглядывала, предлагала свои услуги: может, постирать что надо, или пол вымыть, или **понянчить** Максимку. (Марк.)

Они **поразговаривали,** стоя на улице (Пан.).

Александр Семенович **постоял** у крыльца военрука, вдыхая тепло и тишину. (Лавр.).

В глаголах **понянчить, поразговаривали, постоял** грамматическая функция приставки не может быть выпячена за счет затушевывания лексической функции вследствие их видовой дефективности, обусловленной непредельным характером их значения.

Так, лексическое своеобразие глаголов — их предельность или непредельность — влияет на соотношение лексических и грамматических моментов в приставочных образованиях от них.

Следует сказать, что характер лексического значения глагола является только фоном, который способствует или препятствует грамматикализации глагольной приставки. Предельность сама по себе еще не приводит к делексикализации приставочной морфемы в глаголе, а только открывает для этого возможность. В одних условиях эта возможность со временем реализуется, другие препятствуют ее осуществлению. Так, активным фактором, изменяющим взаимоотношение лексических и грамматических элементов в глаголах с количественно-временными приставками, является различие контекстуальных свойств однотипных глаголов. Имеет также значение своеобразие положения той или другой группы глаголов в системе приставочной глагольной лексики. Покажем влияние названных факторов на примере одной относительно небольшой структурно-семантической группы глагольных слов — глаголов, образованных от основ имен прилагательных и обозначающих «становиться таким, как указано в производящей основе» (**дешеветь, молодеть, краснеть** и т. п.).

Производные образования от этих глаголов, созданные при помощи приставки **по-,** способны сейчас употребляться в разных контекстах: некоторые из них свободно сочетаются с наречиями, обозначающими высокую степень признака (очень, сильно, совсем и т. п.), другие же не могут быть определены этими словами. Кроме того, часть анализируемых префиксальных глаголов отличается от остальных своим положением в лексической системе. Все это приводит к разному соотношению лексической и грамматической функций приставки **по-** в

рассматриваемых глаголах, поэтому их можно разделить на три группы[1].

1) К первой следует отнести глаголы **погрубеть, погустеть, подичать, подряхлеть, полысеть, поплешиветь, пополнеть, помельчать, поржаветь, послабеть, потвердеть, потощать, почерстветь, потолстеть, похилеть,** в которых главенствующей является лексическая функция приставки, а грамматическая выступает добавочной, побочной. Иначе говоря, приставка **по-** имеет здесь совершенно отчетливое лексическое значение, показывает незначительную величину результата действия. Она сообщает производящим основам значение уменьшительного, деминутивного способа действия. Грамматическая функция приставки в глаголах этой группы является добавочной, побочной.

Указанное соотношение двух функций глагольной приставки в данном случае определяется особым местом префигированных глаголов в общей системе приставочной глагольной лексики: из трех групп глаголов с приставкой **по-**, выделяемых нами, только глаголы этой группы существуют рядом с результативными глаголами, созданными соединением тех же производящих основ с другими приставками **(о-, за-, рас-)**, которые по-иному характеризуют достигнутый действием результат. Поэтому наши глаголы с префиксом **по-** неизбежно воспринимаются в соотношении с этими последними:

погрубеть — огрубеть
погустеть — загустеть
подичать — одичать
подряхлеть — одряхлеть
полысеть — облысеть
помельчать — измельчать
поплешиветь — оплешиветь
пополнеть — располнеть
потолстела — растолстела
поржаветь — заржаветь
послабеть — ослабеть
потвердеть — затвердеть
потощать — отощать
почерстветь — очерстветь, зачерстветь.

---

[1] Анализируются только такие приставочные глаголы, рядом с которыми существует форма без приставки **(дешеветь—подешеветь).** Не рассматриваются глаголы, у которых отсутствуют бесприставочные корреляниты **(построжеть, получшеть, похитреть** и т. п.).

Именно на этом фоне в глаголах с приставкой **по-** и выступает ярко уменьшительное, деминутивное значение:[1]

> **Погрубеть** — в некоторой степени, несильно огрубеть.
> **Погустеть** — несильно, в некоторой степени загустеть.
> **Послабеть** — немного ослабеть.
> **Поржаветь** — немного, несильно заржаветь.
> **Потощать** — несколько, в некоторой степени отощать.
> **Почерстветь** — немного очерстветь или зачерстветь и т. д.[2]

2) Вторую группу образуют глаголы **помягчеть, пополнеть, попростеть, порусеть, порыхлеть, порябеть, посвежеть, поскучнеть, посветлеть, посмирнеть, посмуглеть, позолотеть, покрепчать, покрупнеть, полегчать, помельчать, посыреть, потончать, потучнеть, похмуреть, похрабреть** и др. В них значение приставки очень ослаблено, поэтому когда нужно выразить значение «стать таким, как указано основой слова, в незначительной степени», то при глаголе обычно употребляется наречие, показывающее невысокую степень признака. Например:

И еще говорил и говорил добрый старик, пока не заметил, что убитое лицо друга **немного посветлело** (Перм.).

Во время отпуска она **немного посвежела** (из разговора).

Ему **немножко полегчало** (из разговора).

Без такого контекстуального показателя уменьшительности, ослабленности перечисленные глаголы могут восприниматься как видовые коррелянты бесприставочных форм[3]:

мороз крепчает — мороз **покрепчал**

за окном уже светлеет — за окном уже **посветлело.**

---

[1] Мы считаем, что в результате указанной соотнесенности и приведенные глаголы с приставками **о-, за-, рас-** сохраняют количественное значение, поэтому их нельзя считать видовыми парами соответствующих производящих основ.

[2] Ср.: В. П. Григорьева. Префиксация как средство внутриглагольного словопроизводства в современном русском литературном языке. Канд. дисс., М., 1956, стр. 101.

[3] Ср. квалификацию ряда глаголов, включенных нами во вторую группу, как видовых пар соответствующих бесприставочных глаголов, с которой мы встречаемся в различных работах, например, в канд. дисс. Е. А. Земской. Вопросы изучения приставочного словообразования глаголов в современном русском языке, М., 1952, стр. 319 (**посветлеть**); указ. соч. В. П. Григорьевой, стр. 110 (**потончать**) и в др.; а также в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова и «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (многие из перечисленных глаголов).

Подобная характеристика этих слов может служить косвенным подтверждением нашей мысли о том, что без контекстуального выразителя деминутивного значения они осознаются одним из членов видовой пары.

8 Заказ 13051.

Однако значение уменьшительности в них совсем не стерлось, оно лишь побледнело. И поскольку приставка в известной мере сохранила свое уменьшительное значение, постольку при этих глаголах нельзя употреблять наречия, называющие высокую степень признака (сильно, очень, совершенно и т. д.)[1]. Ведь значение таких наречий противоречит семантике деминутивных глаголов.

С другой стороны, как уже сказано, уменьшительность этих производно-приставочных образований вполне отчетлива лишь при поддержке извне. В случае отсутствия внешнего контекстуального выразителя уменьшительного значения деминутивность приставочных глаголов в речи как бы нейтрализуется, и они осознаются видовыми парами исходных основ. Следовательно, в этой группе глаголов лексическую функцию приставки нельзя считать основной, но и грамматическая не стала главенствующей, ибо она в данном случае не единственная.

3. К третьей группе относятся глаголы, свободно сочетающиеся с наречиями высокой степени признака: **побелеть, побледнеть, побуреть, поважнеть, повеселеть, повзрослеть, поглупеть, поголубеть, погрустнеть, подешеветь, помолодеть, постареть, пожелтеть, позеленеть, покраснеть, поредеть, поседеть, похудеть, потеплеть** и др.

Например:

(В штабе) находился **окончательно поглупевший** от переутомления генерал Горбатовский (Степ.).

Щедрин **сильно поседел** (Пауст.).

Полки **сильно поредели** (Рак.).

Городок Б. **очень повеселел,** когда начал в нем стоять*** кавалерийский полк (Гог.).

Способность глаголов с приставкой **по-** присоединять наречия **очень, сильно, окончательно** и т. п. свидетельствует о полном стирании деминутивного значения в них. Таким образом, в глаголах третьей группы наблюдается делексикализация приставки и превращение ее в чисто видовой префикс. Другими словами, приставка здесь имеет только одну функцию — грамматическую.

Итак, разобранный структурно-семантический тип префиксальных глаголов обнаруживает разное взаимоотношение лексической и грамматической функций приставки **по-.** Две группы этих глаголов оказываются на противоположных по-

---

[1] Ср.: А. Н. Тихонов. Чисто видовой префикс **по-** в русском языке. — Труды Самаркандского ун-та, нов. сер. вып. 118, Самарканд, 1962, стр. 83.

люсах: в первой доминирует лексическая, в третьей — грамматическая функция. Вторая же группа занимает промежуточное положение: лексическая функция здесь несколько ослаблена, но грамматическая не стала единственной и потому основной. Глаголы этой группы и составляют тип, переходный между чисто видовыми и лексическими образованиями.

* * *

Глагольный вид — категория сложившаяся, но еще продолжающая развиваться. Любой глагол современного русского языка подводится под эту категорию, но далеко не каждое глагольное слово выступает в двух видовых формах, хотя это является грамматической нормой, этого требует грамматическая система нашего языка. Видовая дефективность глаголов в одних случаях закономерна, она объясняется несовместимостью их значения со значениями совершенности или несовершенности[1]. Однако дефективными в отношении вида пока являются и многие глагольные слова, лексическое значение которых не препятствует функционированию их в двух видовых формах. Вот эти-то глаголы и составляют базу дальнейшего развития категории вида. Таковы, в частности, простые (бесприставочные) глаголы, обозначающие предельные по своему характеру действия. В кругу именно этой глагольной лексики такое словообразовательное средство, как приставки, превращается в средство формообразовательное. Синхронный анализ одного структорно-семантического типа префигированных предельных глаголов позволил установить некоторые из условий, путей, способствующих или препятствующих грамматикализации глагольной приставки. Ими в данном случае являются различие контекстуальных свойств отдельных групп глаголов рассмотренного типа и особое положение одной из намеченных групп в общей системе приставочной глагольной лексики.

---

[1] См. Ю. С. Маслов. Вид и лексическое значение глагола в современном русском языке. — Известия АН СССР, ОЛЯ, т. VII, вып. 4, 1948; Ю. С. Маслов. Глагольный вид в болгарском языке.—Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959, стр. 191; Г. Г. Кухтенкова. Способы действия и их влияние на вид глаголов.—Вопросы современного русского литературного языка, вып. I, Челябинск, 1966, стр. 17—18.

Список условных сокращений

1. А. Т.	—	А. Н. Толстой
2. Бун.	—	И. А. Бунин
3. Гог.	—	Н. В. Гоголь
4. Лавр.	—	Т. А. Лавренев
5. Лид.	—	В. Г. Лидин
6. Марк.	—	Г. М. Марков
7. М. Г.	—	М. Горький
8. П.	—	А. С. Пушкин
9. Пан.	—	В. Ф. Панова
10. Пауст.	—	К. Г. Паустовский
11. Перм.	—	Е. Н. Пермитин
12. Пис.	—	А. Ф. Писемский
13. Рак.		Л. И. Раковский
14. Степ.	—	А. Н. Степанов
15. С.-Щ.	—	М. Я. Салтыков-Щедрин

К ВОПРОСУ О СИНОНИМИКЕ ОБЪЕКТНЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ (О СООТНОШЕНИИ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ КОНСТРУКЦИЙ СО ВТОРИЧНЫМИ ПРЕДЛОГАМИ)

З. П. ПЕТРОВА,
Бирский пединститут

Среди объектных словосочетаний выделяются своей частой употребительностью словосочетания с изъяснительными отношениями. В них при глаголах речи, мышления существительное — объект чаще всего является лексически обусловленной зависимой формой, но предложно-падежные формы допускают вариантность.

Все словосочетания с объектно-изъяснительным значением, структурно разнообразные и выражающие оттенки этого значения, можно объединить в синонимический ряд (рассказал историю, рассказал о своей жизни, рассказал про друга, рассказал насчет выставки и т. д.). Различия в нем связываются с изменением предлога, выбор которого определяется стилистической направленностью высказывания, лексическим значением глагола или принадлежностью его к определенному стилистическому пласту.

Вариантность образуют предлоги первичные (о, про) и вторичные (насчет, относительно, касательно, по поводу).

Первичные предлоги можно считать «специализированными» на выражении изъяснительного значения, у вторичных предлогов процесс этот не завершен, т. к. они употребляются не только при глаголах речи, мышления.

В 18 в. идет общий процесс пополнения различных функционально-смысловых предлогов. Пути образования их различны: через ступень «онаречивания», без «ступени онаречивания», на базе несвободного сочетания слов. В это же время образуются и производные предлоги синонимического ряда с

изъяснительным отношением—предлоги «насчет», «относительно», «касательно». Базой их образования исследователи считают официально-деловую речь[1].

Из синтаксически связанного употребления слов возникают предлоги «относительно до, к», «касательно до, к», восходящие к кратким формам качественных прилагательных среднего рода[2].

Путем вычленения именного компонента юридической формулы и типа «отнести расходы на счет кого-то» возник предлог «насчет».

Элемент релятивности, содержащийся в семантике знаменательных слов, ускорил переход их в разряд предлогов. В 19 веке все они приспосабливаются к разным сферам языка. Оказавшись в новой лексико-грамматической группе слов, они подвергаются изменениям, свойственным данной группе. В результате этого к 30 г. 19 века составные предлоги «касательно до», «относительно к» заменяются простыми — «относительно», «касательно».

Вместе с падежной формой существительного перечисленные предлоги служат для выражения объектно-изъяснительных отношений, но отличаются от первичных предлогов «о», «про», функционально однозначных с ними, некоторыми особенностями.

Предлог «насчет» с формой родительного падежа существительного при глаголах речи, мышления, чувства выражает объект речи, мышления, чувства, синонимически соотносясь с предлогом «о». Конструкции с ним отличаются от конструкций с первичными предлогами стилистически, своим просторечным оттенком. Он сочетается с существительными, называющими лицо, конкретный предмет, понятие абстрактное. Чаще всего он используется в речи диалогической (из 70 примеров картотеки 40 представляют реплики диалога).

> **Насчет сентиментальности** много можно **сказать** смешного и забавного, но мы хотим судить о ней, а не потешаться ею (В. Бел). **Как наш осел завел насчет овса!** Почем теперь овес, да как овес хранится.

---

[1] Е. Т. Черкасова. К изучению образования русских отыменных предлогов. Материалы и исследования по истории русского литературного языка. т. 5. М., 1962. Ее же. К изучению образования русских отыменных предлогов. Исследования по грамматике русского литературного языка, М., 1955.

[2] В. В. Виноградов относит их к наречным предлогам. См. в кн. «Современный русский язык», М., 1938, стр. 514.

Да почему сытней он, чем пшеница. Он говорит уж полчаса. (Михалк).

Вайнонен: Ну, я могу еще **насчет офицера** что-нибудь **сказать?** (Вишн).

— А **насчет** мерзлой **картошки** Татьяна верно **сказала.** (Копт).

Предлог этот не стал еще сугубо изъяснительным, «специализирующимся» на выражении данного значения. Очень живы его связи с другими глаголами в современном языке. Так, при глаголах движения предложно-падежная конструкция с предлогом «насчет» имеет целевое значение.

— Славный у тебя мальчуган, — промолвил он, посмотрев на часы, — а я **завернул** сюда **насчет чаю** (Тург).

Твердова: Ты зачем **ездил** к Роговой?
Милашкин: **Насчет пустошки.** А что? (Вирта).

Отношения эти могут быть разнообразны при других глаголах.

Только ты **насчет ссоры** или **драки,** ну, и **насчет чужого, поостерегись,** Аркаша. (Остр).

— Игнат, — сказал он, — **схлопочи-ка насчет чая.** (М. Г.). Николай Васильевич прозвал меня женихом Анны Васильевны и так **разгулялся** однажды **насчет** будущей нашей **свадьбы,** что был вытолкан обеими сестрицами в спину (Гонч.).

Другой особенностью этого предлога является возможность его сочетания с глаголами, которые по своим лексико-грамматическим особенностям не сочетаются с конструкцией «о+Пп». К ним можно отнести глаголы **возражать, обсказать, пикнуть, объясниться, разъяснить** и др., которые называют способ передачи речи. Объект с изъяснительным значением при них возможен только в форме родительного падежа с предлогом «насчет».

Лизавета Прохоровна настаивала в тайном совете с мужем, чтобы **объясниться** с князем решительно **насчет Настасьи Филипповны** (Дост.) Нельзя: объясниться о чем.

— А мальчик славный, — промолвил офицер, когда Маркушка побежал. — То-то башковитый, ваше благородие. Небось, поймет, что вы **насчет войны обсказывали.** (Станюк). Нельзя: обсказывать о чем.

Кажется, она **не возражает насчет обнимки-то,** —

засмеялся старшина Воронин (Казак). Нельзя: возражать о чем.

...а Годунов пошел **объясняться** с хозяйкой **насчет завтрака** (Казак). Нельзя: объясняться о чем...

Иногда и фразеологическое сочетание со значением глагола речи («открыть глаза» — рассказать о ком-то все) или глагол, употребленный в переносном значении («пройтись» насчет кого-то—бегло что-то о нем сказать) допускает при себе объект со значением «предмета речи» лишь с предлогом «насчет».

— Вы говорите, что **откроете** ей **глаза насчет мужа?**— Так знайте, что ни одному слову вашему она не поверит. (Остр). Нельзя: открыть глаза о...

Такое же употребление предлога «насчет» мы видим при глаголах мышления и при фразеологизмах со значением глаголов мышления.

Мы, коммунисты, не только должны быть точными исполнителями директив и предписаний, но и ...**орудовать мозгами насчет инициативы** и **творчества...** (Гладк). Нельзя: орудовать мозгами о...

Не покажи я фигуру Рахметова, большинство читателей **сбилось** бы **с толку насчет главных действующих лиц** моего рассказа (Черныш.). Нельзя: сбиться с толку о ...

Наконец, предлог «насчет» отличается от первичных предлогов своей частой употребляемостью в эллиптических сочетаниях, т. е. в таких, где сокращен глагол. Первоосновой такого типа сочетаний следует считать конструкции «глагол+предлог+имя», но иногда в глаголе не оказывается логической необходимости, т. к. он может быть восстановлен по контексту или по ситуации (он может быть и в «словах автора» при прямой речи).

Ну, как **насчет «пыщи»?** — зло спросил его Брак (Ильф и Петр.). Ахов: Что тебе надобно, Ипполит? Я **насчет жалованья** (Остр.). Когда в субботу Иван Васильевич напомнил Коротееву, что он завтра ждет его к обеду, Дмитрий Сергеевич подумал: ...ясно, **насчет проекта** Брайнина. (Эренб.). А как вы **насчет колхоза?** — спросил его Ярулла (Копт.).

Обычно эта предложно-падежная форма входит в состав одной из реплик диалога; она представляет собой неполное

предложение, в котором сказуемое (т. е. первый компонент словосочетания) восстанавливается из предыдущей реплики.[1]

Особенностью предлога «насчет» является и его возможность вместе с существительным образовывать конструкции с двойным обозначением, или «сегментированные конструкции»: тема высказывания, обозначенная предложно-падежной конструкцией, повторяется в последующей части, которая содержит само высказывание. Наиболее распространенным типом такой конструкции является именительный представления[2], или именительный темы[3].

Конструкции эти представляют собой экспрессивно-синтаксические средства, которые подчеркивают, выделяют тот или иной отрезок речи на нейтральном фоне.

Сегментированные конструкции характерны для разговорной речи, поэтому из предложно-падежных сочетаний в этой функции чаще выступает существительное с предлогом «насчет», разговорным по своей стилистической отнесенности.

> — А ежели **насчет выпить** то почему не выпить? **Выпить можно.** (Ч.).
>
> — Мы не обижаемся господами, только вот **насчет** тесноты, — сказал другой... мужик... **Жить тесно стало** (Л. Т.). Скажите, пожалуйста, Иван Никифорович, я все **насчет ружья: что вы будете с ним делать?** (Гог.)

Таким образом, предлог «насчет» преобладает в речи диалогической, где предложно-падежные конструкции с ним образуют сложные структуры; сочетается он с глаголами различной семантики, а не только с глаголами речи и мышления; процесс специализации его на выражении изъяснительных отношений продолжается.

Возникнув в речи деловой, на базе традиционной формулы, он проникает во все стили, не всегда усиливая оттенок разговорности.

---

[1] С предлогом «о» эллиптические формы словосочетания встречаются реже, хотя возможны.

Теперь два слова о себе (А. П. Чехов—А. Н. Плещееву, 19 января 1888). Теперь, дорогой Алексей Сергеевич, позвольте о скучных делах. (А. П. Чехов—А. С. Суворину, 15 октября 1889).

[2] Так впервые назвал ее А. М. Пешковский. См. в кн.: «Русский синтаксис в научном освещении», гл. XXI. М., 1938.

[3] А. С. Попов, считая, что слово соотносится с понятием, уточняет этот термин, изменив его в «именительный темы». Конструкции с двойным обозначением отличаются большим разнообразием. См. А. С. Попов. Именительный темы и другие сегментированные конструкции в современном русском литературном языке. Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., «Наука», 1964.

Предлоги «относительно», «касательно», закрепившиеся в литературном языке как простые, расширили грамматические способы выражения изъяснительных отношений, внося в синонимический ряд стилистико-семантические оттенки, связанные с семантикой знаменательных слов, на базе которых они формировались. При глаголах речи, мышления вместе с падежной формой они образуют конструкции со значением «то, что касается как-то речи, мышления; то, что относится к речи, мышлению».

Предлог «относительно» более свойствен научно-деловому стилю, «касательно» придает речи архаическую окраску, мало употребителен.

> **Относительно** его **применения** (сравнительно-исторического метода — З. П.) в фонетике и морфологии обычно **не спорят** (В. Н. Топоров, Локатив в славянских языках).
>
> **Касательно картины Куинджи** я **ответил** Ивановой письмом, известил (Чист.). **Касательно** будущих **сочинений** моих могу **сообщить** тебе очень приятное известие: на днях обедал у Островского, и он сам предложил написать мне новое великолепное либретто (Чайк.).

Предлоги эти, менее употребительные, чем «о», «про», не специализировались на выражении только изъяснительных отношений. Это объясняется, очевидно, тем, что в них жива семантика знаменательных слов, от которых предлоги образованы (иметь отношение, касательство к предмету может любое действие, а не только речь, мысль), незавершившимся процессом формализации этих предлогов.

> Нужно сознаться, она (мать Лизы — З. П.) немного дурно **поступила относительно Лизаньки,** она, конечно, от избытка сердца изменила ей и вздумала показать потихоньку подарок... (Дост.)

В первой половине 19 века в круг формантов сложносоставных предлогов вовлекаются существительные обобщенных значений, образуя предлоги типа «на тему о», структурные типы отыменных предлогов обогащаются за счет препозитивного «по» (говорить по поводу).

> Разноцветные девицы **говорят на тему о мужчинах** (Ч.). Буквально тысячи стихотворений **написаны** были **на тему о Синопском бое,** и бурный поток этих стихов затопил редакции всех издававшихся тогда газет и журналов (Серг.-Ценск.). Они могли бы **сказать** кое-

что очень веское **по поводу** все более растущих **трат** на вооружение, **по поводу** бессмысленной **траты** металла на пушки и танки, **по поводу** новой, затеваемой капиталистами всемирной **бойни** (М. Г.).

Предлоги эти тяготеют к книжным стилям речи, отличаясь от нейтрального предлога «о» стилистически и семантически, о чем можно судить по противопоставленности их.

Истые критики и упрекнут нас опять, что статья наша **написана не об Обломове,** а только **по поводу Обломова** (Доброл.).

Следовательно, «о» вместе с зависимым существительным обозначает «предмет речи, мышления», точнее, раскрывает содержание речи, мышления, что не передается конструкцией «по поводу+существительное».

Очевидно, позднее идет процесс «упрощения» предлога «по поводу» (как и составных предлогов «относительно до», «касательно до») и превращение его в простой, со значением изъяснительности, стилистически более нейтральным.

По другим **кандидатурам** ты **не возражал** (Гран.)...
...так же он **по хлебным делам** мужиков **уговаривает** (Леон.).

Проанализированный материал позволяет сделать вывод о том, что круг предлогов с объектно-изъяснительным значением пополнился в 18—19 вв. вторичными предлогами. Появление их расширило способы выражения объектных отношений, обогатив синонимический ряд конструкций с этим значением. Передавая общее изъяснительное значение, они отличаются от первичных предлогов стилистически, конструктивно.

Появление их в языке свидетельствует о росте синонимического ряда с объектно-изъяснительным значением.

Список условных сокращений

1. В. Бел. — В. Г. Белинский
2. Вишн. — В. В. Вишневский
3. Вирта — Н. Е. Вирта
4. Гладк. — Ф. В. Гладков
5. Гонч. — И. А. Гончаров
6. Гран. — Д. Н. Гранин
7. Доброл. — Н. А. Добролюбов
8. Дост. — Ф. М. Достоевский
9. Ильф и Петр. — И. А. Ильф и Е. П. Петров
10. Казак. — Э. Г. Казакевич
11. Копт. — А. Д. Коптяева

12. Леон. — Л. М. Леонов
13. Л. Т. — Л. Н. Толстой
14. М. Г. — М. Горький
15. Михалк. — С. В. Михалков
16. Остр. — А. Н. Островский
17. Серг.-Ценск. — С. Н. Сергеев-Ценский
18. Станюк. — К. М. Станюкович
19. Тург. — И. С. Тургенев
20. Ч. — А. П. Чехов
21. Чайк. — П. И. Чайковский
22. Черныш. — Н. Г. Чернышевский
23. Чист. — П. П. Чистяков
24. Эренб. — И. Эренбург

ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ ЮЖНОУРАЛЬСКИХ КРЕПОСТЕЙ XVIII ВЕКА

С. Г. Шулежкова,

Челябинский пединститут

«Русские памятники XVIII в. в лингвистическом отношении так мало разработаны, что всякое указание хотя бы на одни внешние особенности текста, до сих пор не привлекавшегося к исследованию, имеет уже само по себе известное научное значение».

(Г. О. Винокур. Любопытный памятник XVIII в., «Доклады и сообщения института русского языка», вып. 2. М-Л., 1948, стр. 80).

I

Деловой язык в XVIII веке переживал эпоху бурного расцвета. Преобразования Петра Великого, коснувшиеся и административного устройства страны, сопровождались учреждением всевозможных коллегий, канцелярий, контор, комиссий, привлечением к чиновничьей деятельности тысяч «умеющих грамоте» представителей среднего и низшего сословия. Это не могло не способствовать совершенствованию старого приказного языка, его обогащению и известной демократизации. Деловой язык XVIII века все сильней и сильней «заявляет свои права на литературность»[1],— отмечает В. В. Виноградов. Г. О. Винокур решительно утверждает, что «деловая письменность XVIII века также становится литературой».[2]

---

[1] В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., Учпедгиз, 1938, стр. 46.

[2] Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., Учпедгиз, 1959, стр. 114.

В. Д. Левин не без основания считает одной из стилистических разновидностей литературного языка не только деловую речь XVIII века, но и язык деловых грамот Киевской Руси[1]. Можно спорить о месте делового письма в более ранние периоды развития, но нет сомнения в том, что деловой язык XVIII века действительно стал одной из стилистических разновидностей русского литературного языка, причем на фоне общей неуравновешенности, господствовавшей в языке художественной литературы, засилия в ней «славянщины» и процветания на местах территориальных диалектов, деловой язык выгодно отличался своей нормативностью, строгостью отбора словесного материала (а «понятие нормы — центральное в определении национального литературного языка»)[2]. Именно этим объясняется тот факт, что деловой язык, в основу которого лег язык московских приказов, обогатившись за счет заимствований и диалектов, стал общегосударственным языком Российской империи. «В основу формирования своего литературного языка дворянство положило деловой канцелярский диалект, главным образом, диалект посольского приказа», — пишет И. А. Елизаровский[3].

Изучение делового языка XVIII века представляет интерес не только потому, что он влиял на становление норм национального литературного языка, но и потому, что он в какой-то мере отражал живой разговорный язык эпохи, питаясь его соками. «...язык московских приказов все больше и больше соответствовал народному пониманию, так как приближался к народному языку, а потому стал языком новой литературы»,—говорит Е. Будде[4]. «Создание делового приказного языка, наиболее доступного влиянию окружающей среды, в сильной степени облегчало победу идей о слиянии книжного языка с народным», — замечает А. А. Шахматов[5].

---

[1] Д. В. Левин. Краткий очерк истории русского литературного языка. М., «Просвещение», 1964, стр. 19 и др.

[2] В. В. Виноградов. Различия между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпохи. Доклад на V Международном съезде славистов, София, сентябрь, 1963, ОЛЯ. М., 1963, стр. 26.

[3] И. А. Елизаровский. Русская речь XI—XIX вв. Архангельск, 1937, стр. 98.

[4] Е. Будде. Очерк истории современного литературного русского языка (XVII—XIX вв.). ЖМНП, январь, Спб, 1901, стр. 47.

[5] А. А. Шахматов. Очерки современного русского литературного языка. Л., 1925, стр. 9.

II

Официально-деловые документы южноуральских крепостей XVIII века представляют собой типичные образцы нового приказного языка. Сравнение их с московскими и донскими памятниками этой же эпохи показало, что, несмотря на наличие определенных диалектных черт, проявляющихся в части лексико-фразеологического состава, в некоторых морфологических и фонетических отклонениях, само построение документов, способы их оформления, синтаксические конструкции и многие канцелярские штампы являются общими. Централизация государственного аппарата, складывание национального рынка, формирование самой русской нации способствовали, таким образом, унификации языка, и прежде всего языка делового.

В сравнении с приказным языком предшествующих эпох деловой язык XVIII века отличается большим разнообразием жанров, появлением новых видов делового письма, исчезновением старых. Изменились многие названия. Отступают на задний план прежние грамоты (купчие, договорные, дарственные, жалованные и т. п.), на смену им приходят контракты, указы, рапорты, ордера, промемории, квитанции и т. д.

Описываемый нами фонд (№ 63, «Миасская крепость») содержит около 900 листов, по преимуществу рукописных, относящихся к 30—90-м годам XVIII столетия, самым неисследованным в лингвистическом отношении.[1]

В зависимости от сферы употребления, назначения, от авторства, все документы можно разделить на 4 группы: 1) военно-административные: а) направляемые от высших инстанций к низшим (указы, приказы, ордера, промемории), б) направляемые от низших инстанций к высшим (рапорта, ведомости, доношения, известия); 2) внутриканцелярские бумаги, дела самого учреждения (приходные и расходные книги, окладные книги, именные реестры — именные ведомости — именные списки, росписи, описи и т. д.); 3) юридические документы; а) исходящие от «жалобщика», обычно лица пострадавшего (челобитные, изветы, объявления), б) сопровождающие судеб-

[1] «Любопытно, что даже те историки русского языка, которые расширяют объем понятия «литературный язык», включая в него и разновидности деловой речи, с XVIII в. и, во всяком случае, с его второй четверти, обычно уже не следят за историей изменений канцелярско-деловых стилей речи» (В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. Доклад на IV Международном съезде славистов. М., 1958, стр. 29.

ное следствие (допросные речи — допросы, пыточные речи — сказки, поручные записи—поруки); 4) документы социально-бытового характера: а) подтверждающие сделку двух сторон, передачу имущества, денег от одного лица к другому (расписки, подписки, квитанции), б) документы, закрепляющие решения коллектива (выборы).

Самыми многочисленными в нашем собрании являются военно-административные документы (указы, рапорты, доношения...). Они составляют около 70% от общего числа.

Деловые документы строятся всегда по строго определенным законам, независимо от того, кто является их автором. «Памятники не являются каждый сам по себе индивидуальным продуктом ума,— справедливо замечает исследователь западнорусского канцелярского языка Станг,— они создаются по определенным образцам и содержат в большей части язык формул. Они (формулы—С. Ш.) существуют независимо от королей, канцеляристов и писарей и принадлежат определенным типам документов»[1]. Действительно, каждый из исследованных нами типов (жанров) документов заключен в строгие рамки, имеет свой зачин (Einleitungsformel по Стангу) и свою концовку (Abschlußformel). Текст любого документа предваряется заголовком («шапкой»), где в строго определенном порядке указывается учреждение (лицо), от которого посылается документ (в родительном падеже), учреждение или лицо, которому документ отправляется (в дательном падеже), и название документа (в именительном падеже): «Указ Ея Императорского Величества изЫсецкой правинциальной канцелярии Мияской крепости ротному квартермистру Стрюкову»; «Высокоблагородному и высокопочитаемому гдну секунному майору Дмитрею Григорьевичу Сухотину с товарыщи Эткульской крепости сотника Саночкина **доношение**» и пр.

Начинаются Указы примерно так: «Сего 740 году марта I дня по указу **Ея Императорского Величества** ВЫсецкой правинциальной канцелярии определено...»[2], «выбор» неизменно сопровождается следующей формулой: «**Сего** 1746 **году** июля **7 дня... крепости казачей старшина... и все тоя крепости казаки выбрали мы по обчему нашему мирскому совету бывшему** акцызному целовальнику... **на перемену** в целовальники...».

[1] Chr. S. Stang. Die westrussische Kanzleisprache des Großfürstentums Litauen. Oslo, 1935, стр. 132.

[2] Здесь и дальше в параграфе выделены постоянные компоненты зачинов, концовок и других составных частей памятников.

Все военно-административные документы, направляемые от высших инстанций к низшим, заканчиваются требованием «**о вышеписанном ведать и чинить о том по сему Ея (Его) Императорского Величества** указу (приказу и т. д.)», а рапорта, доношения, известия (1 б подгруппа) — почтительным «о **том**... канцелярия **благоволит быть известна**». Если же документ адресован лицу, более высокому по чину, то он завершается фразой **«вашего благородия послушный (покорный) слуга»** или «о чем **покорно доношу** (репортирую)». Последние две концовки в какой-то мере отражают отмирающие традиции челобитных XVI—XVII вв., когда автор стремился доказать свое уважение адресату, всячески принижая себя, называя «холопом недостойным», «рабом», подписывался «Ванькой», «Андрейкой», «Степкой»[1] и т. д. Юридические акты, сопровождающие судебное следствие (сказки, допросные речи, пыточные речи), в конце имеют выражение «**и в** сем допросе (в сей сказке) **сказал сущую правду и ничего не утаил**». Если документ должен быть подписан лицом неграмотным, то писарь ставит свою подпись и сопровождает ее традиционным штампом **«Ксему** допросу вместо Ипата Зимина **его прошениемъ** казакъ Филипъ Копте.ловъ **руку приложилъ»** (Л. 718, 1746, М.)[2].

Последняя формула сопровождает обычно и документы 4-й группы (выборы, квитанции, расписки и т. д.).

Южноуральские официально-деловые документы, состоят, как правило, из двух частей[3]. Первая часть, констатирующая, указывает на различные обстоятельства, причины, которыми вызывается необходимость что-либо совершить. Само же существо приказа, указа и т. д. излагается во второй части, постановляющей. Обе части объединяются излюбленным канцелярским союзом, проникшим даже в XIX век[4], «понеже... того ради» и представляют собой в синтаксическом отношении одно сложное целое.

[1] См. С. И. Котков, Н. П. Панкратова. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII—начала XVIII века. М., «Наука», 1964.

[2] После примеров в скобках: Л.—лист, след. цифра—номер листа, дальше—год написания документа, М.—фонд Миасской крепости, хранящийся в Челябинском государственном архиве под № 63.

[3] О двухступенчатой структуре уставных грамот см. у Н. Загоскина «Уставные грамоты XIV—XVI вв.» вып. II. Казань, 1876, стр. 1, Изучением структуры грамот занимался А. А. Шахматов (см. его «Исследование о двинских грамотах XV в.», ч. I и II, т. II, вып. 3, сб. ОРЯС Императорской АН. Спб., 1903 и др. работы).

[4] Э. И. Коротаева. Союзы, выражающие отношения, причины и цели. Уч. зап. ЛГУ, вып. 38, № 235, 1958, стр. 62.

«Указ ЕИВСВ[1] изЫсецкой правинциальной канцелярии ВМИяской крепости комисару Клементьеву и старшине Пашнину. Понеже вЫсецкой правинциальной канцелярии небЕзызвестно[2], что вМияской крепости исказаков умЕющие дЕлать окончины казакъ Матвей Костогоровъ есть которой здесь для дЕла ввоеводскомъ дому ивпровинциальной канцелярии окончинъ весма надобЕнъ ачаятельно, что оной посланъ на линию вслужбу **Того ради** вЫсецкой правинциальной канцелярии определено квамъ комисару истаршинЕ послать сей указъ по которому должны вы ежели онъ вкрепости то выслать сполучениемъ сего указу тогожъ числа абуде налинии то потомужъ немедленно оставшими втой крепости казаками сменить иприслать Высетскую провинциальную канцелярию и камисару Клементьеву истаршине Пашнину учинить отомъ посему ЕИВ указу августа 31 дня 1746 года» (Л. 690).

Такая двухступенчатая структура характерна и для многих современных деловых документов[2] (ср. заявления граждан, рапорта военнослужащих, приказы руководителей предприятий и т. д.), хотя средства связи изменились (в связи с тем, что; так как и пр.).

III

Стилистическое своеобразие делового слога складывается из совокупности лексико-фразеологических, синтаксических и морфологических черт. Особый колорит исследуемым памятникам придают «канцелярские штампы»[3], являющиеся строительным материалом различных жанров делового письма. Это

---

[1] ЕИВСВ — Ея Императорское Величество Самодержица Всероссийская.

[2] См. об этом: П. В. Верховский. Письменная деловая речь. М.-Л., изд. «Техника управления», 1931, стр. 164.

[3] О канцелярских штампах см. работы: Н. С. Антошина. Закарпатская грамота 1404 г., Науч. зап. Ужгородского ун-та, изд. Львовского ун-та, 1955, стр. 20; А. К. Ващенко. Материал, извлеченный из рукописных памятников, писанных ельчанами в XVII в., и краткий комментарий к нему (фонетика). В кн.: «Вопросы русского языкознания», Саратов, 1961, стр. 75; П. В. Верховский. Письменная деловаая речь..., стр. 137 и след., 199 и след.; Л. Я. Костючук. Устойчивые словосочетания в древнерусском деловом языке (по грамотам XI—XIV вв.). Канд. дисс., Л., 1964, стр. 68—69; А. А. Назаревский. О литературной стороне грамот и других документов Московской Руси начала XVII в., изд. Киевского ун-та, 1961, стр. 70; Chr. S. Stang. Die westrussische Kanzeisprache.., стр. 132 и др.

слова, словосочетания, а иногда предложения, которые с некоторыми вариантами включаются в зачины, концовки, в ткань самих памятников определенных типов почти механически: «бить челом» (из челобитных изветов, объявлений), «руку приложил» (из юридических документов и актов, скрепляющих сделки купли, продажи, передачи имущества); «определено велено»; (из указов, промеморий, приказов, ордеров); «пусченной... полученной», «ниже сего», «нижеписанной», «вышеписанной» (из собственно канцелярских документов); «я, нижайший» (из челобитных, прошений); «вашего благородия послушный (покорный) слуга» (из рапортов, доношений); «сказал сущую правду и ничего не утаил» (из пыточных речей, допросов и сказок); «и о сем... канцелярия (кантора) благоволит быть известна» (из известий, доношений) и т. д. Частично канцелярские штампы представляют собой устойчивые словосочетания, которые вышли за пределы делового стиля, получили переносное значение и стали достоянием литературного языка (бить челом, руку приложить).

Характерной особенностью официально-деловых документов XVIII века, в том числе и южноуральских, является их высокая насыщенность терминами, одиночными и составными, в значительной части иностранными по происхождению[1]: провинциальная канцелярия, ротный квартермистр, генеральный репорт, ординарная почта, легкая артиллерия, казенная аммуниция, имянной реестр; арест, авангард, комиссия, коллегия, контора и т. д. Широко представлена в деловом языке отвлеченная лексика, часто со старославянскими суффиксами (против**ность,** отня**тие,** дей**ство,** смотре**ние,** житель**ство,** стара**ние**, удоволь**ствие,** расставл**ение**, учин**ение**, наряж**ение**, укры**тие**). Церковнославянизмы и вообще архаизмы встречаются обычно в зачинах, концовках документов (**сего** дня, к **сему** извету руку приложил) или в устойчивых словосочетаниях (боже **упаси,** ваше **благородие,** по **ся** время, ваше **сиятельство**). В сравнении с приказным языком предшествующих эпох сократилось число слов с уменьшительно-ласкательными

[1] W. Christiani. Über das Eindringungen von Fremdwörter in die russishe Schriftsprahce des 17. und 18. Jahrhunderts. Berlin, 1906 (BX); Н. А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. Сб. ОРЯС Императорской АН, т. 88, Спб, 1910, стр. 4—5; В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII — XIX вв. М., Учпедгиз, 1938, стр. 51—55; Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку, стр. 68; Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.-Л., «Наука», 1965, стр. 44.

и уничижительно-пренебрежительными суффиксами. Они остались только в челобитных. Нет стремления к образности, изобразительности. Надо всем тяготеет требование предельной четкости, ясности изложения.

Рассматривая лексико-фразеологический состав южноуральских деловых памятников, нельзя не отметить удивительную последовательность канцеляристов в замене аналитическими структурами тождественных с ними по значению одиночных глаголов. Так, вместо «приказать» находим «отдать приказ», вместо «смотреть» — «иметь смотрение», вместо «продавать» — «производить продажу», вместо «бесчинствовать» — «учинять бесчиния», вместо «надеяться» — «иметь надежду», вместо «наказать» — «учинить наказание» и т. д. Это объясняется, вероятно, большей способностью существительных выражать абстрактные, терминологические значения. Отсюда обилие отглагольных существительных в деловых документах изучаемой эпохи (делание, борение, отнятие, строение, писание и т. д.).

IV

Для синтаксиса южноуральских памятников типичны сложные конструкции с развитой системой сочинительных и особенно подчинительных связей. Это придает деловому языку некоторую тяжеловесность и иногда затрудняет понимание текста. Очень многие указы, расположенные на двух-трех листах, представляют собой один период, объединенный союзом «понеже..., того ради». Широко употребительны союзы «а буде... то», «естли же... то», «не токмо... но и», «того для», «так как», «ибо», «то есть», «ежели... то» и прочие:

Ежели подводчики прогонов взять не пожелают, **то** исказны им продаватца будут только подвенадцати копеекъ пудъ, апостороннимъ другихъ ведомствъ уже никому неотпущать (Л. 705, об., у., 1746, М).

А буде дооного озера отУйской лини орастояни верстъ здесь нетъ **то** для измерения ипознания верстъ послать стемиж подводами геодезии ученика одного иснимъ для скорейшей меры **еже**ли заудобность признаетца (казаковъ члвкъ двухъ) (Л. 696, у., 1746, М.).

...а естли вдомехъ ихъ нетъ или зачемъ кого послать неможно **то**бъ нарядя другихъ прислать сюда конечно тогож числа (Л. 701, у., 1746, М.).

...а ежели какъ здесь вкрепостяхъ **такъ и**вдистриктахъ порепортамъ оттуда кпоставке того числа соли охотниковъ небу-

детъ аотподполковника Бахметева осоли той что наономъ озере соль есть известие получитца **тогда** нарядить счисла душъ **какъ крестьян так** иказаковъ для привозу оной соли вказну вневолю укауказную поплакату плату заповерсные деньги (Л. 696, у., 1746, М.) и др.

Канцеляристы свободно пользуются вставочными, вводными конструкциями, в которых что-либо уточняется или сообщаются добавочные, попутные сведения: «Идля того ннЕ паки подтверждаетца 1-е при каждой крепости кругомъ иметь околицы **(или называемые поскотины)...** И ежели **(от чего боже сохрани)** какой будетъ неприятельский подбегъ хотя малыми людьми, то по разнице каждого лехко могутъ ксебЕ вруки получить и досмерти побить без всякого супротивления...» (Л. 303, ордер, 1744, М.).

Синтаксической особенностью деловых документов является препозитивный родительный падеж существительного, «очень распространенный уже в древнерусской деловой речи».[1]

«Присланы комне сего сентября 2 числа приуказе ЕИВ **Сибирской губернской канцелярии татаря** тридцать пять человекъ для определения впостроенные от Сибири к Оренбурху крепости...» (Л. 52, о. п., 1740, М.).

«И наоное Высецкой правинциальной канцелярии определено для ведома представить Оренбургской губернской канцелярии и **Уйской линии командиру** чрез промемориальное сношение дать знать» (Л. 801, у., 1748, М.).

Мы вполне согласны с Л. А. Булаховским, который пишет: «Нет надежных оснований думать, что такого рода размещение слов восходит прямо к явлениям живой народной речи. В большинстве случаев данные конструкции производят впечатление книжных, отчасти возникших, может быть, под иностранным влиянием (такие, например, официальные, как Бутырского полка солдат), отчасти отразивших порядок слов, нормальный для обычных определений, выраженных именами прилагательными («Пили тамошнего изделия пиво» — «тамошнее пиво»; «Мне нравятся одни простого состояния женщины» — (одни простые женщины»)[2]. В. В. Виноградов объясняет обилие родительного препозитивного в литературном языке XVIII—XIX вв. влиянием латино-немецких конструкций.

---

[1] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Изд. Львовского ун-та, 1949, стр. 352.

[2] Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века. М., Учпедгиз, 1954, стр. 423.

Выдвинутый вперед родительный падеж существует и в современном русском литературном языке. Он является принадлежностью деловой[1] и поэтической речи[2]. Сохранили его также некоторые устойчивые словосочетания, обозначающие воинские чины (гвардии лейтенант, гвардии рядовой), боевые подразделения или различные организации (ордена Красного Знамени гвардейский полк, ордена Трудового Красного Знамени, Ленинский комсомол).

Синтаксис деловой и художественной речи XVIII века испытывал сильное влияние Запада, чему в немалой степени способствовала интенсивная переводческая деятельность Петровской эпохи. Сближались конструктивные формы русского языка с системами западноевропейских языков.[3] Особенно это отразилось на порядке слов, который был «больным вопросом русской литературной речи XVIII в».[4] Именно западноевропейским влиянием можно объяснить «рамочную конструкцию» многих предложений в южноуральских памятниках — постановку глаголов или других частей речи в функции сказуемого на конце предложения:

«Того ради симъ ЕИВ указамъ... **определяетц**а собравъ лутчихъ казаковъ а неподозрительныхъ спросить посамой сущей правдЕвышеписанной Полуяновъ **доброголь состояния человекъ** инапредъ сего **смертныхъ убивствъ и пожеговь ивоpовства нечинивал ли** и спокойнымъ Нестеромъ Илинымъ ссоръ и драк **небывалоль** да спросить бывшихъ снимъ Полуяновымъ где **смертное убивство учинилось...»** (Л. 775, у., 1747, М.).

«В Оренбургской губернской канцелярии... **требовано** чтобы осыску оныхъ утеклецов высецкой правинцы **публиковать»** (Л. 753, У., 1747).

«В Оренбургской губернской канцелярии... определЕно... оныхъ прибавочныхъ (денегъ) **небрать** которых всегда к настоящей пошлине **прибавливать** иособою статьею вприходной книге **означивать...** а что затемъ расходомъ будетъ **оставатца** оные купно с пошлинными денгами означивая ихъ особожъ

---

[1] См. заявления граждан (В профком ЧТЗ **работницы сборочного цеха Ивановой М. А.** заявление) рапорта военнослужащих («В штаб полка **командира подразделения Смирнова И. В.** рапорт) и другие документы.

[2] «Где ты, **бронзы** звон или **гранита** грань?». (В. В. Маяковский); «Луна спокойно с высоты Над белой церковью сияет И **пышных** гетманов сады. И старый замок озаряет». (А. С. Пушкин).

[3] В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка. XVII—XIX веков, стр. 49.

[4] Там же, стр. 112.

объявлять... анадругие расходы **недержать** и отомъ к оренбургским грацкимъ иакцызнымъ зборамъ и вовсЕ подчиненные Оренбургской губернии места послать указы дабы везде при Оренбургскомъ пошлинномъ скупечества зборе **поступано было»...** (Л. 754, у., 1747. М.).

Заимствованными из западноевропейских языков являются конструкции «имеет + инфинитив» и «иметь + существительное» (имеет быть, имеет сказать, имеет получить; иметь надежду, иметь смотрение, иметь жительство, иметь старание):[1]

«...а естли же де на Уйской линии вкрепостяхъ сено судовольствиемъ накошено будетъ то де накошеное казаками сено **имеют** они для своего скота **употребить...** в томъ числе и к вамъ посланъ указъ по которому имЕете вы ВМияской крепости казакамъ **приказать** сена ставить противъ прошлогоцкого со излишествомъ...» (Л. 699, у., 1946, М.).

«...а позаписании вту крепость сонымъ братомъ Никифоромъ в 740 году переехавъ **жительство имели** и дом свой завели...» (Л. 542, У., 1745, М.).

«...Высецкой правинциальной канцелярии определЕно впредь **осторожность** отоной болЕзни **иметь...**» (Л. 654, у., 1745, М.).

Одной из стилистических примет описываемых документов служит господство безличных предложений с глаголами в безличном значении и страдательными причастиями в функции сказуемого: «Понеже **усмотрено** здесь в ЧелябинскЕ что около крепости городъ местами развалился... того ради вамъ камисару и старшинЕ сим ЕИВ указом **определяется** около той крепости заплотъ, немедленно поправить» (Л. 806, у., 1748, М.).

V

В отличие от синтаксической системы, сугубо книжной, несущей на себе печать иностранщины, морфологическая система документов очень близка к языку разговорному. Здесь нет звательной формы, двойственного числа, исчез аорист, для обозначения прошедшего времени используются причастия

[1] О происхождении и значении этих конструкций см.: Л. Н. Шердакова. Конструкция **имеет + инфинитив** в языке дипломатических актов конца XVII—начала XVIII в. Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена, т. 248, Л., 1963, стр. 247—252; П. В. Верховский. Письменная деловая речь, стр. 76 и др.

на -Л и т. д. В этом отношении деловой язык опередил язык художественной литературы, где в XVIII в., особенно в «высоком стиле», старые формы считались нормой[1]. В южноуральских документах морфологические архаизмы можно встретить в устойчивых выражениях: «**боже** упаси», «**господи** помилуй», «**отче** наш (звательная форма); своей **смертью умре**» (аорист), особенно если речь идет о лицах императорского дома: «за подписаниемъ собственн**ыя** руки», «**ея** императорское величество», «блаженн**ыя** и вечнодостойн**ыя** памяти». «своею (щедр**ыя**) рукою» и т. д.

В. Гофман пишет, что «сохранившиеся в определенном стиле речи «приличия» (в данном случае — политика самодержавия) требовали даже в XX веке употребления особых грамматических форм — из «священного феодального языка,— когда речь шла о царском достоинстве: «Николай вторый...» или «и прочая и прочая и прочая»[2].

Вне устойчивых выражений архаические грамматические формы используются преимущественно в указах «правительствующ**аго** сената», «святейш**аго** правительствующ**аго** синода», в «имянных указах», «за собственноручным **ея** императорск**аго** величества подписанием» и их копиях. Документы «низких жанров» (доношения, «репорта», челобитные, изветы, выборы, известия и пр.), а также указы, приказы местных учреждений (контор, канцелярий) более чутко реагируют на изменения, происходящие в разговорном языке. Только влиянием разговорной стихии на деловую речь объясняется вытеснение окончаний -ый, -ий у прилагательных (и у порядковых числительных, причастий) муж. рода, ед. числа, им. падежа, окончаниями -ой, -ей[3]. Так, в указе от 1745 года (Л. 534) из Исетской провинциальной канцелярии 7 раз встретилась форма им. падежа ед. числа прилагательных, и все 7 раз с новым окончанием -ой: «мерин гнед**ой**», «мерин сер**ой**», «мерин соврас**ой**», «мерин серопег**ой**», «мерин сер**ой**», «дворов**ой** человек», «челябинск**ой** казак». В указе, помещенном на листе 535, использовано 3 формы, и тоже все 3 с новыми окончаниями: «треть**ей** (бежал) Иван Потеряев», «бобыльск**ой** сын», «ложн**ой** репорт».

Из разговорного языка проникли в деловые документы

---

[1] В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка, стр. 66, 106—111.

[2] В. Гофман. Язык литературы. Л., 1936, стр. 43.

[3] В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка, стр. 109.

окончания -ого, -его на место окончаний -аго, -яго («доброго ль состояния человек», «а росту он среднего», «июля третьего дня», «оренбурского полку порутчик» и т. д.).

Несомненно разговорный характер носят формы типа «оренбургские татаря», «месячные репорта», «портные мастера», «офицерские дома».

Говоря об отличии делового, приказного языка XVII в. от литературного, Г. О. Винокур подчеркивает: «...приказной язык гораздо свободнее отражал процессы, происходившие в ту пору в живых говорах Московского государства, и потому именно в памятниках приказного языка наблюдаем развитие таких форм, как им. падеж мн. числа слов муж. рода на -а ударяемое...»[1].

Таким образом, южноуральские официально-деловые документы представляют собой типичные образцы нового приказного языка XVIII века, очень богатого в жанровом отношении. Их стилистическое своеобразие проявляется в высокой терминологичности, насыщенности канцелярскими штампами, обилии аналитических конструкций. Язык памятников является результатом своеобразного скрещения книжных и разговорных элементов. Книжность, сложность, громоздкость, запутанность синтаксического строя сочетается с системой морфологической, близкой к разговорной. В единстве находятся книжные и разговорные единицы лексико-фразеологического состава. Такое соотношение сложилось уже к концу XVII века и характеризовало деловой язык на протяжении всего XVIII столетия.[2]

---

[1] Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку, стр. 112.

[2] В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка, стр. 31 и стр. 112.

РАЗВИТИЕ МЕТАФОРИЧЕСКИХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ В ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА[1]

Л. Н. РЫНЬКОВ,
Челябинский пединститут

В языке художественной литературы можно выделить особый тип словосочетаний—словосочетания, включающие в свой состав слова, употребленные в метафорическом значении. Такие словосочетания, назовем их метафорическими словосочетаниями, значительно отличаются от свободных словосочетаний. Метафорические словосочетания можно определить как сочетания не менее чем двух знаменательных слов, одно из которых приобретает переносное значение, в результате чего слова вступают друг с другом в тесные фразовые связи, образуя смысловое единство, служащее речевым средством передачи художественного образа. Например, в строфе «Картины хладные разврата. /Преданья глупых юных дней /Давно без пользы и возврата/ Погибших в Омуте страстей». (1, 299)[2] есть метафорическое словосочетание «в омуте страстей», которое передает одно образное представление. Значение метафорического словосочетания является новым качеством, новым смысловым единством, далеко не всегда прямо и непосредственно вытекающим из значений составляющих его компонентов. Слово, употребленное в метафорическом значении, лишено функции прямого называния и осмысливается только в составе всего словосочетания. В словосочетаниях «В немом кладбище памяти моей»; «Покрытой ржавчиной презрения» предметная отнесенность слов «кладбище», «ржавчина» сти-

---

[1] Статья представляет собой изложение доклада, прочитанного на Седьмой Всесоюзной Лермонтовской конференции, состоявшейся в г. Пензе в мае 1964 г.

[2] Цитируется по Полному собранию сочинений М. Ю. Лермонтова в четырех томах. Изд. «Правда», М., 1953 г. Первой цифрой обозначается том, второй—страница.

рается, уступая место общему образному значению всего словосочетания. В этом отношении метафорические словосочетания в какой-то мере сближаются с фразеологическими. В результате ослабления лексического значения слов создается целостное значение всего оборота. Образность свойственна метафорическим словосочетаниям по их целенаправленности, так как они возникают не только для того, чтобы выполнять номинативные функции, но и для того, чтобы быть средством субъективной оценки, средством образного самовыражения автора. Их лексическая спаянность приводит к синтаксической неразложимости. В связи с ослаблением лексического значения отдельных слов не представляется возможным выделить то или иное слово как самостоятельный член предложения, так как при этом неизбежно нарушится смысловое единство всего словосочетания. «В очах людей читаю я **страницы злобы** и **порока**» (1, 333). Словосочетание «страницы злобы и порока» синтаксически неразложимо. И здесь можно отметить значительную близость к фразеологическим оборотам. Следует также обратить внимание на бóльшую зависимость метафорических словосочетаний от контекста. Все типы словосочетаний реализуют свое значение в контексте. Однако смысл фразеологических словосочетаний (бить баклуши, рукой подать) и свободных словосочетаний (сторонник мира, красное знамя) с достаточной ясностью выявляется и вне контекста. Большинство метафорических словосочетаний выявляет свое смысловое содержание только в контексте: «Я видел груды темных скал, /Когда поток их разделял/, И думы их я угадал, /Мне было свыше то дано!/ Простерты в воздухе давно /**Объятья каменные** их./ И жаждут встречи каждый миг»; (2, 348). Словосочетание «объятья каменные» наполняется определенным смыслом только в приведенном предложении.

Метафорические словосочетания представляют собой факт индивидуальной речи. Их употребление ограничено рамками стилей языка художественной литературы, реже общественно-публицистических стилей. Они возникают в процессе речевой деятельности, формируют и выражают то или иное образное представление в определенной ситуации. Поскольку значение метафорических словосочетаний обусловлено фразовым окружением, является единичным явлением, оно далеко не всегда поддается точному определению, чаще воспринимается как художественный образ-представление, который может быть истолкован лишь описательно: «Я видал иногда, как ночная звезда /В зеркальном заливе блестит/ Как трепещет в струях,

и **серебряный прах**/ От нее рассыпаясь бежит» (**1**, 97). Словосочетание «серебряный прах» нельзя истолковать с помощью какого-либо точного понятия, оно передает единичное представление, возникшее в определенной обстановке.

Таким образом, метафорические словосочетания занимают особое положение в системе литературного языка. Их анализ важен не только для изучения особенностей индивидуального стиля писателя, но и для изучения развития речевых средств художественного выражения в разные периоды становления стилей литературного языка. Определенный материал, как нам кажется, изучение метафорических словосочетаний может дать для сопоставления в лингво-стилистическом плане разных методов словесно-художественного творчества, в частности романтизма и реализма. Показателен в этом отношении стиль М. Ю. Лермонтова.

Творчество М. Ю. Лермонтова делится в литературоведении на два периода. С точки зрения становления стиля поэта это деление в известной степени условно. Переход осуществляется постепенно. Резких границ между первым и вторым периодом нет.

В первом периоде процессы смыслового преобразования слов развивались в основном в русле романтических традиций.

Прежде всего необходимо отметить очень большую насыщенность метафорами большинства ранних произведений. Например, в стихотворении «Гроза» почти четвертая часть всех словосочетаний носит метафорический характер. Но дело не только в простой количественной насыщенности стиля метафорами. Слово, употребленное в метафорическом значении, становится семантическим центром высказывания, придавая всему повествованию определенную стилистическую окраску. Весь стиль становится метафорическим: «Тогда **раскаяния кинжал** /Пронзит тебя; и вспомнишь ты/, Что при прощанье я сказал», (**1**, 130). Метафорическое сочетание «раскаяния кинжал» придает романтическую окрашенность всему предложению, состоящему из стилистически нейтральных слов. Ср. также: «То битва семя смерти сеет» (**1**, 173). В предложении объединяются два метафорических словосочетания «битва сеет» и «семя смерти». «Следы печальные твоих высоких дум» (**1**, 71). Два метафорических сочетания «следы печальные» и «высоких дум» объединяются в третьем «следы дум». Возникают таким образом двойные и тройные метафоры. Предложение состоит из цепи метафорических сочетаний. Генитивные

сочетания часто дополняются метафорическими эпитетами «под грузом тяжких лет» (1, 104); «душная земли немой утроба (1, 64). Многим метафорам свойственна известная орнаментальность, напряженность: «Лобзаньем смерти искаженный...» (2, 76); «Так и любовь, покрыта скуки льдом»... (2, 62).

В грамматическом отношении метафорические словосочетания ничем не отличаются от свободных словосочетаний и могут классифицироваться в том же плане: именные словосочетания с разными именами в роли главного слова (лава вдохновенья, море жизни, груз надежд, живая кисть, бурное ядро. ветров онемевших), глагольные словосочетания (утопил воспоминанья, сражаясь с темнотой, изгрызла душу). Особое место занимают предикативные словосочетания, в которых метафоризируется сказуемое, не входящее в обычное фразовое окружение подлежащего (юность томится, воспоминанье спит, мысль улетает). Рассмотрение грамматических типов метафорических словосочетаний обычно не дает основания делать какие-либо выводы об особенностях метафоризации в индивидуальном стиле писателя или стиле литературного направления. Здесь можно говорить лишь о преимущественном употреблении тех или иных конструкций, в частности в стиле ранних произведений М. Ю. Лермонтова наблюдается весьма заметное преобладание генитивных конструкций над всеми остальными, что вообще характерно для романтического стиля. Эти конструкции отличаются книжностью, замкнутостью составляющих их компонентов. Часто метафоризируются также предикативные словосочетания.

Как уже указывалось, специфической чертой метафорических словосочетаний, которая как раз и позволяет рассматривать их как особый тип словосочетаний, является характер смысловых связей в них. Эти словосочетания строятся на основании ассоциаций по сходству, которые служат своеобразной внутренней мотивировкой метафорического переноса, «внутреней формой» метафоры. Кстати следует отметить, что понятие сходства рассматривается в данном случае в очень широком понимании и часто является просто условным обозначением самых различных сопоставлений в составе метафорических словосочетаний. Характер ассоциаций зависит не только от особенностей индивидуально-авторского восприятия действительности, стиля языка художественной литературы, в значительной степени определяемого жанром произведения, но и от метода художественного изображения.

Так, для романтического стиля присущ некоторый отрыв ассоциаций от реальной действительности, перенос их в область абстрактных понятий, искусственных сопоставлений, которые опираются не на реальный мир, а скорее на категории вымышленного мира романтически настроенного героя: «Мой ум немного совершит: /В душе моей как в океане/ Надежд разбитых груз лежит» (**1**, 223). Метафорическому словосочетанию «груз надежд» собственно не соответствует в действительности какое-либо понятие или представление. Сопоставляются настолько отдаленные друг от друга понятия, что мотивировка такого сопоставления находит очень опосредственное отражение в реальной действительности, так как автор стремится перенести описание своих переживаний в область романтического повествования. Так возникают метафоры, которые утрачивают частично связь с реальной действительностью, опираются на литературные ассоциации, образуя устойчивый комплекс романтических словесных символов.

Литературными ассоциациями определяется вовлечение в арсенал романтических средств отвлеченной лексики. На это обратил внимание проф. Б. С. Мейлах, который в статье «Метафора как элемент художественной системы» писал: «Но в особенности важен принцип метафоризации при введении в художественное произведение абстрактно-логических понятий, которые в метафоре и приобретают свойства, близкие образности»[1]. Проф. Мейлах приводит примеры из поэзии Пушкина, Тютчева. Очень много аналогичных метафор и в ранних произведениях М. Ю. Лермонтова: «хитрость и беспечность злобе дань несут» (**1**, 72); «виденья прежних лет толпятся предо мной» (**1**, 224); «мысль улетает» (**1**, 74): «воспоминанье спит» (**1**, 189); «завянет красота» (**1**, 101); «увядшими мечтами» (**1**, 224); «в любви живом страданье» (**1**, 64); «мгновенья скуки злые» (**1**, 94): «клеветой лукавой» (**1**, 206): «время злобное» (**1**, 55). Отвлеченные существительные в составе метафорических словосочетаний становятся средством художественного выражения, теряя в известной мере свою абстрагированность.

Поступки, мысли, чувства романтического героя сопоставляются со стихийными явлениями: «лава вдохновенья клокочет на груди моей» (1, 83); «буря чувств моих» (**1**, 208); «спокойствия туман» (**1**, 228); «гроза страстей» (**1**, 168); «вьюгой зла» (**1**, 173); «волною жизни унесенный» (**1**, 221). Одним из

---

[1] Б. Мейлах. Вопросы литературы и эстетики. Сб. статей. «Советский писатель», Л., 1958, стр. 207.

компонентов метафорических сочетаний часто выступают слова «море», «океан»: «как море жизни — вечность роковая» (1, 166); «и сердце бросил в море жизни шумной» (1, 242). Те же ассоциации мотивируют переносное значение ряда прилагательных: «так пасмурна жизнь наша» (1, 79); «жизнь моя безбрежна» (1, 194); «любви безбрежной дать предел» (1, 199). Особенно часты словосочетания со словами «огонь», «пламя», «гореть», «угасать» и другими аналогичными по значению: «чтоб потушить огонь сомкнутых глаз» (1, 64); «огнем отчаяния» (1, 89); «огонь любви первоначальной» (1, 180), «...Люди угасить в душе моей хотели /Огонь божественный, от самой колыбели/ Горевший в ней»... (1, 166); «добра спокойный пламень» (1, 73); «пламя крови южной» (2, 220); «пылал уж я душой» (1, 112); «мой дух погас и состарелся» (1, 66); «страстей огонь» (2, 64).

Некоторые ассоциации связаны с идеей призрачности человеческого существования. В качестве стержневых слов выступают слова «сон», «туман», «призрак» и т. п.: «страстей и мук умчался прежний сон» (1, 172); «промчался легкой страсти сон» (1, 113); «любви в безумном сне как прежде утопайте» (1, 57); «сны веселых лет» (1, 190); «сон души» (1, 186); «его души печальный сон» (1, 178); «светлый призрак дней минувших» (1, 66); «не любит он и славы дым» (1, 60); «хоть наша жизнь минута сновиденья» (1, 55); «и счастье на земле — туман» (1, 24).

Ряд метафорических словосочетаний передает отношение к окружающей действительности, которая тяготит романтического героя. В качестве смысловых центров словосочетаний выступает уже другая лексика: «не слыша на себе оков телесных» (1, 88); «как страшны жизни сей оковы» (1, 95); «порабощен мой дух и скован» (1, 224). Есть целый ряд других ассоциаций, на основе которых создаются метафорические словосочетания романтического направления.

Но все же литературные ассоциации гораздо беднее реальных связей предметов и явлений действительности. Поэтому круг фразовых отношений сравнительно узок. Одно и то же слово повторяется в разных метафорических словосочетаниях, в результате чего возникают т. н. «поэтические штампы»[1].

---

[1] Всесторонний анализ поэтических штампов конца XVIII — начала XIX в. дан в статьях А. Д. Григорьевой. См.: А. Д. Григорьева. Поэтическая фразеология конца XVIII—начала XIX века (именные сочетания). Сб. Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. «Наука», М., 1964, стр. 3—122. А. Д. Григорьева. О поэтических штампах конца XVIII—начала XIX в. «Вопросы языкознания», № 3, 1966 г., стр. 73—83.

Слова в их составе переносятся в сферу обозначения возвышенных поэтических категорий, приобретая своего рода дополнительное, «поэтическое» значение. Ср., например, употребление слова «печать» в разном фразовом окружении: «уныния печать» (1, 55); «печать страстей» (1, 59), «печать глубоких дум» (1, 141); «печать могил» (1, 104); «печать проклятья» (1, 134); «грусти печать» (1, 141); «ума печать» (1, 175); «печать презренья» (1, 214); другие примеры: «цепь жизни» (1, 189); «цепь обманчивых видений» (1, 194); «цепь предубеждений (1, 133); «приличья цепи» (1, 103); «мир любви» (1, 230); «мир мечтанья» (1, 60); «цветок уединенья» (1, 165); «воспоминания цветок» (2, 128); «печальной молнии змея» (1, 96), «коварства змии» (1, 55). Такую же роль играют в рассмотренных выше сочетаниях слова «море», «океан», «гроза», «пламя», «огонь» и др. В романтически окрашенном значении, являющемся следствием узости фразеологических связей, выступают и глаголы. Например: «и с высоты мне радость льет» (1, 179); «я мыслей чистую излил струю» (1, 86); «Как настоящее оно, /Страстями бурными облито» (1, 173); «он пером своим прольет всю душу» (1, 54); «с тобой я чувствами сливаюсь/. В речах веселых счастье пью» (1, 56); «Мы пьем из чаши бытия» (1, 153).

В первом периоде творчества поэта в сфере метафорического словоупотребления наблюдается значительное преобладание романтических традиций. Но не следует считать, что М. Ю. Лермонтов без всякой переработки использует эти обороты. Если в романтических произведениях 20—30-х годов вещественное значение слова фактически выхолащивалось, заменялось книжным значением, то в стиле М. Ю. Лермонтова вещественное значение слова не исчезает, наоборот, оно служит той базой, на которой развиваются все дополнительные значения. Это хорошо показано в статье проф. А. В. Соколова «К вопросу об эволюции романтического стиля М. Ю. Лермонтова»,[1] в которой обстоятельно доказывается, что традиционные для романтической поэзии метафоры наполняются у Лермонтова «новым, глубоким конкретным содержанием и приобретают объективно-предметный характер». На этом вопросе мы не останавливаемся, отсылая к указанной статье проф. А. В. Соколова.

Другой особенностью метафорических сочетаний первого периода является их стилистическая недифференцирован-

---

[1] Сборник статей по языкознанию. Профессору Московского университета академику В. В. Виноградову. Изд. МГУ, 1958 г., стр. 281—296.

ность. Процессы метафоризации одинаковы и в поэзии, и в прозе, и в драматургии. Все, что до сих пор говорилось о поэтических метафорах, может быть отнесено и к другим жанрам. Ср. примеры метафор из романа «Вадим»: «книга мщения» (4, 11); «нищета — душа порока и преступлений» (4, 47); «черты, отлитые в какую-то особую форму величия и благородства» (4, 87); «читают в сердце» (4, 14); «радость процветала» (4, 15); «увяли надежды» (4, 26); «гордость дышала» (4, 29); «облака призывали мое воображение к себе на воздушные крылья» (4, 24). Примеры из ранних драм: «Души его непобедимый жар и дикой страсти пыл мятежный» (3, 5); «в груди твоей бунтуют страсти» (3, 127); «сжег огнем терзаний» (3, 130); «свинцовая тягость греха» (3, 130); «печать моего проклятья» (3, 151); «свинцовых минут безвестность» (3, 155).

Но уже в раннем периоде многие метафорические новообразования выходят за пределы романтической фразеологии. Мотивировка метафор часто опирается не на узкие рамки искусственных литературных ассоциаций, а на сопоставления, взятые из реальной жизни. Смысловому преобразованию подвергаются общенародные слова: «жилище вольности простой» (1, 100); «у ног Кавказа» (1, 100); «на бархате лугов» (1, 72); «тенетом лент, кисей»; «дождь цветов», (2, 208); «ковер цветов» (2, 14); «аул рассыпан над рекою» (2, 148). Наиболее распространенным типом реалистических ассоциаций было сближение одушевленных понятий, и в первую очередь понятий, характеризующих человека, с неодушевленными понятиями, что создавало широкий антропоморфический фон. В основном в этом плане метафоризируются личные формы глагола: «луна за тучи забежала» (1, 72); «над тобой порхнет зефир весенний» (1, 71); «луна... блуждала» (1, 214); «луна... играла в стеклах радужным огнем» (1, 186); «лепечут волны» (1, 98); «ревет гроза» (1, 96); «гроза бунтует» (1, 99); «взор бродит» (1, 61); «главу рогатую ласкает легкий хмель» (1, 72); «вьются туманы» (1, 142); «волна с холодным резвится лучом» (1, 115); «колокол стонет» (1, 200); «Где любят моря синие валы/ Баюкать тень береговой скалы» (2, 57). Антропоморфический фон может создаваться и с помощью прилагательных: «сумрачный гранит» (1, 138); «зеленью радушной» (1, 113); «новорожденный луч»; «степь седую» (1, 163); «меч с задумчивой цевницей» (1, 54); «ревнивой волны» (1, 236); существительных: «волн стон» (1,70); «чету белеющих берез» (1, 313); «роптанье листьев» (2, 397); деепричастий и прича-

стий: «солнце, пробираясь...» (1, 197); «солнце..., бродя меж серых туч», «унылый свист играющей метели» (2, 264). Таким образом, метафорические словосочетания развиваются в первом периоде творчества поэта главным образом на основе литературных романтических ассоциаций и в меньшей степени на реальных ассоциациях. Наблюдается довольно четкое разделение сфер употребления метафорических словосочетаний первого и второго типа. Если метафоры первого типа употреблялись главным образом как средство описания поступков, переживаний романтически настроенного героя, то метафоры второго типа встречаются в основном в описаниях обстановки, пейзажей.

Переход к иным формам осуществляется постепенно. При этом сохраняется преемственность между первым и вторым периодом. Большинство явлений, характерных для первого периода, в той или иной степени наблюдаются и в последующем творчестве поэта. Но сам характер метафорических процессов заметно изменяется. Значительно уменьшается количество метафор и в поэзии и в прозе,[1] уменьшается количество генитивных конструкций. Ослабляется соответственно и общая метафоричность стиля. Метафоры теряют орнаментальность, напряженность. Происходит четкое разграничение метафор в зависимости от жанра произведения.

В поэзии гораздо меньший удельный вес приобретает книжная лексика, возрастает роль общенародного словаря, метафоризируются в основном стилистически нейтральные слова: «толпою соплеменных гор» (1, 321); «зреющей сливы румянец» (1, 289); «шатер чернеющих ветвей» (2, 248); «седовласый Шат» (1, 326); «румяным вечером» (1, 262); «томный свет» (2, 282); «народ кипит в монастыре» (2, 236); «луч обливал и потолок и стены» (2, 260).

Иной становится мотивировка метафор. Сохраняются и романтические ассоциации. Но в большинстве метафорических сочетаний мотивировка переноса значения начинает опираться на реально представляемые связи между явлениями действительности. По-прежнему одной из распространеннейших ассоциаций остается сопоставление мира одушевленных предметов с неодушевленными, прием олицетворения. Подбор глаголов становится разнообразнее, преодолевается узость фразеологических связей первого периода. Ср. метафорические

[1] Это можно легко показать с помощью арифметических подсчетов, но указание точных цифр в данном случае не может повлиять на общий вывод.

сочетания в стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива»: «прячется малиновая слива»; «ландыш приветливо кивает головой»; «ключ играет по оврагу», «лепечет мне таинственную сагу»; «смиряется души моей тревога» (1, 262). Другие примеры: «сады спят» (2, 259); «проснулся день» (2, 257); «смотрела ночи темнота» (2, 354); «в тучах прячутся скалы» (2, 353); «облака... толпятся над горою» (2, 297); «выходят стаи облаков» (2, 244); «утеса каменная грудь» (1, 319); «игрою шепчущих листов» (2, 230). Иногда наблюдается повторение определенного глагола, создающего антропоморфический фон: «туманы одели темные поляны» (2, 339); «весь мир одет угрюмой тенью» (2, 287); «Вечерней мглы покров воздушный/ Уж холмы Грузии одел» (2, 387); «...И снегом сыпучим /Одета как ризой она»... (1, 315). Чтобы еще раз подчеркнуть, в каком направлении меняется характер метафорических преобразований, можно сравнить с приведенными примерами переосмысление этого же глагола в творчестве первого периода. «И в одежду жизни одевает/ Все, чего уж нет» (1, 190).

Весьма разнообразными становятся сопоставления предметов, явлений, абстрактных понятий друг с другом: «кудри легких облаков» (2, 238); «ткани паутин седых» (2, 254); «хрусталь волны» (2, 359); «инеем цветов» (2, 386); «повесть горьких мук моих» (2, 361); «звуки тают» (1, 268); «передразнивая чувства» (2, 263); «висели облака» (2, 287); «на вершине снежной румянец гаснет» (2, 380); «а душу можно ль рассказать» (2, 346). Реальные связи, сходство предметов и явлений дают основания для самых различных по своей смысловой направленности ассоциаций. Например, возникают ассоциации, на базе которых создаются метафоры, выражающие отношение поэта к светскому обществу: «в пустыне света» (2, 277); «среди ледяного, среди беспощадного света» (1, 288); «на светские цепи» (1, 288); «свет завистливый и душный» (1, 255).

Еще одним подтверждением расширения круга ассоциативных связей при образном употреблении слова могут служить метафорические словосочетания, имеющие юмористическую или сатирическую направленность: «Перу покорствуя невольно/ и своенравию чернил» (2, 335); «И не носил приличия вериг» (2, 271); «А вот уездной предводитель/ Весь спрятан в галстук, фрак до пят»...(2, 335), «Мы благодетельным вином /Стихи негладкие запьем/ И побегут они, хромая, /За мирною своей семьей/ К реке забвенья на покой» (2, 319); «Его крапленые колоды /Не раз невинные доходы/ С индеек,

масла и овса /Вдруг пожирали в полчаса» (2, 322); «В пучинах сумрачных расчета/ Блуждать была ему охота» (2, 322).

Таким образом, происходит весьма заметная эволюция метафорических словосочетаний. Однако это явление не следует представлять как полный отрыв от традиций первого периода. Элементы романтического стиля широко проникают в складывающуюся новую стилистическую систему, но при этом меняют фразовые связи, получая иное содержание, другую стилистическую окраску и предметную отнесенность. Романтическая фразеология становится средством реалистического изображения: «Душа усталая моя; /Как ранний плод, лишенный сока/, Она увяла в бурях рока...» (1, 268). Метафорическое употребление слова «увяла» не отходит от романтической традиции, но метафора здесь вытекает из реалистического сравнения «как ранний плод, лишенный сока», развивается не в сфере отвлеченной романтической фразеологии, а в семантическом плане реалистического сравнения. Ср. также следующие примеры: «И мир трепещущий в безмолвии взирал. /На ризу чудную могущества и славы/ Который вас он одевал»... (1, 316). «Но в цвете надежды и силы/ Угас его царственный сын» (1, 292).

Переносное значение может развиваться путем сопоставления его с прямым: «И бури шумные природы/ И бури тайные страстей» (1, 318). Словосочетание «бури страстей» на фоне прямого значения лишается отчасти романтической окраски.

Романтическая фразеология второго периода чаще всего не остается простым повторением предшествовавшей практики. Она становится гораздо разнообразнее, шире по своим фразеологическим связям. Примеры: «Но светлая слеза — жемчужина страдания» (1, 267); «И в лицо огнем сама земля дышала мне» (2, 358); «со всех сторон дышала сладость бытия» (2, 358); «Мир божий спал /В оцепенении глухом/, Отчаяния тяжелым сном» (2, 358). «В нем чувство вдруг заговорило/ Родным когда-то языком» (2, 341).

Все эти примеры свидетельствуют о дальнейшем развитии М. Ю. Лермонтовым этой части поэтического словаря.

Значительное количество метафорических сочетаний, если их взять изолированно, по своей структуре, смысловой направленности ничем не отличаются от романтических метафор первого периода: «в омуте страстей» (1, 299); «бурею страстей» (1, 319); «пламень чувства» (1,282); «цепь тяжелых лет» (1, 305); «луч воображения» (1, 249); «прежних дней летучий

сон» (2,340); «минувших дней безумный сон» (2, 263); «минутной жизни след» (2, 255); «до чаши наслаждения» (1, 273); «венцы внимания» (1, 283); «терния клевет» (1, 283); «смерти вечную печать» (2, 398). В таком же ключе развиваются предикативные и атрибутивные сочетания: «Сковала душу мне усталость /А сожаленье день и ночь/ Твердит о прошлом» (2, 333); «зло не дышало здесь поныне» (2, 386); «кипели страсти» (2, 252); «немой души» (2, 376); «надежд погибших» (2, 393); «одетый молньей и туманом/. Я шумно мчался в облаках» (2, 393). Структурные особенности, характер сопоставлений почти не меняется. Дальнейшее развитие заключается в том, что романтические метафоры органически сливаются с другой лексикой, создающей образы реального содержания, они меняют свою стилистическую окраску, их романтическая заостренность несколько ослабевает. Так М. Ю. Лермонтов открывает в арсенале романтических средств новые возможности художественного изображения.

В отдельных случаях романтическая фразеология выступает как объект пародирования, что свидетельствует о меняющейся ее оценке, о разнообразии приемов ее реализации в тексте: «О, если б мог он, в молнию одет. /Одним ударом весь разрушить свет» (2,277). Искусственные формулы романтического стиля первого периода превращаются поэтом в иронические метафоры, пародирующие этот стиль: «Скажу ль при этом имени, друзья. /В моей груди шипит воспоминанье/, Как под ногой прижатая змея, /И ползает, как та среди развалин/ По жилам сердца...» (2, 263). Принцип олицетворения отвлеченных понятий намеренно снижается метафорическим употреблением глаголов «шипит», «ползет», сопровождаемых сравнением «как под ногой прижатая змея».

Таким образом, в поэзии второго периода метафорические сочетания развиваются в двух направлениях. С одной стороны, преобразуются, разнообразятся и совершенствуются приемы использования романтической фразеологии, с другой стороны, интенсивно развиваются метафорические словосочетания, опирающиеся на реалистические ассоциации. Соотношение метафорических сочетаний этих двух типов не одинаково в разных произведениях. Например, в стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива» романтические метафоры отсутствуют. В стихотворении «Как часто пестрою толпою окружен» метафоры «погружаясь в их блеск и суету», «ласкаю мечту», «погибших лет святые звуки», «бурей тягостных сомнений и страстей» развиваются в романтическом направлении, а метафоры

«сетью трав», «глядит вечерний луч», «шум толпы спугнет мечту мою» (1, 285—286) имеют реалистическую мотивировку. Метафорическое сочетание «железный стих, облитый горечью и злостью» представляет собой соединение обоих направлений, так как в сочетании «железный стих» прилагательное «железный» метафоризируется в сторону общенародного употребления слова «железный» в переносном значении, словосочетание «облитый горечью и злостью» построено в духе книжных традиций. Особенно заметен синтез метафор в поэмах. Например, в поэме «Мцыри» метафоры в основном развиваются в реалистическом плане: «В снегах, горящих, как алмаз», (2, 348); «рыбок пестрые стада» (2, 360); «ручья ребячий лепет» (2, 359); «хоровод светил» (2, 357); «растений радужный наряд» (2, 351); «кудри виноградных лоз» (2, 351); «в тени рассыпанный аул» (2, 348) и др. Но наряду с ними употребляется и романтическая фразеология: «мир тревог и битв» (2, 346); «надежд обманутых укор» (2, 357); «я тайный замысел ла́скал» (2, 357); «страданье спит» (2, 347) и др. Даже в реалистических поэмах есть романтические метафоры: «...забыт любви волшебный царь/; Давно остыл его алтарь» (2, 331); «ты не хотел насмешки выпить яд» (2, 298); «из мрака мыслей гибельных и ложных» (2, 281); «блуждая в мире вымысла без пищи» (2, 269); «в немом кладбище памяти моей» (2, 257).

Разная соотнесенность метафор двух смысловых планов, разные формы их использования позволяют выполнять различные задачи художественного описания. В стихотворении «Журналист, читатель и писатель» параллельное употребление разных метафор вызвано стремлением дифференцировать речь участников диалога. В речи журналиста встречаются метафоры, созданные на базе общих слов: «на мелочь душу разменяв», «нагая резкость выраженья»; метафора «нарядная печаль» имеет ироническое звучание в словосочетании «порой влюбляется он страстно в свою нарядную печаль». В речи писателя метафоры передают уже более сложные образы, отличаются большей книжностью: «И рифмы дружные, как волны, /Журча одна во след другой/ Несутся вольной чередой»/; «В душе проснувшейся едва /На мысли, дышащие силой/, Как жемчуг нижутся слова». Ср. также такие метафорические сочетания, как: «бремя забот», «мир мечтою благородной пред ним очищен и обмыт», «жадная тоска», «рисует память своевольно», «в омуте страстей», «тайный яд страницы знойной» и др. (1, 294—299). Речь писателя в гораздо большей степени

насыщена метафорами, чем речь, журналиста и читателя, и эти метафоры имеют романтическую окрашенность.

В прозе второго периода метафорические преобразования основываются уже на совершенно иных принципах, нежели в первом периоде. Прежде всего наблюдается отчетливая дифференциация. Метафоры имеют мало общих черт с поэтическими метафорами. Ограничивается сфера употребления метафорических сочетаний. Описания поступков, переживаний героев их почти не содержат. Примеры: «Сквозь эту холодную кору прорывалась часто настоящая природа человека» (**4**, 105). Метафорическое употребление слова «кора» раскрывается предыдущим контекстом. Или: «Разговор сделался общим разменом городских новостей», «едва распустившейся душой» (**4**, 246). Некоторые метафоры испытывают влияние предшествующего периода: «одежда лести» (**4**, 169); «принадлежит юности сердца» (**4**, 228); «отражение жара душевного» (**4**, 205); «бурями душевными» (**4**, 204); «зерно чувства» (**4**, 228). Еще реже встречаются метафоры в описаниях обстановки, портрета: «сеткой зеленого плюща», «бархатные глаза» (**4**, 241).

Гораздо более разнообразны и многочисленны метафорические сочетания в описаниях пейзажа. Они не так четко выделяются как поэтические метафоры, иногда почти незаметны. Переносное значение еще меньше отходит от прямого: «Гуд-гора курилась, по бокам ее ползли струйки облаков, на вершине лежала черная туча» (**4**, 174); «Ночь уж ложилась на горы, и туман начинал бродить по ущельям» (**4**, 179); «Росистый вечер дышал упоительной прохладой» (**4**, 252); «...туман... скользил, убегая...» (**4**, 189); «...луна тихо смотрела на беспокойную; но покорную ей поверхность» (**4**, 211); «при виде кудрявых гор» (**4**, 236). Олицетворение остается основной мотивировкой переносного употребления слов и в прозе.

Появляются метафоры иронического содержания: «останавливала сухой насмешкой разливы красноречия» (**4**, 119). ...«Эти блестящие вывески (речь идет об эполетах и аксельбантах — Л. Р.) утратили свое значение» (**4**, 128). Ироническое звучание приобретает слово «водяной» в романе «Герой нашего времени»: «Водяное общество», «водяные медики», «водяная молодежь».

Некоторое влияние романтической фразеологии сохраняется в прозе второго периода, особенно в романе «Княгиня Лиговская». Примеры: «...Она принуждена была сорвать с своих уст печать молчания» (**4**, 153); «сострадание впустило свои

когти в ее неопытное сердце» (4, 249); «высокие подмостки его рассудка» (4, 149); «сжимал свои чувства и мысли» (4, 105); «неожиданно мысль прилетела к нему свыше» (4, 109); «вчера глаза ее пылали страстью» (4, 242). Наконец, романтическая фразеология создает пародийную речевую характеристику: «Моя солдатская шинель — как печать отвержения» (4, 223) — слова Грушницкого.

Изучение метафорического новаторства М. Ю. Лермонтова показывает, каким глубоким семантическим сдвигам подвергается лексика русского литературного языка в произведениях поэта. Характер метафорических преобразований слов меняется в разные периоды и в разных произведениях. Общее развитие идет от стилистической недифференцированности метафор раннего периода к последующей их дифференциации. В этом процессе находят отражение две тенденции в формировании переносных значений слова. Следуя нормам романтического стиля, М. Ю. Лермонтов использует уже сложившуюся романтическую фразеологию, перерабатывая ее и делая средством выражения нового содержания. В стиле М. Ю. Лермонтова разрушается искусственность книжной фразеологии, слову возвращается его вещественное значение, «романтическая» окраска воспринимается как дальнейшее развитие этого прямого значения. Слово очищается от искусственных книжных наслоений, романтические метафоры в творчестве М. Ю. Лермонтова получают огромную выразительную силу. «Лермонтов пускает в широкий демократический оборот лучшие достижения романтической культуры художественного слова, очистив романтический стиль от крайностей имажинизма и от бессодержательных украшений романтической фразеологии».[1] С другой стороны, развивая пушкинские традиции, поэт раскрывает новые семантические возможности у слов общего словаря, создает метафоры, основанные на реальных сопоставлениях. Поэтический словарь расширяется в сторону живой русской речи. Общенародные слова обогащаются новыми экспрессивно насыщенными значениями. Соотношение этих двух направлений различно в разные периоды. В юношеских произведениях преобладает романтическая струя. Затем все большую роль начинают играть реалистические метафоры. Отдельные произведения зрелого периода совсем не содержат романтической фразеологии. В большинстве же произведений осуществляется синтез метафор обоих типов.

---

[1] В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. Учпедгиз, М., 1938, стр. 299.

СОДЕРЖАНИЕ

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета Челябинского педагогического института.

ФБ09185. 28/II-1967 г. Формат бумаги 80×64[1]/16. Объем 9,75 печ. л.
Тираж 800. Заказ № 13051. Цена 60 коп.

Типография газетно-журнального издательства «Челябинский рабочий»,
г. Челябинск, ул. Лесная, 56.

Цена 60 коп.